

STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2019

№6 (38) || Ноябрь

#6 (38) || November

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2019-38-6-1-171

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

доктор филол. наук, профессор, декан философского факультета университета им.

Палацкого г. Оломоуц Зденек Пехал (Чешская республика)

канд. филол. наук, редактор Е.В. Раздобурдина

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

канд. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стеръёпулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

© 2013–2019. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2019 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Doctor of Philology Professor Zdeněk Pechal
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (Macedonia)*
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishavska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание**Статьи**

<i>Трацяк З.І. (Полацк, Беларусь)</i> Ідэйна-мастацкая спецыфіка ўвасаблення матыву «навала-кантынуум» у трылогіі «Шэметы» М. Лобана	9
<i>Довгий О.Л. (Москва, Россия)</i> К забытому юбилею: четыре текста об Антиохе Кантемире	15
<i>Розинская О.В. (Москва, Россия)</i> Столетняя годовщина смерти А.С. Пушкина в межвоенной Польше	26
<i>Ружицкий И.В. (Москва, Россия)</i> О языке Федора Достоевского	31
<i>Якушкина Е.И. (Москва, Россия)</i> Диалектные материалы из западной Боснии	44

Материалы и сообщения

<i>Косарева А.Н. (Москва, Россия)</i> Лингвокультурный анализ киноперевода фразеологических единиц с английского на русский и французский языки на примере телесериала «Аббатство Даунтон»	56
<i>Андреева Я.Е. (Тюмень, Россия)</i> Феминно маркированные лексические единицы в романе Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и его переводе на китайский язык	65
<i>Иордани Н.П. (Москва, Россия)</i> Особенности безударного вокализма после твердых согласных в брянском говоре первой половины XVII века	71
<i>Самсонова А.Д. (Самара, Россия)</i> Перевод А.А. Нартова отрывка из произведения Б. Фонтенеля «Разговор в царстве мертвых. Артемизия и Раймунд Луллий» как отражение морально-нравственных идеалов общества XVIII века	78
<i>Сидоревич А.Е. (Москва, Россия)</i> Словарь коммерции во французском языке XIX века: эволюция понятия 'магазин'	85
<i>У Сыци (Москва, Россия)</i> Отклонения в области произношения сонорных согласных в русской речи китайцев	92
<i>Шахмаева К.А. (Тольятти, Россия)</i> Роль графических выделений в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»	99
<i>Еремченко А.В. (Санкт-Петербург, Россия)</i> К проблеме лично-числовых предпочтений глаголов «поведения» (на материале болгарского языка)	104

Научная жизнь

- Лескинен М.В. (Москва, Россия)* Конференция «Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе» 114
- Кикило Н.И. (Москва, Россия)* Первая научно-практическая школа сербистики «Доминанты сербской культуры» 122

События. Имена. Судьбы

- Vlašić-Anić A. (Zagreb, Hrvatska)* Alexavangardrida Flakerijada Kugla-okom armsice u trapericama 125

Критика. Библиография

- Krasovec D. (Moscou, Russie)* Perspectives ouvertes par “Images polémiques, images dissidentes. Art et Réforme à Strasbourg (1520 – vers 1550)” de Frank Muller (2017) 138
- Злочевская А.В. (Москва, Россия)* А.С. Пушкин в восприятии современных словацких русистов: подведение итогов 147
- Умнягин Вяч., иерей (Москва, Россия)* Воропаев В.А. Нет другой двери... : О Гоголе и не только. М.: Белый город, 2019. 448 с., ил. 151
- Белова Т.Н. (Москва, Россия)* Барнс Дж. Одна история. М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2018. 320 с. 156
- Красовец А.Н. (Москва, Россия)* Из языка в язык: Антология современной литературы национальных меньшинств и иммигрантов в Словении / Iz jezika v jezik: antologija sodobne manjšinske in priseljenske književnosti v Sloveniji. Любляна, 2014. 816 с. 160

In Memoriam

- Шешкен А.Г. (Россия, Москва)* Сербский русист Бобан Чурич (13.12.1968–13.09.2019) 167

Articles

<i>Tratsiak Z. (Polotsk, Belarus)</i> Fictional Perception of a ‘Continuous War’ Motive in M. Loban’s Trilogy ‘The Šemiets’	9
<i>Dovgy O.L. (Moscow, Russia)</i> Up to the Unremembered Anniversary: Four Texts on Antioch Cantemir	15
<i>Rozinskaya O.V. (Moscow, Russia)</i> Centenary of Aleksander Pushkin’s Death in Poland between the Two World Wars	26
<i>Ruzhitskiy I.V. (Moscow, Russia)</i> Language and Literary Works of Fyodor M. Dostoevsky	31
<i>Yakushkina E.I. (Moscow, Russia)</i> Dialect Materials from Western Bosnia	44

Communications and Materials

<i>Kosareva A.N. (Moscow, Russia)</i> Linguocultural Aspect of Phraseological Units’ Translation from English into Russian and French in the TV Series “Downton Abbey”	56
<i>Andreeva I.Ye. (Tyumen, Russia)</i> The Feminine Space in the Novel “Zuleikha Opens Her Eyes” by Guzel Yakhina and its Translation into the Chinese Language	65
<i>Jordani N.P. (Moscow, Russia)</i> The Features of Unstressed Vocalism after the Unpalatalized Consonants in the Bryansk Dialect of Early 17 th century	71
<i>Samsonova A.D. (Samara, Russia)</i> A.A. Nartov’s Translations of the Passage from the B. de Fontenelle’s Work “Dialogue in the Realm of the Dead. Artemisia and Raymond Lullius” as a Reflection of Moral Ideals of the 18 th century Society.....	78
<i>Sidorevich A.E. (Moscow, Russia)</i> The Vocabulary of Commerce in the French Language of the 19 th century: the Evolution of the Notion ‘Shop’	85
<i>Wu Siqi (Moscow, Russia)</i> Deviations in the Pronunciation of Sonorous Consonants in the Russian Speech of the Chinese	92
<i>Shahmaeva K.A. (Tolyatti, Russia)</i> The Role of Graphic Selections in Fyodor Dostoevsky’s Novel “The Insulted and Humiliated”	99
<i>Eremchenko A.V. (Saint Peterburg, Russia)</i> Towards the Problem of Personal-Numer- ical Preferences of the Verbs of “Behavior” (on the material of the Bulgarian language).....	104

- Leskinen M. (Moscow, Russia)* The Conference “Anthropomorphic and Zoomorphic Representations of Nations and States in the Slavic Cultural Discourse” 114
- Kikilo N. (Moscow, Russia)* The First Serbian Studies Workshop “Dominants of Serbian Cultures” 122

Events. Names. Destiny

- Vlašić-Anić A. (Zagreb, Croatia)* Alexavangardrida Flakerijada with an Kugla-eye of Harmsica in jeans 125

Critique. Bibliography

- Krasovec D. (Moscow, Russia)* Perspectives Opened by “Controversial Pictures, Dissenting Pictures. Art and Reform in Strasbourg (1520 – circa 1550)” by Frank Muller (2017)..... 139
- Zlochevskaya A.V. (Moscow, Russia)* Pushkin in Perception of Contemporary Slovak Researchers of Russian Literature: Summarizing 147
- Umnyagin V., priest (Moscow, Russia)* Voropaev V.A. No Other Door... : About Gogol and not Only. Moscow. Bely Gorod, 2019. 448 p., ill. 151
- Belova T.N. (Moscow, Russia)* Barnes J. The Only Story. M.: Inostranka, Azbuka-Atticus, 2018. 320 p. 156
- Krasovec A.N. (Moscow, Russia)* From Language to Language: Anthology of Contemporary Literature of National Minorities and Immigrants in Slovenia / Iz jezika v jezik: antologija sodobne manjšinske in priseljske književnosti v Sloveniji. Ljubljana, 2014. 816 p. 160

In Memoriam

- Sheshken A.G. (Moscow, Russia)* Serbian Russian Boban Ćurić (12.13.1968–09.13.2019) 167

Статъи

Articles

З.І. Траццяк (Полацк, Беларусь)

Ідэйна-мастацкая спецыфіка ўвасаблення матыву «навала-кантынуум» у трылогіі «Шэметы» М. Лобана

Анатацыя: У артыкуле разглядаецца трылогія М. Лобана «Шэметы» як асобны этап у развіцці беларускай прозы XX ст., звязанай з мастацкім асэнсаваннем матыву «навала-кантынуум». На прыкладзе персанажаў-прадстаўнікоў адной сям’і пісьменнік вывучае ўплыў бясконцых грамадска-палітычных катаклізмаў на светапогляд звычайнага чалавека. Акцэнтуюцца ўвага на глыбокім аналізе 1930-х гг., што падаюцца як асобны надзвычайны перыяд развіцця «навалы-кантынуума», які асацыюецца не толькі з актыўнымі баявымі дзеяннямі, але і з барацьбай з унутраным ворагам савецкаму ладу.

Ключавыя словы: беларуская літаратура XX ст., матывы «навала-кантынуум», сацрэалізм, хроніка

Z. Tratsiak (Polotsk, Belarus)

Fictional Perception of a ‘Continuous War’ Motive in M. Loban’s Trilogy ‘The Šemiets’

Abstract: Trilogy ‘The Šemiets’ by M. Loban regarded as a unique phenomenon in the development of Belarusian prose of the twentieth century is studied. This work is associated with the fictional interpretation of a ‘continuous war’ motive. Taking into account those characters that belong to the same family the writer studies the effect of infinite socio-political upheavals on the outlook of an average person. The article focuses on a thorough analysis of the 1930s regarded in the trilogy as an extremely important period in development of a ‘continuous war’, which is associated not only with the active military actions, but also with the fight against the internal enemy of the Soviet system.

Key words: Belarusian literature of the 20th century, ‘continuous war’ motive, social realism, chronicle

Інтэнсіўная распрацоўка матыва «навала-кантынуум», характэрнага для беларускай літаратуры XX ст., вызначала вектар мастацкіх пошукаў асобных аічынных мастакоў слова (М. Гарэцкі, М. Зарэцкі, М. Лобан, К. Чорны, В. Быкаў, І. Шамякін, У. Гніламедаў і інш.). Акрамя адмысловай цікаўнасці да багатай на перыпетыі нацыянальнай гісторыі, пісьменнікі засяроджваліся на спалучэнні розных ракурсаў светабачання: агульнасавецкага (якому папярэднічаў расійскі

вядлікадзяржаўны), уласнабеларускага і прыватна-асабістага. Зварот пісьменніка да матыву «навала-кантынуум» меў на ўвазе пошукі прыдатнай формы твора. Па гэтай прычыне запатрабаваным становіцца жанр хронікі, які спрыяў усебаковаму разгляду грамадска-палітычных працэсаў і прыватных лёсаў персанажаў.

Задума М. Лобана распавесці пра беларуса ў плыні часу ў першай палове XX ст. крышталізавалася паволі (аўтар працаваў над абранай тэмай амаль два дзесяцігоддзі). А. Вашчанка падкрэсліў, што першапачаткова пісьменнік бачыў раман у шасці кнігах, падзеі ў якіх павінны былі ахапіць перыяд з 1915 па 1957 гг. [Вашчанка 2015: 11]. Пазней аўтар спыніўся на форме трылогіі, якая ўключыла ў сябе раманы «На парозе будучыні», «Гарадок Устронь» і «Шэметы», дзе разгледжаны Першая сусветная вайна, рэвалюцыя 1917 г., усталяванне савецкага ладу на Беларусі, грамадскае жыццё ў 1930-я гг. і партызанская барацьба супраць гітлераўцаў пад час Вялікай Айчыннай вайны. Літаратуразнаўцы і крытыкі, якія адгукнуліся на публікацыю гэтых кніг, заўважылі шэраг паказальных рыс, уласцівых аповеду М. Лобана: «у творы паказана вясковае жыццё ў яго разнастайных, асабліва сацыяльна-бытавых праявах, перададзены складаныя і супярэчлівыя тэндэнцыі часу, створана разгалінаванае, напоўненае ўнутраным драматызмам сюжэтнае дзеянне, трапна выкарыстаны жывая народная мова, экспрэсіўна-вьяўленчыя магчымасці дыялектнага слова, стрыманы, лаканічны-дзелавы стыль» [Бугаёў 1999: 331]. Менавіта сацыяльна-бытавы аспект прозы пісьменніка разгледжаны В. Смольскай у кампаратыўным ракурсе ў дысертацыі «Сучасны беларускі сацыяльна-бытавы раман (М. Лобан, І. Чыгрынаў, І. Пташнікаў)» [Смольская: 1981].

Раманы трылогіі мелі выразны аўтабіяграфічны складнік, а матыву «навала-кантынуум» глыбока ўгрунтаваны ў светапогляд самога аўтара. Пацверджаннем, на нашу думку, з'яўляюцца фрагменты з кнігі успамінаў М. Лобана «Паэма майго маленства». Разважаючы пра пачатак XX ст., пісьменнік заўважыў, што «першая сусветная вайна асталася ў памяці ў выглядзе нейкага ласкуцца малюнкаў» [Лобан 2015: 336]. Падобная фрагментарнасць характарызавала і пазнейшыя назіранні будучага празаіка. Гэтая адметнасць нараджалася не толькі з прычыны маладога ўзросту нарагара ў мемуарах, але і са спецыфікі грамадска-палітычных працэсаў першай трэці стагоддзя. Напрыклад, апавядаючы пра 1918 г., М. Лобан адзначыў: «улада той год мянялася некалькі разоў, і цяпер цяжка успомніць, якая падзея пры якой уладзе адбылася» [Лобан 2015: 351]. З кнігі ўспамінаў відаць разгубленасць чалавека перад плыню гісторыі, якая на яго вачах стварала адмысловую мазаіку: «пасля немцаў бальшавіцкая ўлада доўга не пабыла, пачалося наступленне белапаякаў» [Лобан 2015: 353], «польская акупацыя далася ў знакі сваімі паборамі, экзекуцыямі і пажарамі... Паходы Калчака, Дзянікіна і іншых генералаў да Беларусі не дакочваліся. Тут апрача белапаякаў быў свой генерал, Булак-Балаховіч» [Лобан 2015: 354] і г. д. Асобныя праявы матыву «навала-кантынуум» заўважаюцца і ў дзённікавых запісах М. Лобана, прысвечаных Вялікай Айчыннай вайне [Лобан 2015].

Перажытае падштурхнула да больш глыбокага ўсебаковага разгляду тых надзвычайных падзей. Д. Бугаёў падкрэсліў, што для рэалізацыі такой задумы «недастаткова было толькі асабістых ... уражанняў, хаця для пісьменніка яны заўсёды маюць першаступенную важнасць. Прыходзілася весці грунтоўныя пошукі ў архівах, у некаторых выпадках скрупулёзна вывучаць перыёдыку за шэраг гадоў, складаць картатэку важнейшых падзей таго храналагічнага перыяду, які ахопліваецца ў раманам» [Бугаёў 1989: 146]. Такім чынам М. Лобан дастаткова ўдала спалучыў дакументальнае і мастацкае з выразна аўтабіяграфічным, што, паміж іншым, паспрыяла ўсебаковаму мастацкаму асэнсаванню матыву «навала-кантынуум».

Адзначым, што праца пісьменніка карэктавалася ў сувязі з пэўнымі ідэалагічнымі чыннікамі. Так, у рамане «На парозе будучыні» М. Лобан закрануў тэму пратэсту часткі беларускага сялянства супраць калектывізацыі як адметнай палітыкі і практыкі бальшавікоў. Гэты пратэст у 1964 г. падаваўся выключна як «кулацкая вылазка», недарэчнасць, што ні ў якім разе не адпавядала масавым поглядам, але адчувальная і пазіцыя пісьменніка, які ўсведамляў усю супярэчлівасць тых гістарычных працэсаў.

Аўтар трылогіі пра сям'ю Шэметаў падкрэсліў адну значную акалічнасць: народнае ўяўленні пра «навалу-кантынуум» сфарміраваліся не толькі пад уплывам падзей, пачатак якіх датаваны 1914 г. У рамане «На парозе будучыні» згаданы турэцкая і японская войны, якія паўплывалі на лёсы шараговых беларусаў, стаўшы рэпетыцыяй будучых татальных узброеных канфліктаў. Паказальна, што ва ўступнай частцы рамана «Гарадок Устронь» праявілі значна пашырыў кола грамадска-палітычных катэгорыяў, што падштурхнулі да генезісу ўяўленняў пра «навалу-кантынуум»: «Гісторыя Устроіні помніць нямала падзей. Хто не хадзіў, не ездзіў па яе крыжовых дарогах, не таптаў яе потам аблітых палеткаў, не рушыў яе сівых камяніц!» [Лобан 1980: 146]. М. Лобан узбудзіў малюнак разбурэння ў тутэйшых мясцінах, згадаўшы пра эпідэмію чумы 1510 г., пажары, што руйнавалі паселішча кожны раз, калі туды прыходзіў вораг (татары, шведы, французы). Далёкія па часе эпізоды міфалагізаваліся, дапаўняліся новымі дэталямі, якія ўсё ж набліжалі перажытае продкамі да надзённых падзей. Паводле аўтара, пазней гэтая ж тэндэнцыя распаўсюдзіцца і на вопыт, прынесены віхурай крызісных з'яў пачатку мінулага стагоддзя (міфалагізацыя першых дзён краіны, дзе нараджаўся сацыялістычны грамадскі лад).

М. Лобан, пішучы пра Першую сусветную, засведчыў наступнае: шараговы персанаж, які толькі апасродкавана зазнаў уплыў войн недалёкага мінулага, рэвалюцыі 1905 г., што праходзілі «недзе там», за парогам яго хаты і мястэчка, рабіў фатальную памылку, кажучы: «Была ж некалі вайна і з туркам і з японцам, то хто яе тут, у лесе, вельмі ведаў. Тое самае, калі яшчэ адна будзе» [Лобан 2015: 29]. Дастаткова хутка сапраўднае аблічча навалы паўставала ва ўсёй жахлівасці: перш за ўсё Некрашы неслі чалавечыя страты (з вайны «мала... паварочалася. Пра многіх папрыходзіла ў воласць, што пазабівала», некаторыя, як «Марка Князевых без абедзвюх ног асталіся. Хрысціна ездзіла з большым забіраць... То не захацеў ехаць дадому. Лепш, кажа, пайду дзе на вакзале сядзець, руку выставіўшы» [Лобан 2015: 127–128]), змяніўся спрадвечны лад жыцця, трансфармаваліся каштоўнасці арыентацыі. Па-новаму думалася салдатам расійскага войска пра дэзерцірства («Калі не заб'е мяне сёння, то я скончу з вайною. Не трэба мне ні чыны, ні ўзнагароды. Я хачу жыць!» [Лобан 2015: 60]), бежанства («прайшла была чутка, што дзе-нідзе бежанцы, сабраўшыся гуртам, рабілі нават напады на панскія маёнткі» [Лобан 2015: 83]), афіцыйную практыку ўзнагароджання («я вельмі раў бы табе пабыць на фронце ды зарабіць васьм гэту бляху, – Кандрат выняў з кішэні Георгіеўскі крыж на стужцы і два разы падкінуў яго на руцэ, – а потым прыслухацца да свайго сэрца, што на ім накіпела» [Лобан 2015: 110]). Тым самым у творах мэтанакіравана праводзілася думка, што «навала-кантынуум» мела нязменнага «хаўрусніка»: глыбокі аксіялагічны крызіс, розныя праявы якога пераадольваліся некалькі наступных дзесяцігоддзяў.

На нашу думку, першая вызначальная рыса ва ўвасабленні М. Лобанам крызісу каштоўнасцяў арыентацыі – ідэалагічная запраграмаванасць салдата-акопніка, яго падлегласць актыўнай прапагандзе (пісьменнік закранаў «апетыя рэвалюцыйнай рамантыкай» моманты, якія папярэднічалі нараджэнню краіны Саветаў). У апавядальнай канве рамана «На парозе будучыні» прысутнічае эпізод, калі будучы старшыня некрашоўскага рэўкома слухаецца ўшчуванняў загартаванага бальшавіка Брагіна («Што, афіцэры крыжыкам паманілі? Хай афіцэры з афіцэрамі і страляюцца,

а нам чаго?» [Лобан 2015: 129]) і пакідае жыццё нямецкаму салдату, які, паводле запатрабаванняў сацрэалізму, таксама ахвяра «класава-чужой» вайны. У цывільным жыцці ён быў звычайным працаўніком і спачуваў камуністычным ідэям. Не менш каларытны эпізод звязаны з іншым салдатам расійскай арміі, які не хацеў парушыць прысягу, бо лічыў гэты крок заганным, нападгрэшным учынкам, але пакінуў фронт (дэзерціраваў), пачуўшы, што яго аднавяскоўцы пачалі дзяліць панскую зямлю.

Паглыбленне аксіялагічнага крызісу, народжанага Першай сусветнай вайной, супала і з двума рэвалюцыямі 1917 г., якія адкрылі шлях да крывавага грамадзянскага супрацьстаяння на беларускай зямлі, нямецкай і польскай акупацыі. М. Лобан адзначаў, што ўжо ў 1920 г. «людзі з гарадоў разбрыдаліся па дарогах, шукаючы ратунку ў паралізаванай сьпячым і чорнай воспай вёсцы. Тысячы асірацелых дзяцей, абадранных і галодных, блукалі па вуліцах, замярзалі на дахах вагонаў, корпаліся на сметніках. Усё трэба было сцяраць, тужэй сцягнуць папругу на шынялі, мацней сціснуць у руках прыклад вінтоўкі» [Лобан 2015: 290]. Нягледзчы на абумоўленае цензурай жаданне апець «героіку змагання» за ідэалы сацыялізму, аўтар здолеў таксама акрэсліць змрочныя новыя праявы «навалы-кантынуума», якія нявечылі і душу, і цела шараговага чалавека, пастаўленага на мяжу выжывання і захавання прыстойнасці.

Паказальна, што ў рамане «Гарадок Устронь» «навала-кантынуум» пачынае асацыявацца не толькі з узброенымі канфліктамі. Аўтар акцэнтаваў ўвагу на знешне мірным савецкім жыцці, дзе барацьба ішла ў драматычнай форме партыйных «чыстак», прымусовага абагулення сялянскай маёмасці, пошукаў шпіёнаў, сабатажнікаў і ворагаў народа: «трактарыст расплавіў падшыпнікі – кулацкая падножка; на складзе прапаў каленчаты вал – шкодніцтва... у Якімаўцы прыняты ў калгас падкулачнік Рэдзька; у Букчы – наадварот – бядняк, былы партызан выключаны з калгаса» [Лобан 1980: 495]. Ілюстрацыяй штучнай пралангацыі стану змагання за ідэі рэвалюцыі становіцца характарыстыка, дадзеная адным з маладых савецкіх навукоўцаў, які безапеляцыйна абвясціў, што «прафесар Янушкевіч – белагвардзейскі афіцэр... Прафесар Голад – сын кулака з-пад Оршы, Сапун – быў таварышам міністра ў Калчака. Лаўрусевіч – сын памешчыка, служыў у царскай ахранцы, Стрыга – польскі шпіён, у дваццаць першым перайшоў граніцу, быў падручным у Савінка, Бабок – балаховец» [Лобан 1980: 455]. Падобны класавы падыход, паводле персанажа, дазволіў ператварыць абарону дысертацыі ў «працэс» над «неблаганадзейнымі» навукоўцамі, які заміналі новай генерацыі вылучэнцаў заняць так патрэбныя ім пасады. Бязлітасная сутнасць «навалы-кантынуума» бачылася і за спробай пільных савецкіх юнакоў выключыць з камасамолу дзяўчыну, бо, як выпадкова высветлілася, яна была дачкой белагвардзейскага афіцэра. Аўтар заўважаў, як звязваліся мінулае і сучаснасць, нявечачы прыватны лёс персанажа, які захадамі родных доўгі час не ведаў пра таямніцу свайго паходжання, нават не ўяўляў горкую і ганебную для таго часу праўду пра сябе.

Такія надуманыя «падзеі», што выклікалі гіпертрафаную рэакцыю дзейных асоб (як і іх прататыпаў з рэальнага жыцця), на нашу думку, уваходзілі ў кантэкст больш значных працэсаў і мінулага, і сучаснасці (сусветнай вайны, рэвалюцыі, калектывізацыі, барацьбы з кулацтвам). Адмысловую рэакцыю ў сучаснага чытача выклікае лубочная постаць сапраўднага бальшавіка: «Бальшавік – гэта не сарамлівая інстытутка, якая прызнае толькі цёпленькую ваду, пярынку і пазбягае слоў, якія пачынаюцца на літару “ха”. Каму-небудзь ад крытыкі смерць, а бальшавіку толькі здорава. Бальшавік – гэта... здаровы чалавек, якому хочацца на трыццаціградусным марозе снегам памыцца. Другому гэта – кхе-кхе, а баль-

шавіку – чырвонае цела і кроў кіпіць» [Лобан 1980: 448–449]. Мяркуючы па персанажы (сакратар райкома Мароз), у вусны якога ўкладзена гэтая тырада, аўтар наўрад ці пагаджаўся з усімі пададзенымі клішэ.

Паказальна, што М. Лобан імкнуўся засведчыць катастрафізм згаданых вышэй праяў «навалы-кантынуума», якія характарызавалі жыццё шарагова чалавека ў 1930-я гг. Пісьменнік усё ж дазволіў сваім персанажам паразважаць пра сапраўдныя вынікі класавай барацьбы, усталявання дыктатуры пралетарыяту, татальнай падазронасці: «мы губім на першых кроках тое, што потым будзем пакутліва шукаць. Няўжо нам больш не патрэбна... чалавечнасць?» [Лобан 1980: 433]. Асобнай праявай чалавечнасці, на думку аўтара, станавілася здольнасць спачуваць бязвінна асуджаным (тым больш, што іх лёс мог напаткаць кожнага незалежна ад сацыяльнага статусу). Самі ж пакараныя адмыслова ставіліся да тых, хто не страціў да іх даверу, не выкрасліў з кола сваіх знаёмых, не выказаў адкрытай знявагі: «без давер’я чалавек не можа жыць, без давер’я ты – чужак, выплюнутае шалупінне, труха. Няма нічога страшнейшага, калі грамадства адмаўляе чалавеку ў давер’і» [Лобан 1981: 18]. Менавіта тэма захавання чалавечнасці стане скразной для айчыннай літаратуры ХХ ст., у якой так ці інакш разглядалася «навала-кантынуум» (А. Адамовіч, В. Быкаў, М. Гарэцкі, Б. Сачанка, К. Чорны і інш.).

М. Лобан, разважаючы пра Вялікую Айчынную, з усёй разнастайнасці падзей і маральна-этычных праблем абраў прыватны ракурс, названы А. Адамовічам «вайной пад стрэхамі». Паглыбленне ў жыццё беларуса пад акупацыяй дазволіла працягнуць вывучэнне праяў «навалы-кантынуума», угрунтаваных не толькі ў надзённыя грамадска-палітычныя працэсы, але і недалёкае савецкае мінулае. Пісьменнік прасачыў, як на экстрэмальную сітуацыю рэагуюць тры прадстаўнікі сям’і Шэметаў: селянін Мацвей не імкнуўся да залішняй рызыкі ў барацьбе з ворагам, хаця і не адмаўляў магчымасці ўзяць зброю ў рукі; былы «вораг народа» Андрэй, камуніст паводле перакананняў, бескампрамісна змагаўся з фашызмам; інтэлігент Лукаш больш за ўсё схільны да здрадніцтва перш за ўсё гуманізму і чалавечым каштоўнасцям. Прапанаваныя светапоглядныя мадэлі дазволілі акрэсліць тры шляхі існавання ў плыні «навалы-кантынуума»: адаптацыя да ваенных абставін з гіпатэтычнай магчымасцю процідзеяння захопнікам (носьбітам непрымальнай ідэалогіі), актыўная барацьба з ворагам як быццёвы імператыв, прыстасавальніцтва да ўмоў існавання і барацьба за захаванне выключна свайго дабрабыту.

Падсумоўваючы, адзначым, што трылогія М. Лобана, паводле спецыфікі ўвасаблення «навалы-кантынуума», займае адмысловае месца ў беларускай прозе. З аднаго боку, творы вызначаюцца пэўнай ідэалагічнай запраграмаванасцю, што дазваляе казаць пра сувязь з сацрэалістычнымі традыцыямі адлюстравання Першай сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў, гадоў станаўлення беларускай савецкай дзяржаўнасці. З іншага боку, М. Лобан закранаў тая ж аспекты (уплыў асобных падзей савецкай гісторыі 1920-30-х гг. на існаванне пад нямецкай акупацыяй 1941–1944 гг.), што прасочваюцца і ў прозе А. Адамовіча, В. Быкава, І. Навуменкі (аўтараў, якія паслядоўна разважалі пра ролю класавай барацьбы ў чалавечых зносінах пад час Вялікай Айчыннай).

На наш погляд, значным унёскам М. Лобана ў распрацоўку матыву «навала-кантынуум» можна лічыць яго скрупулёзную працу з гістарычным матэрыялам, прысвечаным 1930-м гг. – часу барацьбы з «ворагамі народу», што, паводле аўтарскай задумкі, успрымаецца асобнай старонкай жорсткага сацыяльнага супрацьстаяння на беларускай зямлі ў першай палове ХХ ст. Пісьменнік сведчыў, што барацьба са знешнім і з унутраным ворагам трасфармавала лад мыслення і паводзіны некалькіх

пакаленняў беларусаў, якія перажылі рэвалюцыю 1905 г., Першую сусветную вайну, нараджэнне і сталенне савецкай дзяржавы, Вялікую Айчынную вайну.

ЛІТАРАТУРА

Вашчанка 2015 – *Вашчанка А.* Летапісец свайго часу // *Лобан М.* Выбраныя творы. Мінск: Беларуская навука, 2015. С. 5–18.

Бугаёў 1999 – *Бугаёў Д.* Мікола Лобан // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Т. 9. Мінск, 1999. С. 331.

Смольская 1981 – *Смольская В.* Современный белорусский социально-бытовой роман: (М. Лобан, И. Чигринов, И. Пташников): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук (10.01.03). Минск, 1981. 21 с.

Лобан 2015 – *Лобан М.* Выбраныя творы. Мінск: Беларуская навука, 2015. 464 с.; [4] л. іл.

Бугаёў 1989 – *Бугаёў Д.* Мастак, вучоны, чалавек // *Арганічнасць таленту: Літаратурна-крытычныя артыкулы.* Мінск: Мастацкая літаратура, 1989. С. 144–155.

Лобан 1980 – *Лобан М.* Гарадок Устронь // *На парозе будучыні; Гарадок Устронь: Романы.* Мінск: Мастацкая літаратура, 1980. С. 323–640.

Лобан 1981 – *Лобан М.* Шэметы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1981. 400 с.

REFERENCES

Vaščanka 2015 – *Vaščanka A.* The Chronicler of His Time. In: Loban M. Selected Works. Minsk. Bielaruskaja Navuka Publ. 2015, pp. 5–18.

Buhajoŭ 1999 – Buhajoŭ D. Mikola Loban. In: Belarusian Encyclopedia: In 18 vols. Vol. 9. Minsk. 1999, p. 331

Smolskaya 1981 – Smolskaya, V. Contemporary Belarusian Social Novel: (M. Loban, I. Chigrinov, I. Ptashnikov): An Abstract Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy (10.01.03). Minsk. 1981. 21 p.

Loban 2015 – Loban M. (2015) Selected Works. Minsk. Bielaruskaja Navuka Publ. 464 p.; [4] ill.

Buhajoŭ 1989 – Buhajoŭ D. The Artist, the Scientist, the Person. In: The Organic Nature of Talent: Literary-Critical Articles. Minsk. Mastackaja Litaratura Publ. 1989, pp. 144–155.

Loban 1980 – Loban M. The town of Ustroń. In: On the Threshold of the Future; The Town of Ustron: Novels. Minsk. Mastackaja Litaratura Publ. 1980, pp 323–640.

Loban 1981 – Loban, M. (1980) The Šemiets. Minsk. Mastackaja Litaratura Publ. 400 p.

Сведения об авторе:

Зоя Ивановна Третьяк,
канд. филол. наук
доцент
гуманитарный факультет
Полоцкий государственный университет

Зоя Іванаўн Траццяк,
кандыдыт філалагічных навук
дацэнт
гуманітарны факультэт
Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт

Zoya I. Tratsiak,
PhD
Associate Professor
Historical-Philological Faculty
Polotsk State University

zoya.tretyak@rambler.ru

О.Л. Довгий (Москва, Россия)

К забытому юбилею: четыре текста об Антиохе Кантемире

Аннотация: В статье анализируется «кантемировская топка» в русской поэзии, критике, литературоведении XVIII–XXI вв. Особое внимание уделено четырем написанным в разные века текстам о Кантемире, являющимся особенно репрезентативными, – Феофана Прокоповича, К.Н. Батюшкова, Л.В. Пумпянского и анонимного автора фанфика.

Ключевые слова: А.Д. Кантемир, русская поэзия, юбилеи 2019 года, «кантемировская топка», Феофан Прокопович, К.Н. Батюшков, Л.В. Пумпянский, фанфики

O.L. Dovgy (Moscow, Russia)

Up to the Unremembered Anniversary: Four Texts on Antioch Cantemir

Abstract: The article deals with the analysis of “Cantemirian topic” in Russian poetry, criticism and literary studies of the 18th–21st centuries. Special focus is laid on four texts written in various centuries, that especially representative – those are the texts of Feofan Prokopovich, Konstantin Batushkov, Lev Pumpyansky and an anonymous author of the fanfic.

Key words: Antioch Cantemir, Russian poetry, Jubeees of 2019, “Cantemirian topic”, Feofan Prokopovich, Konstantin Batyushkov, Lev Pumpyansky, fanfic

Среди множества громких литературных юбилеев 2019 г. забытыми оказались памятные даты Антиоха Кантемира. Сегодня он считается «неактуальным» автором. В ответ на вопрос, кто такой Кантемир, все чаще приходится слышать, что он, «наверное, как-то связан со станцией метро и Кантемировской дивизией».

Тем не менее 2019-й год по праву можно считать годом Кантемира: у него целых три юбилея: 310 лет со дня рождения (если считать, что он родился в 1709 г.), 275 лет со дня смерти и 290 лет со дня выхода первой сатиры, начальные строчки которой помнит всякий, кто учился на филфаке:

Уме недозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки...
[Кантемир 1956: 57]

Хотя этими строчками, как правило, память о Кантемире и ограничивается. Даже у гуманитариев.

Позволим себе короткую юбилейную заметку – хотя понимаем, что она вряд ли выйдет веселой.

Сатира, юбилей которой приходится на нынешний год, оказалась пророческой. Вспомним, как она заканчивается:

Бесстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится,
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую
[Кантемир 1956: 62].

Эти строчки и будут путеводной нитью нашей статьи. В них предсказаны основные пути развития «кантемировской темы» – и в самой литературе, и в науке о ней:

Хвала / хула – со стороны общества.

Автор в ответ – «В тихом своем углу молчалив таится».

Спустя век появится чеканная пушкинская переформулировка: «хвалу и клевету приемли равнодушно».

Пребывание в «тихом углу» – от излишка скромности? Или от излишка гордости? Или не различить, где одно переходит в другое? Мало кто задумывается над этими вопросами.

«Молчалив *таится*» – и «*тайно*» себя веселит сознанием пользы наук. Это ли не «ты царь, живи один»?

Реальная жизнь Кантемира проходила совсем не в тихом углу: он активный участник политической жизни на самом высоком уровне (сыграл важную роль в воцарении Анны Иоанновны), дипломат при двух европейских дворах, английском и французском. «России не так-то легко будет заменить посла столь больших достоинств, каким был князь Кантемир», – написал после его смерти Монтескье [Карамзин 1964: 162]. Сатиры были тщательно переписаны и подготовлены для передачи императрице Елизавете Петровне – это ли не знак, что совсем не для «тихого угла» автор их готовил?

Но вмешалась Судьба, словно услышавшая финальные строчки первой сатиры. Как в лучших традициях трагедии, произошел поворот от счастья к несчастью, причем и для автора, и для сочинений: автор умер Париже в 35 лет (кстати, Пушкин считал, что Кантемир умер в 28 лет [Пушкин 1962: 436]), а сатиры оставались ненапечатанными до 1762 г.

«Каждая эпоха читает писателя... по-своему, своекорыстно. И есть случаи, когда писатель выпадает из кругозора целой эпохи...» – заметил Б.М. Эйхенбаум [Эйхенбаум 2001: 88]. «Своекорыстное чтение» – вот достойный синоним нынешней «актуальности». «Своекорыстно» Кантемира читали и читают. «Наука оборвана, в лоскутах обшита»; «Ученых хоть голова полна – пусты руки», «Перебив чужой язык, свой хлеб потеряли...» – можно продолжать и продолжать. Сатиры разошлись на пословицы не хуже комедии Грибоедова. А имя автора выпало из кругозора эпохи. Такой вот грустный парадокс.

Как читали Кантемира, можно понять по тому, что о нем писали. А написали в течение четырех веков много. И ругали, и хвалили. За что ругали? За отсутствие поэтического дара и подражательность творчества. Эту линию задал еще А.П. Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» («Стремился на Парнас, но не было успе-

ха / Хоть упражнялся в том, доколе был он жив, / Однако был Пегас всегда под ним ленив...» [Сумароков 1957: 116]); и в примечаниях к ней: «...будучи чужестранным, не знал истинной красоты нашего языка. Разум его и в стихотворстве гораздо виден, ежели сочиненные им сатиры стихотворством назвать можно; однако нет в стихах его ни порядочного в речах сопряжения, ни свободных и надлежащих рифм, ни меры стоп, ни пресечения, ни наблюдения грамматических правил, и нет ничего в них, чего красота языка и стихотворство требует, и хотя разумные его мысли и видны, но повсюду нечистым, неправильным, холодным и принужденным складом гораздо затмеваются [Сумароков 1957: 127]. Последующие хулители шли по накатанной колее.

Белинский поначалу тоже развивал топос «Кантемир не поэт»: «Этот человек не был поэтом; непосредственный художественный талант не был его уделом. Его поэзия – поэзия ума, здравого смысла и благородного сердца. Кантемир в своих стихах – не поэт, а публицист, пишущий о нравах энергетически и остроумно. Насмешка и ирония – вот в чем заключается талант Кантемира... Мне кажется, что его прославленные сатиры были скорее плодом ума и холодной наблюдательности, чем живого и горячего чувства. И диво ли, что он начал с сатир – плода осеннего, а не с од – плода весеннего? Он был иностранец, следовательно, не мог сочувствовать народу и разделять его надежд и опасений; ему было спола-горя смеяться. Что он был не поэт, этому доказательством служит то, что он забыт...» [Белинский 1953: 1–65].

Но потом резко изменил мнение – и начал хвалить с тем же жаром, с каким раньше ругал: «Этот человек, по какому-то счастливому инстинкту, первый на Руси свел поэзию с жизнью, – тогда как сам Ломоносов только развел их надолго»; «Кантемир был первым сподвижником Петра на таком поприще, которого Петр не дождался увидеть, но которое, как и все в России, приготовлено им же. О, как бы горячо обнял великий преобразователь России двадцатилетнего стихотворца, если бы дожил до первой его сатиры...»; «развернуть изредка старика Кантемира и прочесть которую-нибудь из его сатир есть истинное наслаждение»; «для меня гораздо легче и приятнее читать сатиры Кантемира, нежели громозвучные оды Ломоносова, поэмы Хераскова и даже многие оды Державина...; от всех этих од и поэм можно заснуть, а от сатир Кантемира проснуться...» [Белинский 1955: 8–627].

Существует и поэтическая кантемириана. Среди ее создателей многие известные поэты – от Сумарокова и Г.Р. Державина до А. Тарковского и И. Бродского.

Старинный слог его достоинств не умалит.
Порок, не подходи! – Сей взор тебя ужалит»

[Державин 1866: 332]

Мы не останавливаемся подробно ни на отзывах хвалителей и хулителей, ни на стихах, посвященных Кантемиру, – об этом мы уже писали¹ [Кулагина 2018: 7–13].

Сегодня из обилия текстов о Кантемире мы выбираем четыре – по тексту на век. Нам представляется, что эти четыре текста лучше всего отражают суть Кантемировой трагической судьбы – и очень хорошо развивают тему финальных строк первой сатиры.

¹ Список наших работ о Кантемире представлен в автореферате докторской диссертации.

ВЕК ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

«ТЫ И БЕЗ СЧАСТЬЯ ДОВОЛЬНО СЧАСТЛИВЫЙ...»

Итак, 290 лет назад Кантемир написал первую сатиру. Отклик на нее появился мгновенно – и сразу в поэзии. Вот как рассказал об этом сам Кантемир в примечании: «Писал он ее для одного только провождения своего времени, не намерен будучи обнародить; но по случаю один из его приятелей, выпросив ее прочесть, сообщил Феофану, архиепископу Новгородскому, который ее везде с похвалами стихотворцу рассеял и, тем не доволен, возвращая ее, приложил похвальные сочинителю стихи» [Кантемир 1956: 62]. Стихи, написанные по горячим следам, – лучшее свидетельство «актуальности» сатиры, «своекорыстного чтения» эпохой.

Стихи, как и сатира, пророческие. Вспомним их:

I

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
Знаю, коликой достоин ты славы;
Да почто ж было имя укрывати?
Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы, ты блажен трикраты.
Благо, что дал бог ум тебе, столь здравый.
Пусть весь мир будет на тебя гневливый,
Ты и без счастья довольно счастливый.

II

Объемлет тебя Аполлин великий,
Любит всяк, кто есть таинств его зритель;
О тебе поют парнасские лики,
Всем честным сладка твоя добродетель
И будет сладка в будущие веки;
А я и ныне сущий твой любитель;
Но сие за верх твоей славы буди,
Что тебе злые ненавидят люди.

III

А ты как начал течи путь преславный,
Коим книжные текли исполины,
И пером смелым мещи порок явный
На нелюбящих ученой дружины,
И разрушай всяк обычай злонравный,
Желая в людях доброй перемены.
Кой плод учений не един искусит,
А дураков злость язык свой прикусит.

[Кантемир 1956: 443]

Сатиры – жанр антитетический. Антитетично и послание Феофана к сатирику. Феофан поднимает эмоциональную планку: главная его антитеза – «любовь / ненависть».

Кто любит молодого автора, обладающего «столь здравым» умом? «Аполлин великий» и все причастные парнасским таинствам, сам Феофан, «все честные».

Кто ненавидит? «Сильные глупцы», «злые люди», «дураки».

Первые выше, дальше, виртуальнее. Вторые ближе, и их количественно больше. Последняя строчка читается скорее как пожелание, как заклинание. Вся драматургия отношений молодого автора с читателем здесь как на ладони. Вся по-

следующая топика высказываний о Кантемире задана в этих Феофановых стихах, как и оппозиция его «здорового ума», «добродетели» «грозам» глупцов. Парадоксальная формула «ты и без счастья довольно счастливый», построенная на паремонном повторе, перекликается с финальными строками первой сатиры:

Прекрасно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится...

Кантемир умел быть благодарным:

Обязан еси ты мя усты и рукою
Дал хвалу мне паче мер, заступил немало...

[Кантемир 1956: 62] –

так ответит он Феофану в Благодарительных стихах.

А в третьей сатире «О различии страстей человеческих», имеющей второе название «К архиепископу Новгородскому», даст очень хвалебный портрет Феофана:

Мудрый первосвященник, ему же Минерва
Откры вся сокровенна и все, что исперва
В твари бысть и днесь яже мир весь исполняют
Показа, изьяснив ти, отчего бывают,
Феофан, ему же все известно, что знати
Может человек и ум человек понятия...

[Кантемир 1956: 378]

Феофан, который сатиры «с похвалами разсеял», пеняет автору: «Да почто ж было имя укрывати?». Это укрытие имени еще аукнется.

К Кантемиру часто применяли определение «первый». Первый он и в области самиздата. Сатиры оставались неизданными еще 18 лет – до 1762 г. Неизданными – но всем известными: «Стихотворных его сочинений много, и лучшими почитаются сатиры... да и поныне еще все они писменные только обносятся», – писал в 1755 г. (через 11 лет после смерти Кантемира) В.К. Третьяковский [Третьяковский 1963: 438]. Белинский – о том же: «...сатиры Кантемира скоро пошли разглагольствовать в стихах по всей России, между грамотным народом» [Белинский 1955, 8: 632]. Голос самого Кантемира зазвучал слишком поздно и, после того как сатиры «писменно обносились много лет» и каждый писатель активно использовал их богатство, оказался, разумеется, вторичным.

«Кантемир стоит почти совершенно отдельно в русской литературе... Очень немногие из них были в то время напечатаны или, по крайней мере, ходили по рукам в списках, большая же часть оставалась совершенно неизвестной. Хотя Кантемир сделал много для создания русского языка и разработал впервые много вопросов и типов, вошедших потом в русскую литературу, но позднейшие писатели принуждены были начинать все сначала и повторить самостоятельно эти труды...» – подытожит в 1891 г. В. Брюсов [Брюсов 2005: 10].

Первый отклик – самый точный. Самый пророческий.

С Феофановыми стихами неожиданно в унисон зазвучит концовка литературоведческой статьи, написанной в середине XX века. Об этом речь впереди.

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

«КАНТЕМИР ПИСАЛ БЫ СТИХИ И НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ»

В 1817 г. К.Н. Батюшков написал очерк «Вечер у Кантемира».

По мнению Б.М. Эйхенбаума, «легенда о “вечных спутниках” не оправдывается историей» [Эйхенбаум 2001: 88]. Однако поэт Кантемир принадлежит к числу именно таких «вечных спутников» поэта Батюшкова, чему свидетельством непрерывный диалог их текстов.

В «Вечере у Кантемира» Батюшков нашел синоним для «тихого угла» нашел и ввел новый образ в устойчивую Кантемирову топику – «необитаемый остров»: «Ум его имел свойства, редко соединяемые: основательность, точность и воображение. Часто, углубленный в исчисления алгебраические, Кантемир искал истины и – подобно мудрецу Сиракуз – забывал мир, людей и общество, беспрестанно изменяющееся. Он занимался науками. Не для того, чтобы щеголять знаниями в суетном кругу ученых женщин или академиков: нет! он любил науки для наук, поэзию для поэзии, – редкое качество, истинный признак великого ума и прекрасной, сильной души! В Париже, где самолюбие знатного человека может собирать беспрестанно похвалы и приветствия за малейший успех в словесности, где несколько небрежных стихов, иностранцем написанных, дают право гражданства в республике словесности, Кантемир... писал русские стихи! И в какое время? Когда язык наш едва становился способным выражать мысли просвещенного человека. Бросьте на остров необитаемый математика и стихотворца, говорил Д'Аламбер: первый будет проводить линии и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуется его наблюдениями; второй и перестанет сочинять стихи, ибо некому хвалить их: следственно, поэзия и поэт, заключает рассудительный философ, питаются суетностию. Париж был сей необитаемый остров для Кантемира. Кто понимал его? Кто восхищался его русскими стихами? – В самой России, где общество, науки и словесность были еще в пеленах, он, нет сомнения, находил мало ценителей своего таланта. Душою и умом выше времени обстоятельств, он писал стихи, он поправлял их беспрестанно, желая достигнуть возможного совершенства, и, казалось, завещал благородному потомству и книгу, и славу свою. Талант питается хвалою, но истинный, великий талант и без нее не умирает» [Батюшков 1955: 359].

После того как «Вечер у Кантемира» был зачитан на заседании «Арзамаса», в арзамасском протоколе появилась такая запись: «Светлана вместе с прочими гражданами любовалась искусным фиглярством отсутствующего члена Ахилла: фиглярством, говорю я, ибо Ахилл, как тосканский фигляр, показал нам в своем волшебном фонаре тени покойных арзамасцев, французского Монтескье и греко-русского Кантемира. Они между собою говорят, как живые достойные члены “Арзамаса” (большей похвалы нет в лексиконе ученых обществ), было решено считать Кантемира живым членом общества...» [Арзамас... 1933: 206]. Однако прозвища ему не дали. А без имени – какая память? «И на что ж было имя укрывать...»

Лучшая оценка любого текста – оценка противника. Н.А. Полевой, оставивший немало негативных слов о Кантемире, не мог не признать силу воздействия батюшковского текста: «Странным образом восстановилась его известность в первом десятилетии нашего века. В.А. Жуковский вздумал расхваливать Кантемира в Вестнике Европы 1810 года. Статья, названная Критическим разговором, состояла только из выписок, с прибавкою похвал. И вот Кантемир, по голосу В.А. Жуковского, причислен к лику русских поэтов. Принимались его читать – не могли, – и приписали вину себе, а не Кантемиру. Еще более убедились в том, когда Батюшков написал прелестную, умную пьеску: Вечер у Кантемира...» [Полевой 1837: 22].

А.В. Западов, написавший биографический роман о Кантемире, признавал, что «рассказ Батюшкова светил <ему> подобно огню в конце туннеля» [Западов 1988].

Батюшков этим очерком очень дорожил: «При сем посылаю тебе Кантемира, – писал он Н.И. Гнедичу 7 ноября 1826 г. – Прими его в объятия твои, еще сырого, из-под пера моего». Батюшков был как раз из тех, кто привык «Кантемиром разговаривать»: «Не надобно беспрестанно слоняться из одной литературы в другую или заниматься одною древностию. И те, и другие шалеют, как говорит мой чистосердечный Кантемир о сытом и моте. Есть середина...» (Из записной книжки, 1817 г.) [Батюшков 1955: 398]. Притяжательное местоимение «мой» очень показательно. Кантемир для Батюшкова – свой, постоянно присутствующий. Даже когда безумие отправило Батюшкова в «тихий угол» (или на «необитаемый остров»), Кантемир оставался с ним.

Доволен я мечтами,

В покойном уголке тихонько притаюсь...

[Батюшков 1964: 70]

ВЕК ДВАДЦАТЫЙ. «ЗАМОГИЛЬНЫЙ ГОЛОС КАНТЕМИРА» – И «СИЛА ПОСМЕРТНОЙ НЕНАВИСТИ К ЕГО ТРУДУ»

В этом разделе мы дадим слово Л.В. Пумпянскому, автору лучшей (на наш субъективный взгляд) статьи о Кантемире, написанной очень эмоционально, взволнованно, с применением оборотов, более свойственных художественной речи. Кантемир у Пумпянского – человек трагической судьбы, которому постоянно вредит «злой рок». Сослагательное наклонение – главный грамматический персонаж этой статьи.

«Будь сатиры напечатаны...»: «Хотя сатиры Кантемира ходили в рукописи (особенно первая), трудно переоценить отрицательные последствия того, что они не были своевременно напечатаны, когда в 1743 г. автор представил Елизавете полный их список. Не помогло и предохранительное посвящение царице. Конечно, Ломоносов, Поповский, Тредиаковский, Сумароков и все литературное поколение 1740-х годов знало эти сатиры по обращавшимся полуполюгальным спискам, но отсутствие печатного издания, естественно, в глазах публики сливавшееся с 12-летним пребыванием автора за границей, отстраняло его наследие от живой литературной борьбы 1740–1750-х годов. Будь сатиры напечатаны в 1743 г., их появление совпало бы с началом серии лучших од Ломоносова и ошутительно представило бы типичный для всей эпохи классицизма распад поэзии на два основных крыла, одический и сатирический с накоплением в сатире элементов реалистического стиля. Кроме того, своевременное издание ввело бы в литературу богатство мыслей, наблюдений, боевой темперамент, политическую страстность, все те черты, которые так выгодно отличают сатиру Кантемира. Ведь даже запоздалое издание 1762 г. оказало известное влияние на молодое литературное поколение, например на Державина и Новикова. Подъем сатирической литературы в 1760–1770-е годы был как бы оправдан и освящен замогильным голосом Кантемира...» [Пумпянский 1941: 207].

«Европейское почетное имя»: «Картина была бы неполной, если забыть, что известное место Кантемир занял и в западной литературе. Он был первым русским писателем, который завоевал если не европейскую славу, то европейское почетное имя. Для Вольтера, для Дидро, для поколения энциклопедистов Кантемир – хорошо известное литературное лицо и как бы представитель в Париже молодой русской культуры. ...задолго до смерти Кантемир помогал своему другу аббату Гуаско в предпринятом им переводе сатир Кантемира на французский язык. В 1749 г. перевод этот вышел в Лондоне и, очевидно, имел значительный успех, если издание было повторено в 1750 г. В лондонском издании сатиры были доступны европейскому образованному миру – за 12 лет до печатного издания их в России! Гуаско написал для этого издания большую биографию Кантемира, которая доныне остается главным источником наших сведений о нем: все новые материалы, вошедшие с тех пор в научный оборот, подтвердили достоверность и авторитетность рабо-

ты Гуаско. В 1752 г. в Берлине вышел немецкий перевод сатир, сделанный с лондонского французского текста. Все эти заграничные издания, конечно, были известны и в России, но известны только профессионалам-литераторам, а когда вышло, наконец, первое русское издание (1762), время для живой, серьезной оценки Кантемира уже прошло, а для оценки исторической время еще не наступило» [Пумпянский 1941: 208].

Вот так. В Европе известен. А в России – всегда не время.

Переводы Анакреона – и «злой рок»: «...Мы назвали бы Кантемира начинателем этого литературного движения (Ломоносов только в 1747 г. переводил Анакреона для «Риторики»), если бы не злой рок, так безжалостно искаживший судьбы всего его литературного наследия; вполне подготовленный к печати перевод (1736), присланный автором из Лондона (даже с указаниями для наборщика), остался все же не напечатанным: до Ефремовского издания 1868 г. Анакреон Кантемира был неизвестен. Но если бы он ни на кого в свое время не мог повлиять, то перевод этот – все же не случайное явление, а первое звено в важнейшем процессе серьезного, а не школьно-пиитического усвоения новой русской литературой поэтического наследия древних...» [Пумпянский 1941: 209].

Перевод Фонтенеля «был бы ударом»: «В русских условиях 1729–1731 гг. перевод Кантемира был бы ударом по староцерковной партии епископа Дашкова; говорим “был бы”, потому что издание его тогда не состоялось. В 1730 г. рукопись была сдана в Академию Наук, но всевластный Шумахер потребовал одобрения двойной цензуры, духовной и светской. Дело затянулось... и только в 1740 г. книга вышла в свет в типографии Академии Наук, с невинным на первый взгляд, но остроумным и ядовитым указанием на то, что перевод был сделан еще “в Москве в 1730 г.”: это был безмолвно-красноречивый намек на особые условия, в которые был поставлен переводчик. Своим переводом Кантемир положил начало русской научно-популярной литературе. Книга проникла в очень широкие круги... В 1756 г., т. е. через 12 лет после смерти Кантемира и через 16 лет после издания его перевода, Синоду удалось добиться указа об отобрании “находящейся ныне во многих руках” книги и присылке экземпляров в Синод. Изъятые экземпляры были уничтожены. Заслуга Кантемира достаточно измеряется силой этой посмертной ненависти к его труду» [Пумпянский 1941: 212].

«Посмертная ненависть к труду» разве не перекликается со строчками стихов Феофана?

Но сие за верх твоей славы буди,
Что тебе злые ненавидят люди.

Вот такая трагическая судьба – все время препятствует творениям Кантемира попасть в широкие круги», выйти из «тихого угла».

ВЕК ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. «СДАЛСЯ ЕЙ, ПРАВО, ТЕПЕРЬ КАНТЕМИР!»

Мы думали назвать свою статью «Три текста о Кантемире», поскольку Феофан, Батюшков и Пумпянский, на наш взгляд, нашли самые лучшие слова для описания, как теперь говорят, «случая Кантемира».

Но судьба сделала нам подарок: в Сети мы обнаружили текст в жанре модного нынче фанфика, где сошлись все упоминаемые выше мотивы. Приведем текст полностью – он говорит за себя сам:

Анна любила читать Кантемира.
Пафосный, мерный, торжественный слог,
Консервативная муза и лира
Анну всегда приводили в восторг.
Эти стихи потрясали натуру
Анны, романтика с буквы большой,
И на балах вальса модного туру

Предпочитался поэт. «Хорошо, –
Как-то промолвила маменька Анны, –
Девке не дело за книжкой стареть.
Полно, Анюта! Пора уж, не рано;
Девой и старой тебе умереть?»
Анна совсем возразить не успела –
Всё! Предложенье и свадебный пир!
Свадьба Анюты плясала и пела.
Что же? Отложен пока Кантемир.
Муж был немолод. Как с Анной остались,
Хитро прищурившись, он ей сказал:
«Книжки чтоб в доме моем не читались!
Много я злого от них повидал!»
К Анне приблизился...
...Утро настало. Хлопают двери, и в доме – народ.
В залу служанку убраться послали;
В залу служанка убраться идет.
Что тут такое? Служанка в камине
Книжку нашла (обгорела до дыр)...
Новая жизнь у Анюты отныне.
Сдался, ей, право, теперь Кантемир!

[Фанфики]

Книга Кантемира удостоена сожжения. Это ли не кульминация развития темы любви и посмертной ненависти.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Как видим, все четыре текста развивают и подтверждают финал первой сатиры:

Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится,
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

[Кантемир 1956: 62]

И более того. Каждый пишущий о Кантемире автоматически оказывается в том же «тихом углу», становится невидимкой. В анкете «13 вопросов в честь забытого юбиляра», которую автор статьи предложил в соцсетях в связи с тройным юбилеем Кантемира, был и такой вопрос: «Что вы читали о Кантемире? Кто, на ваш взгляд, лучше всех написал о нем?». Так вот, среди прочитанного Феофан и Батюшков не были названы ни разу; три раза назван Белинский и один раз Ю.К. Щеглов. Как тут не вспомнить очень меткое и очень горькое замечание М.Ю. Осокина о монографии Щеглова: «Этот путеводитель по сатирам Кантемира – одна из лучших за последние годы книг в мировой филологии вообще, и стала бы интеллектуальным бестселлером, если бы его героем не был Кантемир» [Осокин 2008].

Хотя, если на этом «необитаемом острове» с Кантемиром обитают Феофан, Батюшков, Пумпянский, Щеглов, оказаться там – это ли не повод для «тайного веселья»?

Нас мало избранных, счастливых праздных, –
кому выпала честь «молчаливо таиться» «в тихом углу» Антиоха Кантемира.

ЛИТЕРАТУРА

- Арзамас и Арзамасские протоколы. Л.: Изд-во писателей, 1933. 330 с.
- Батюшков К.Н.* Соч. М.: Гослитиздат, 1955. 452 с.
- Батюшков К.Н.* Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. 608 с.
- Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
- Западов А.* Подвиг Антиоха Кантемира. М.: Советский писатель, 1988. 304 с. (www.rulit.me/books/podvig-antioha-kantemira-download-free-337032.htm).
- Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений / Вступит. ст. Ф.Я. Приймы; подгот. текста и примеч. З.И. Гершковича. Л.: Сов. писатель, 1956. 540 с. (Б-ка поэта. Большая серия)
- Карамзин Н.М.* Пантеон российских авторов // Карамзин Н.М. Избр.соч.: В 2 т. Т. 2. Критика. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 156–172.
- Книга фанфиков. Электронный ресурс: ficbook.net/readfic/2687405/7160604
- Кулагина О.Л.* Сатиры А.Д. Кантемира: поэтика, контексты, интертексты: Автореферат ... докт. филол. наук. М., 2018. 48 с.
- Полевой Н.А.* Русские классики. Сочинения князя Антиоха Кантемира // Библиотека для чтения. 1837. Т. XXIV. № 9. С. 1–24.
- Прокопович Феофан (Прокопович).* Соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 501 с.
- Пумпянский Л.В.* Кантемир // История рус. литературы: В 10 т. Т. 3: Литература XVIII века. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 176–212.
- Пушкин А.С.* О ничтожестве литературы русской. Планы // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1962. С. 435–436.
- Сумароков А.П.* Избр. произведения. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1957. 607 с.
- Эйхенбаум Б.М.* Мой современник. Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001. 384 с.

REFERENCES

- Arzamas and Arzamas' Protocols. Leningrad. Izdatelstvo Pisateley Publ. 1933. 330 p.
- Batyushkov K.N. (1955) Works. Moscow. Goslitizdat Publ. 452 p.
- Batyushkov K.N. (1977) Experiences in Verses and Prose. Moscow. Nauka Publ. 608 p.
- Belinsky V.G. The Complete Works: In 13 vols. Moscow. USSR Academy of Sciences Press. 1953–1959.
- Zapadov A. (1988) Feat of Antioch Cantemir. Moscow. Sovetsky Pisatel Publ. 304 p.
- Cantemir A.D. (1956) The Collected Verses / Introduct. article by F.Ya. Priyma; prep. of texts and comment. by Z.I. Gershkovich. Leningrad. Sovetsky Pisatel Publ. 540 p.
- Karamzin N.M. Pantheon of Russian Authors. In: Karamzin N.M. The Selected Works: In 2 vols. Vol. 2. Critique. Moscow; Leningrad. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1964, pp. 156–172.
- KnigaFanfikov (AFanfics' Book). Electronic Resource: ficbook.net/readfic/2687405/7160604
- Kulagina O.L. (2018) A.D. Cantemir's Satires: Poetics, Contexts, Intertexts: Abstract of the Thesis (Doctor of Philology). Moscow. 48 p.
- Polevoy N.A. Russian Classics. The Works of Prince Antioch Cantemir. *Biblioteka dlya Chteniya*. 1837. Vol. XXIV. No 9, pp. 1–24.
- Prokopovich Feofan (Prokopovich). (1961) Works. Moscow; Leningrad. USSR Academy of Sciences Press. 501 p.

Pumpyansky L.V. Cantemir. In: The History of Russian Literature: In 10 vols. Vol. 3: The 18th Century Literature. Part 1. Moscow; Leningrad. USSR Academy of Sciences Press. 1941, pp. 176–212.

Pushkin A.S. On the Littleness of Russian Literature. The Plans. In: Pushkin A.S. The Collected Works: In 10 vols. Vol. 6. Moscow. Goslitizdat Publ. 1962, pp. 435–436.

Sumarokov A.P. (1957) The Selected Works. 2nd ed. Leningrad. Sovetsky Pisatel Publ. 607 p.

Eichenbaum B.M. (2001) *My Vremennik*. The *Marshrut* to Immortality. Moscow. Agraf Publ. 384 p.

Сведения об авторе:

Ольга Львовна Довгий,
доктор филол. наук
ст. научный сотрудник
факультет журналистики
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga L. Dovgy,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Faculty of Journalism
Lomonosov Moscow State University
olga-dovgy@yandex.ru

О.В. Розинская (Москва, Россия)

Столетняя годовщина смерти А.С. Пушкина в межвоенной Польше

Аннотация: В статье содержится информация о том, как в межвоенное двадцатилетие в Польше русской эмиграцией и польской интеллигенцией отмечалась столетняя годовщина смерти А.С. Пушкина.

Ключевые слова: столетняя годовщина смерти А.С. Пушкина, русская эмиграция в Польше

O.V. Rozinskaya (Moscow, Russia)

Centenary of Aleksander Pushkin's Death in Poland between the Two World Wars

Abstract: The article is contain the information on the centenary of the death of Aleksander Pushkin, which was the significance event for Russian immigrants and the Polish intelligentsia in Interwar Poland.

Key words: centenary of Aleksander Pushkin's death, Russian emigreè in Poland

После революции 1917 г. в Польшу попадает большое количество русских эмигрантов. Среди них были военные, духовенство, техническая интеллигенция, врачи, люди науки. «Великий исход» из России поражает редким богатством людей из сферы культуры, искусства, политики. Именно они во многом определяли духовную жизнь русского зарубежья. Основными центрами расселения русских в Польше стали Варшава, Вильно, Ровно, Львов. Большинство русских эмигрантов ехали сюда не случайно. У них сохранились связи с этой страной еще с дореволюционных времен, здесь они хотели переждать лихие времена. Некоторые из них имели польские корни, в Польше жили их родственники и знакомые. Однако положение русских в Польше было весьма сложным. Груз исторически сложных связей между двумя странами определял на первых порах настороженное отношение к русской эмиграции, которая ассоциировалась в понимании поляка с царской Россией. Царизм был плохим воспоминанием для Польши.

Однако уже в январе 1919 г. был создан Русский политический комитет, официально разрешенный польскими властями при условии, что он не будет заниматься политикой. Комитет был организован для объединения русских эмигрантов. Важной целью комитета являлась политическая агитация и вербовка в среде эмиграции для участия в борьбе с большевиками, а также правовая защита интересов эмигрантов, их трудоустройство в Польше.

Русская эмиграция в Польше, как и всякая эмиграция на чужбине, считала своей особой миссией сохранение культурной традиции и духовного наследия прошлого. Это стремление было общим для всего русского рассеяния. Поэтому такое значение придавалось воспитанию и образованию молодежи, открытию сети библиотек, книжных магазинов, изданию русской книги, проведению различных культурных мероприятий. Проводились вечера, собрания, юбилейные торжества, на которых люди могли хоть на мгновение возвратиться в прошлое.

В межвоенное двадцатилетие русской диаспорой отмечались два юбилея, связанных с великими представителями русской литературы: в 1928 г. – столетие со дня рождения Льва Толстого и столетие трагической гибели Александра Пушкина. Толстовский юбилей чествовался гораздо скромнее, чем пушкинский 1937 г. Важную роль в чествовании Пушкина сыграла русская эмиграция, для которой наследие поэта всегда оставалось сокровищем русской дореволюционной литературы.

Марк Раев в своей книге «Россия за рубежом»¹ правильно замечает: русские эмигранты верили, что их высоким предназначением на чужбине было сохранение и развитие русской культуры. В этом следует усматривать причину особого культа, существовавшего вокруг имени Пушкина. В 1925 г. было решено считать день рождения Пушкина «Днем русской культуры», национальным культурным праздником, уже тогда широким по масштабу и разнообразным по формам. Это и торжественные богослужения в русских соборах, и литературные собрания, где выступали с докладами многие известные деятели русского зарубежья, и музыкальные вечера, концерты, выставки, издания произведений Пушкина. Русские эмигрантские журналы и газеты посвящали празднику специальные номера, где значительная доля публикаций была отведена Пушкину и русской культуре. Именем поэта назывались русские гимназии и библиотеки.

В этот период в эмигрантской прессе постоянно печатаются обращения к русской эмиграции поддержать идею создания центра русской культуры Пушкинского дома. В 1926 г. во многих городах Польши (Вильно, Бресте, Гродно, Пинске) образуются Пушкинские комитеты. Они занимаются подготовкой торжественных мероприятий, приуроченных к столетней годовщине смерти поэта. Имя Пушкина сближало русскую эмиграцию, рождало общие интересы, вселяло надежды на будущее. В «Русском слове» в Вильно за 1934 г. появляется сообщение об организации литературных вечеров, из которых пять были посвящены великому поэту. С начала 1937 г. в эмигрантской прессе помещается информация о подготовке к юбилею, печатается программа торжеств, сообщается о проведении «Дней русской культуры» в Германии, Франции, Чехии, Швеции, Англии, Китае, США и других странах. В варшавских газетах появляются сообщения о готовящемся издании полного собрания сочинений поэта. Такие масштабные мероприятия подготавливали эмиграцию к достойному чествованию этой даты.

11 февраля 1937 г. в Варшаве на торжественном собрании при большом стечении народа, как свидетельствует эмигрантская пресса, была заслушана речь Ивана Шмелева «Пушкин: 1837–1937», в которой о Пушкине говорилось как о великой «тайне», «необычайном явлении»: «Пушкин – это все наше бытие, от первого слова летописца до последнего слова прерванной истории российской... Пушкин – это сама Россия... Он – прирожденность наша: он для нас – чувство Родины»².

¹ Раев М. Россия за рубежом. М., 1994.

² Шмелев И. Пушкин: 1837–1937 // В краю чужом: Зарубежная Россия и Пушкин. М., 1998. С. 175.

Юбилейной дате были посвящены полосы эмигрантских газет «За свободу», «Меч», «Русское слово», «Наше время». Д.В. Философов выступил со статьей «О Пушкине», в которой он призывал идти назад к Пушкину, к синтезу здорового национального чувства с достижениями европейской культуры. А.Л. Бем в статье «Чудо Пушкина» писал о поразительном взлете, который осуществила русская литература с появлением гениального поэта: «Он совершил скачок в будущее, не оторвавшись от родной почвы, сумел гениально сочетать русскую традицию с достижениями мировой культуры»¹.

Пушкинские торжества охватили многие районы Польши. Необычайно широко они проходили в Вильно, где жили 73000 эмигрантов из России и существовал крупный русский культурный центр, русские школы, драматическая труппа, несколько эмигрантских газет. 11 февраля в Вильно в помещении русской гимназии, носящей имя великого поэта, открывается выставка «Жизнь и творчество А.С. Пушкина. В память 100-летней годовщины смерти поэта 1837–1937» (об этой выставке сообщает эмигрантская газета «Меч»). В эти дни проходят торжественные богослужения, на которых присутствуют представители всех русских организаций в Польше, ученики русских школ, польская интеллигенция. С 11 по 23 февраля в русских гимназиях проводятся литературно-музыкальные вечера, выступает русский хор, читаются произведения Пушкина, делаются доклады, посвященные его жизни и творческой деятельности. Газеты «Русское слово», «Наше время», «Меч» дают подробную информацию о происходящих событиях. Публикуются речи А.В. Амфитеатрова, И.А. Бунина, Д.С. Мережковского, И.С. Шмелева. На страницах газет объявляются конкурсы среди читателей на знание жизни и творчества поэта.

Проведение подобных мероприятий позволяло русской диаспоре ощущать себя частью Родины, являлось неким объединяющим началом для разных слоев эмиграции независимо от взглядов и политических убеждений. Никогда ни один русский праздник за рубежом не получал такого размаха, не собирал столь большого количества участников.

Юбилей Пушкина привлек внимание и польской общественности².

Имя Пушкина пользовалось в Польше огромной популярностью. Безусловно, этому способствовали его тесные взаимоотношения с великим польским поэтом Адамом Мицкевичем и интерес, проявляемый поэтом к польской культуре.

Во всех университетах Польши (в Варшаве, Вильно, Кракове, Львове, Познани) прошли научные чтения, торжественные заседания. Были открыты юбилейные выставки.

10 февраля в Вильно по инициативе Союза польских литераторов было проведено специальное заседание под названием «Литературная среда», в котором приняли участие видные польские писатели и критики, профессора университета, представители польской прессы. Среди выступавших обозреватели особо отмечали М. Здзеховского и Т. Буйницкого.

В университете в Кракове был создан научный центр для исследования творческого наследия Пушкина, который возглавил известный польский литературовед Вацлав Ледницкий. Его перу принадлежит изданная в Кракове в 1937 г. книга «Пушкин (1837–1937)», в которой были затронуты различные аспекты творческой жизни поэта, говорится о его связях с Польшей, о личных контактах с Мицкевичем.

¹ Бем А.Л. Чудо Пушкина // Меч. 1937. 14 февр. С. 3.

² См. об этом: Орловский Я. Пушкинский юбилей 1937 года в Польше // А.С. Пушкин и мировая культура. М., 2001.

В Кракове же в 1939 г. под научной редакцией В. Ледницкого был опубликован двухтомник «Пушкин (1837–1937)», содержащий статьи польских исследователей о жизни и творчестве Пушкина, а также итоговые работы, посвященные недавнему юбилею.

О Пушкине как о величайшем поэте-пророке, о его знании польской культуры писали М. Здзеховский, А. Брюкнер, М. Топоровский, В. Заводзиньский. Так, для автора статьи «Пушкин» Мариана Здзеховского¹ поэт «является синонимом света и красоты, необыкновенного очарования, а культ Пушкина – выражением веры в возрождение России»².

Среди наиболее известных работ Здзеховского, посвященных русской литературе, следует отметить книгу «Русское влияние на польскую душу» (Краков, 1920) и работу «Европа, Россия, Азия» (Краков, 1923).

Польский литературный журнал «Камена» целиком посвятил мартовский номер этой торжественной дате. Здесь же были напечатаны статьи С. Кулаковского «Переломная эпоха в жизни А. Пушкина» и Л. Гомолицкого «Ю. Тувим – переводчик Пушкина».

В юбилейный год в Польше появляется множество переводов произведений великого поэта. Его переводили Ю. Тувим, Вл. Слободник, В. Броневский, Т. Буйницкий, Я. Яворский. Так, польский критик Я. Орловский относит знаменитые переводы Тувима к новой эре освоения польской поэзией произведений Пушкина. В 1927 г. появились отрывки перевода «Медного всадника», которые были опубликованы в еженедельнике «Литературные ведомости». Весь перевод поэмы, а также анализ ученого Вацлава Ледницкого был опубликован в 1932 г. Как писал М. Топоровский, данный перевод был образцовым с точки зрения художественной ценности, артистизма перевода. Высокую оценку этому переводу дал Д. Философов.

В 1937 г. в Варшаве был издан сборник стихотворений и отрывков из поэм Пушкина «Лютня Пушкина» в переводе поэта. Прекрасные переводы Ю. Тувима были высоко оценены польской критикой³. Свои отзывы печатали С. Добровольский, В. Ледницкий, Т. Парницкий, Е. Загурский и другие. Похвальные рецензии появились и в эмигрантской печати («Русское слово», «Меч», «Русский голос»).

Всего в юбилейном году в польской печати и в различных научных изданиях было опубликовано свыше двухсот статей о Пушкине⁴.

Таким образом, можно утверждать, что пушкинский юбилей 1937 г. стал заметным событием польской культурной жизни межвоенного двадцатилетия.

Следует отметить, что наряду с Пушкиным в польской культурной среде в межвоенное двадцатилетие большой популярностью пользовались произведения русских классиков – Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова⁵.

¹ Мариан Здзеховский (1861–1938, Вильно) – видный польский историк литературы, публицист. Учился в Петербургском университете. Здзеховскому принадлежит заметная роль в популяризации русской литературы в межвоенное двадцатилетие. Он писал статьи о Л.Н. Толстом, В.С. Соловьеве, М.А. Булгакове, Д.С. Мережковском, Ф.М. Достоевском, принимал активное участие в организации торжеств по случаю столетия годовщины со дня смерти Пушкина в Вильно, поддерживал тесные контакты со многими русскими литераторами. О своей любви к русской литературе, о том особом влиянии, которое она оказала на формирование его духовного мира, Здзеховский писал во многих своих исследовательских работах.

² Слово. 1937. № 44. С. 3.

³ Переводы Ю. Тувима до сих пор в польской критике считаются образцовыми. Они включаются в современные издания лирики Пушкина.

⁴ См. об этом: *Toporowski M. Puszkina w polskiej krytyce i w przekładach // Puszkina. 1837–1937. Kraków, 1939.*

⁵ См. об этом: *Sielicki Fr. Dziewiętnastowieczni pisarze rosyjscy w Polsce międzywojennej. Wrocław, 1988.*

ЛИТЕРАТУРА

- Раев М.* Россия за рубежом. М., 1994. 296 с.
- Шмелев И.* Пушкин: 1837–1937 // В краю чужом: Зарубежная Россия и Пушкин. М., 1998. С. 175–178.
- Бем А.Л.* Чудо Пушкина // Меч. 1937. 14 февр. С. 3.
- Орловский Я.* Пушкинский юбилей 1937 года в Польше // А.С. Пушкин и мировая культура. М., 2001. 253 с.
- Слово. 1937. № 44. С. 3.
- Toporowski M.* Puszkini w polskiej krytyce i w przekładach // Puszkini. 1837–1937. Kraków, 1939. 118 s.
- Sielicki Fr.* Dziewiętnastowieczni pisarze rosyjscy w Polsce międzywojennej. Wrocław. 1988. 141 s.

REFERENCES

- Raef M. (1994) *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939* Moscow. (Oxford University Press, 1990)
- Shmelev I. Pushkin: 1837–1937. In: *At Alien Land: Russia Abroad and Pushkin*. Moscow. 1998, pp. 175–178
- Bem A.L. Marvel of Pushkin. *Mech.* 1937. February 14, p. 3.
- Orlovsky Ya. Pushkin Jubilee of 1937 in Poland. In: *A.S. Pushkin and World Culture*. Moscow. 2001. 253 p.
- Slovo. 1937. No 44, p. 3.
- Toporowski M. Puszkini w polskiej krytyce i w przekładach // *Puszkini. 1837–1937*. Kraków, 1939. 118 s.
- Sielicki Fr. *Dziewiętnastowieczni pisarze rosyjscy w Polsce międzywojennej*. Wrocław. 1988. 141 s.

Сведения об авторе:

Ольга Валерьевна Розинская,
канд. филол. наук
ст. науч. сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga V. Rozinskaya,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
o.rozinskaya@mail.ru

И.В. Ружицкий (Москва, Россия)

О языке Федора Достоевского

(открытая лекция, прочитанная в Лиссабонском университете
2 октября 2019 года)

I.V. Ruzhitskiy (Moscow, Russia)

Language and Literary Works of Fyodor M. Dostoevsky

(Open lecture delivered
at the University of Lisbon October 2, 2019)

2019
*
02 de outubro
16h
*
sala B1
(biblioteca)
*
FACULDADE
DE LETRAS
UNIVERSIDADE
DE LISBOA

PÁGINAS DA LITERATURA RUSSA

LANGUAGE AND
LITERARY WORKS
OF FYODOR M.
DOSTOEVSKY

Igor Ruzhitskiy
Universidade Estatal
de Moscovo (MGU)

FLUL LETRAS LISBOA

Very soon – in 2021 – the bicentennial anniversary of Dostoevsky’s birth will be celebrated. The government of the Russian Federation began to prepare various activities dedicated to this event – conferences, exhibitions, etc. – three years ago. And this is probably not because Dostoevsky is one of President Putin’s favorite writers, although that is true. Dostoevsky has become one of the most significant figures of Russian culture, literature and philosophy. Philosophy in Russia has always been literary-centric. Russian philosophers have never invented any new concepts. Even in the heyday of Russian philosophy – in the late XIXth – early XXth century – philosophy in Russia (Solovyov, Berdyaev, Rozanov, Shestov and others) relied on literature and above all – on Dostoevsky

and Tolstoy. Philosophers themselves often expressed their ideas in literary form. And even now it is rare to find an issue of the journal «Problems of philosophy» in which Dostoevsky is not quoted. In fact, Dostoevsky is quoted very often in the mass media, recently it has mainly been in the form of quotes showing how accurately the writer foresaw much of what was happening in Russia in the late XIXth – early XXth century and much of what is happening now, for example, in relations between Russia and Europe. And European philosophy was largely based on the ideas of Dostoevsky, and even more – on the images created by him. Nietzscheanism, existentialism, Freudianism... It was through Dostoevsky’s eyes that Europeans used to view Russia and Russians. And their study of Russia and the Russian people is often based on Dostoevsky’s works. Of

course, they do study Russia and the Russian people through Tolstoy, Chekhov... but first and foremost through Dostoevsky. Here are some examples:

– Ernest Hemingway was ready to give 1 million dollars for the opportunity to read «The Brothers Karamazov» again for the first time.

– The President Bush's advisers before Bush's visit to Russia advised him during the flight – for eight hours – to read «Crime and Punishment» to get to know Russia and the Russian people. Three authors were proposed, but Dostoevsky was chosen, perhaps because Laura Bush had written a master's thesis on «The Brothers Karamazov». I could have showed you comics based on Dostoevsky's works – they do really exist in America. In one of them, a shadow with an axe runs around Petersburg. This would be funny if it were not so sad: one of my students from Germany was really afraid that he would be attacked in a porch with an axe.

– In the course of President Putin's recent visit, Pope Francis said that he considered the understanding of Dostoevsky's books important for every priest of the Catholic Church. Vladimir Putin then spoke about the instruction that Francis always gives to his priests: «I tell my priests that without Dostoevsky's books, without realizing the depth of his philosophy, you can not be a real priest». And this is despite Dostoevsky's complete rejection of Catholicism, the Catholic Church, which assumed the functions of the state.

– Chinese leader Sie Dzing Ping in his speech during a recent visit to Russia also quoted Dostoevsky, using the famous saying «Beauty will save the world». However, the words of the writer were uttered in a rather strange context, which shows complete misunderstanding of this expression: «the preservation of favorable environmental conditions» and supporting «the course of green development in the name of beautiful home building».

– A correspondent from the «New Yorker» magazine compared the Russian tennis player Daniil Medvedev, who brilliantly performed at the US Open, with a revived character from Dostoevsky's books. It is unclear, however, who exactly she meant, most likely, it was Raskolnikov.

Dostoevsky gradually turned into a kind of emblem, a symbol of Russia. And, interestingly, first of all – in the eyes of the West. If you ask a Russian reader, how he finds Dostoevsky, the majority will give the negative assessment: too dark (a lot of deaths), excessively complicated language (we'll speak more about the features of Dostoevsky's language later today), about his deceptive «complexity». I think, however, that the main reason for this dislike of Dostoevsky by many Russian readers is much deeper and more serious than the number of deaths, murders and suicides. By the way, there really are many deaths: in «The Brothers Karamazov» – 43, and from 39 characters in «Demons» every third of the main characters dies. And this fact, first of all suicides, seems very attractive, for example, for Japanese readers. Kenitchi Matsumoto wrote in 1975: «the Japanese are obsessed with Dostoevsky», and Sadayoshi Igeta observed in 2011: «Japanese readers and writers repeat dialogues with Dostoevsky, thinking about themselves or about our society». And he, more than any other author, feeds their concentration on their inner world. There is a word for such acute self-awareness: «tuniebyo» which means «a societal disease among secondary school pupils». I can say that life and death is one of the main concerns for Dostoevsky, but we must not forget that in the writer's texts we also can see sparkling humor, irony, laughter, laughter is in the centre of his worldview, laughter which compensates for all the gloom, but only if the reader sees humor, recognizes the play on words and irony, which are not always reflected in the translated text, and even a Russian reader does not always see it.

When the understanding of a literary work occurs through a translated text it will always be defective to some extent, there have only been a few cases when the target text was better than the source text.

The classical example of this, which has become famous thanks to the film «Autumn marathon», is *obliz'yana zelyonaya*. One of the characters in the film, the Danish professor, translates Dostoevsky's «The Insulted and Injured» («Humillados y Ofendidos») and he says to his colleague, a Russian translator, that Dostoevsky has made a mistake in the sentence *frya ty edakaya, obliz'yana zelyonaya*, he says that Dostoevsky should have written *obez'yana* (without «l» and with an «e»), and the Russian translator objects: «Everything is correct in Dostoevsky's text». Here what we are dealing with is the contamination of the words *monkey* and *mangy* (or perhaps *lick*), which is very difficult to translate into other languages, and it is often translated completely incorrectly as *monkey: you saucy slut, you green monkey*. It is better to translate it as *green mangy monkey*, but this translation would not be accurate – precisely because it does not convey Dostoevsky's humor. No better is the German translation: *du wichtige Person, du grüne Meerkatze* ('marmoset').

We will return to Dostoevsky's laughter later...

The negative, or, more precisely, very ambivalent attitude of the modern Russian reader to Dostoevsky can be explained by different reasons. Firstly, by the tradition, which was established in the early XX century, of assessing Dostoevsky's works from mad love and respect to complete rejection. It was at this time that such a word as *dostoevschina* appeared with the meaning of a negative evaluation of contradictory feelings, mental instability, suffering and hopelessness, all of which are seen as a set of characteristic features of Dostoevsky's characters.

The judgment given to Dostoevsky by Lenin was of great importance for the perception of Russian readers of Soviet epoch (Lenin's directives, including those regarding culture, were critical until the collapse of the USSR, they determined, for example, what work of what writer should be introduced into the school curriculum). Lenin called Dostoevsky «disgusting but genius». He refused to read «Demons»: «Obviously this book is a conservative abomination <...> I have absolutely no wish to read it and to waste time on it. I leafed through the book and chucked it aside. I don't need that kind of literature – what can it give to me? I haven't any time for such dirt». And Lenin's opinion about many other of Dostoevsky's works wasn't much better. He said about «The Brothers Karamazov»: «I started to read it and quickly stopped. I threw up reading the scene in the monastery». But, however, Lenin read the novel «Crime and Punishment» up to the end. «Lenin was very strict with himself. But he hated digging into the human soul and the most painful introspections», – Nadezhda Krupskaya, Lenin's wife, confirmed this attitude of Lenin's. Excessively close attention to the dark sides of the human soul repelled Lenin, in one of his letters he called it an «arch-foul imitation of the arch-foul Dostoevsky» (by the way, it is specifically in Dostoevsky's works that we find an active and very non-standard use of the prefix *arch* which means 'the highest degree of manifestation of any quality': *arch-liked, arch-eagle, arch-alive, arch-urban, arch-rollicking, arch-tabloid*. At the same time, Lenin once remarked: «Do not forget that Dostoevsky was sentenced to death. He was subjected to the barbaric ritual of demotion, and then it was announced that Nicholas I had "pardoned" him and exiled him to hard labor». From all Dostoevsky's works Lenin appreciated most of all «The House of the Dead», calling this novel an «unsurpassed work of Russian and world fiction, that showed so wonderfully not only penal servitude but also «the house of the dead» in which the Russian people lived under the tsars of the

house of Romanov». And finally, in the list of monuments to 20 Russian writers approved by Lenin, which, it had been decided were to be installed after the revolution, we find: «1. Tolstoy; 2. Dostoevsky...».

Secondly, we must bear in mind the following: Russian people show a general tendency towards self-reflection, to the outpouring of their feelings, to complaining to others about their problems, their unhappy fate etc. This distinguishes the Russian from the European, apart from the Poles, of course, who complain even more. Interestingly, Dostoevsky himself had Polish roots, although he most likely did not know about it, this fact was discovered by the researchers of the Dostoevsky family. And yet Dostoevsky made fun, and sometimes quite maliciously, of the Poles, and of the Germans, and of the French, and a little less of the British... There are lots of words insulting towards representatives of other nationalities in Dostoevsky's texts: *polyatchok*, *nemtchurka*, *frantsuzishka*, etc. The only people Dostoevsky never insulted were the Russian people (apart from the liberals and nihilists) and... the Portuguese.

The nouns *Portuguese* and *Portuguesees* are never used by Dostoevsky, once in his article we meet the adjective *Portuguese* (*Portuguese poet*): in the journalistic notes «Some Articles on Russian Literature» (1861), which in many respects became programmatic, when Dostoevsky writes about Voltaire, who responded to the Lisbon earthquake with a «Poem about the Death of Lisbon...» for the first time rebelling against Leibniz's theory of «pre-established harmony». Voltaire's poem had a strong influence on the work of Dostoevsky, and we find its most obvious manifestation in the revolt of Ivan Karamazov. In the same article we find 10 uses of Lisbon in the form of nouns and adjectives. We find *Lisbon earthquake* used once in the story «Uncle's Dream» (1859). The adjective *Lisbon* is used twice in «Crime and Punishment» (1866), in the context of wine at Marmeladov's funeral repast. And once the name of the country – *Portugal* – is used (Ivan Petrovitch and Natasha read «Alphonse and Dalinda» of Countess de Genlis) and the city of *Lisbon* in «The Insulted and Injured» (1861), when Alyosha Valkovsky tells Natasha about his father: «My father never talked to me like that. That is, *Lisbon* would sooner fall than his wish not be realized <...>!» So all cases of «Portuguese vocabulary» occur in a very short period of time, 1859–1866, this period is even shorter, considering that 1866 is the year of the publication of «Crime and Punishment», it was written some years before.

Let's return to the Russian reader of Dostoevsky. When this Russian reader, who is already so strongly inclined towards self-reflection and self-flagellation, plunges into the nature of Dostoevsky's texts, he intensifies in the process all of his fears and doubts. Dostoevsky's characters reveal what the reader has hidden somewhere deep inside himself – passions, sins and most importantly – fear. And it is also in this, to my mind, that is hidden the dislike for the writer. And speaking about Dostoevsky's language... I can say with full confidence, based on concrete facts, concrete linguistic analysis, that his language is not more complex, but simpler, not archaic, but more modern and – more interesting than the language of the most of his contemporaries. The complexity of Dostoevsky's language is a myth, an attempt to find the simplest explanation for rather complex things. And this, I suppose, is the main reason for the rejection of Dostoevsky by many readers. At the same time, as Lenin did, these readers agree that Dostoevsky is a genius writer.

Let us now say a few words about the biography of Dostoevsky, and it would probably be wrong if we were specifically to «tie» biographical facts to the work of the writer. Or, on the contrary, if we were to try to find in the works of Dostoevsky any parallels with the events of his life. Most of the information of this kind, by the way, is drawn from the memoirs of Dostoevsky's contemporaries or of the members of his family – Nikolay Strakhov, Anna Dostoevsky, Apollinariya Suslova and others. Of course, the information presented in these memoirs is often subjective. For example Strakhov, after a quarrel

with Dostoevsky, suddenly decided to remember how Dostoevsky had told him about the seduction of a young girl, that such a case had occurred in his life. Or Anna Dostoevsky, who, and this is rather natural, spoke about Suslova, with whom Dostoevsky was in a love affair for several years, very unflatteringly. Or she deliberately blurred or crossed out many places in Dostoevsky's letters, mostly of an intimate nature, so that it would be impossible to read. Nevertheless, people often «tie» the facts of Dostoevsky's biography to his works, we come across this very often indeed. Here are some examples.

– Dostoevsky was born in a hospital for poor people, where his father worked as a doctor. This, however, does not necessarily have any connection with the title of his first novel, «Poor People», as is sometimes claimed. The word «poor», by the way, does not have the meaning here of 'not having sufficient or necessary means of subsistence; indigent', but it means 'unhappy'.

– The very stressful and ambiguous relationship between Dostoevsky and Apollinariya Suslova is not an argument to suggest that Polina in «The Gambler» is a full copy of her, and in any case we find the features of Suslova in many other female characters – Nastasya Filippovna from «The Idiot», Katerina Ivanovna Verkhovtseva from «The Brothers Karamazov», etc.

– The fact that Dostoevsky after the period of hard labor lived in Tver for two months waiting for permission to live in the capital and gave Tver such epithets as an «ugly» and «dying» city, does not necessarily lead to the fact that specifically this town is shown in the novel «Demons». There are many similarities, of course, but it is unlikely that this topic can serve as a subject of serious scientific research. Although it should be noted that the placenames in Dostoevsky's works are very important, for example, in «Crime and Punishment», where the author deliberately encrypts the names of St. Petersburg bridges, alleys, etc.: «At the beginning of July, during an extremely hot spell, towards evening, a young man left the closet he rented from tenants in **S—u** Lane, walked out on the street, and slowly, as if indecisively, headed for the **K—n** Bridge» (tr. by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky). Abbreviations in Dostoevsky's texts occupy a special place, it is a separate case of linguistic play, completely unlike any others, and one which we meet later in the literature of postmodernism. Dostoevsky by means of such abbreviation-riddles encrypts placenames, setting the reader, familiar with St. Petersburg toponymy, up for the process of guessing. And if Dostoevsky writes that there are 730 steps from Raskolnikov's house to the house of the old woman-usurer, then this number is not accidental, it is important that it is such. Although there may be different and often fantastic interpretations, for example, the steps in the Main engineering school, where Dostoevsky studied, were measured in pairs, and if you divide 730 by 2, you get the number of days in the year.

– The parricide in «The Brothers Karamazov» is not necessarily connected with the legends of the Mikhailovsky castle, where the Main engineering school was located, according to which among the murderers of Paul I was his son Alexander.

Nevertheless there are some facts of Dostoevsky's life which undoubtedly came through the writer's works. Let's say a few words about them.

– This is first and foremost the key point of Dostoevsky's life, which is called «the imitation of execution» and which came through the novel «The Idiot», where Dostoevsky describes in detail the simulation of the death penalty, which was made against him and other members of the group of M.V. Butashevitch-Petrashevsky:

This man had once been led to a scaffold, along with others, and a sentence of death by firing squad was read out to him, for a political crime. After about twenty minutes a pardon was read out to him, and he was given a lesser degree of punishment; nevertheless, for the

space between the two sentences, for twenty minutes, or a quarter of an hour at the least, he lived under the certain conviction that in a few minutes he would suddenly die. I wanted terribly much to listen when he sometimes recalled his impressions of it, and several times I began questioning him further. He remembered everything with extraordinary clarity and used to say he would never forget anything from those minutes. About twenty paces from the scaffold, around which people and soldiers were standing, three posts had been dug into the ground, since there were several criminals. The first three were led to the posts, tied to them, dressed in death robes (long white smocks), and had long white caps pulled down over their eyes so that they would not see the guns; then a squad of several soldiers lined up facing each post. My acquaintance was eighth in line, which meant he would go to the posts in the third round. A priest went up to each of them with a cross. Consequently, he had about five minutes left to live, not more. He said those five minutes seemed like an endless time to him, an enormous wealth. It seemed to him that in those five minutes he would live so many lives that there was no point yet in thinking about his last moment, so that he even made various arrangements: he reckoned up the time for bidding his comrades farewell and allotted two minutes to that, then allotted two more minutes to thinking about himself for the last time, and then to looking around for the last time. He remembered very well that he made precisely those three arrangements, and reckoned them up in precisely that way. He was dying at the age of twenty-seven, healthy and strong; bidding farewell to his comrades, he remembered asking one of them a rather irrelevant question and even being very interested in the answer. Then, after he had bidden his comrades farewell, the two minutes came that he had allotted to *thinking about himself*. He knew beforehand what he was going to think about: he kept wanting to picture to himself as quickly and vividly as possible how it could be like this: now he exists and lives, and in three minutes there would be something, some person or thing – but who? and where? He wanted to resolve it all in those two minutes! There was a church nearby, and the top of the cathedral with its gilded dome shone in the bright sun. He remembered gazing with terrible fixity at that dome and the rays shining from it: it seemed to him that those rays were his new nature and in three minutes he would somehow merge with them. The ignorance of and loathing for this new thing that would be and would come presently were terrible; yet he said that nothing was more oppressive for him at that moment than the constant thought: «What if I were not to die! What if life were given back to me – what infinity! And it would all be mine! Then I'd turn each minute into a whole age, I'd lose nothing, I'd reckon up every minute separately, I'd let nothing be wasted!» He said that in the end this thought turned into such anger in him that he wished they would hurry up and shoot him» (tr. by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky).

In the 1840s Dostoevsky joined the group of Butashevitch-Petrashevsky's utopian revolutionaries. He visited the radical wing of this group, consisting of 7 men, which was run by S.F. Durov. There he met N.A. Speshnev, who later became one of the prototypes of Nikolay Stavrogin (the novel «Demons»). These seven people planned to organize an underground printing house (this episode is described in the novel), but petrashevists were arrested not for that, but for the distribution of Belinsky's letter to N.V. Gogol, which was read by Dostoyevsky at meetings of the group. By the way, this letter is now being studied in Russian schools. What was there in the letter that could have led to the arrest and death sentence of these men? It should be noted that the death penalty in XIX century Russia was almost never used, except for serious state crimes aimed at overthrowing the government, such as the Decembrist Uprising of 1825. Belinsky wrote that Russia needs not sermons, not prayers, but the awakening of human dignity in the people. This was taken by the authorities as a call for the overthrow of the state system. And the members of Petrashevsky's group were sentenced to death by firing squad execution, and on the 22 of December, 1849, they were taken to the Semenovskiy parade-ground, where about 3000 people gathered to watch this «show». They were divided in groups of three people (Dostoevsky was in the second of three), the swords were broken over their heads, that

symbolized the divestment of the nobility, the priest read the memorial prayer, bags were put on the heads of the first three petrashevists, the soldiers were ordered to aim... One of the petrashevists, Nikolay Grigoriev, lost his mind. And at the last moment the penalty was canceled, instead of it – 4 years of hard labor, for Dostoevsky this was to be in Omsk. Just these 45 minutes on the scaffold awaiting death, and even worse, months of waiting for the verdict in the Peter and Paul fortress are described in Dostoevsky's novel «The Idiot», Dostoevsky describes what he went through himself – the expectation of punishment that is worse than the punishment itself. And – the inability to change anything. Dostoevsky is probably the only writer who outlived his own death. And the four years of hard labor are described in detail in «The House of the Dead».

– Of course, constant financial difficulties, Dostoevsky's numerous debts could not but affect the fact that the theme of money becomes one of the main in his works. The phenomenon of money itself is interpreted:

[Goryanchikov] Money is minted freedom, and that is why a human being, completely deprived of freedom, values money ten times more («The House of the Dead»); [Makar Ivanovitch] Though money is not God, it is all the same half of a God, the great temptation <...> («A Raw Youth»).

One shouldn't nevertheless think that Dostoevsky was poor, that he starved... For the translation of Balzac's «Eugenia Grande» (Dostoevsky had not yet started his independent literary work), he received 1000 rubles – a huge sum of money at the time. The houses and apartments he rented, including those abroad, were not for the poor. Although, indeed, he only bought his own first house at the end of his life, in the city of Staraya Russa.

– Dostoevsky's passion for the game of roulette, of course, is shown primarily in the novel «The Gambler».

– Dostoevsky's epileptic attacks, first of foremost in descriptions of the state before a seizure, could not but find reflection in his works, first of all in the novel «The Idiot».

However, it is not knowledge of Dostoevsky's biography, but the study of his language that allows us to understand the author's works. Let us dwell on a few points: (1) some key words in the language of Dostoevsky's linguasphere («toska» – agony, «nadyv» – strain and «poshlyi» – banal); (2) words used in a symbolic meaning («banya» – village bathhouse, murder weapons, green drap de dames scarf, yellow); (3) some of the writer's aphoristic remarks.

(1)

Let's start with the word that many linguists have written about and continue to write about as a key concept of Russian culture – the word «toska». In Russian there is a group of words whose meanings are very difficult to distinguish – 'grust', toska, pechal', skuka, khandra, splin, unyniye, depressiya, apatiya, melankholiya, nostalgiya' (like similar English words *sadness, melancholy, boredom, depression, apathy, nostalgia*). And the most difficult to understand among these words is «toska».

In the complete works of Dostoevsky «toska» is used 579 times, 370 times – in fiction. This is a very high frequency, for comparison: the word «grust'» (*sadness*) is used 121 times, and «lubov'» (*love*) – a little bit more than 1000. Empirically, during the construction of Dostoevsky's language dictionary, it was found that if the frequency exceeds 100 times then this word is worth paying attention to, it could be important for the language of Dostoevsky's world, or linguistic worldview, or linguasphere.

Russian-English dictionaries offer various translations of the word «toska»: *melancholy, sadness, grief, sorrow, angst, anguish, misery*. Of the group of words mentioned

above «toska» is very close to «unyniye», which can be translated into English as *despondency, dejection, gloom, discouragement, despair*. The easiest for understanding and translating is the word combination «toska po rodine» (*homesickness*) which we often find in Dostoevsky's texts, especially in his letters.

Richard Pevear and Volokhonsky propose to translate Mariya Lebyadkina's phrase «Toska ne skuka» («Demons») as *Sorrow is not boredom*. The word «toska» may have the meaning 'boredom' in Russian, and such a word combination as «Toska zelyonaya» (*green*) can only be used in the meaning of 'boredom', but it is not used in this meaning when Lebyadkina says only a page later: *And every earthly sorrow and every earthly tear is a joy for us*. The same word is chosen for «toska» – *sorrow*. But here one may well doubt the accuracy of the translation, for sorrow is too «weak» in this context, it's more like Russian «petchal'» and «grust'». An analysis of the compatibility of the word «toska» with adjectives can help to ascertain the word's meaning in Dostoevsky's texts: «bezyskhodnaya, beznadyozhnaya, beskonetchnaya, bespredelnaya, glubokaya, strashnaya, podavlyayushchaya, mutchitel'naya, nesterpimaya, kholodnaya, mertvyashchaya» (*hopeless, infinite, boundless, deep, terrible, overwhelming, painful, unbearable, cold, deadening, etc.*) as well as the fact that «toska» is associatively connected with «muka, stradaniye, gore, trevoga, otchayanie, zheltch', uzhas, dusha; nevozmozhnost' opredelit', tchego khotchu» (*torment, suffering, grief, anxiety, despair, bile, horror, soul; the inability to determine what one wants*). This makes it possible to define «toska» as 'deep spiritual anxiety, delivering torment; despondency, despair' and in this sense the semantic content of «toska» is close to what we find in English word *agony*, for example, in Samuel Coleridge's «The Rime of the Ancient Mariner»: *Alone, alone, all, all alone, / Alone on a wide, wide sea; / And never a saint took pity on / My soul in agony*.

Let us turn to another word which is specific to Dostoevsky, a word which is a kind of emblem of the writer himself – the word «nadryv», the meaning of which is even more difficult to convey in other languages than the meaning of «toska». While «nadryv» is used very infrequently, only 30 times, 23 of which – in literary texts, and it is almost always associated with a morbid state. An analysis of the contexts in which «nadryv» is used allows us to conclude that this word means 'morbidly, exaltation, unnaturalness in the manifestation of any feelings, emotions or when committing an act'. And in «The Brothers Karamazov» the word «nadryv» acquires a special meaning, which is uncovered in a broad context; this meaning is: 'unnaturally exaggerated, distorted feelings and emotions, bordering on lies, as well as arising from anger or from the desire to take revenge':

The word «**strain**», just uttered by Madame Khokhlakov, made him [A. Karamazov] almost jump, because precisely that night, half-awake at dawn, probably in response to a dream, he had suddenly said: «**Strain, strain!**» He had been dreaming all night about yesterday's scene at Katerina Ivanovna's. Now suddenly the direct and persistent assurance of Madame Khokhlakov that Katerina Ivanovna loved his brother Ivan, and deliberately, out of some kind of play, out of «**strain**», was deceiving herself and tormenting herself with her affected love for Dmitri, out of some kind of supposed gratitude – struck Alyosha: «Yes, perhaps the whole truth indeed is precisely in those words!» <...> «**Strain**» had just been uttered! But what could he understand even of this **strain**?

[A. Karamazov to Katerina Ivanovna] «<...> you are tormenting him because you love Dmitri from **strain**... not in truth... because you've convinced yourself of it...» (tr. by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky).

It was the use of the word «nadryv» in these and similar contexts that became associated with Dostoevsky's idiosyncrasy and with his works as a whole. And this word began to perform an emblematic function. Richard Pevear and Larissa Volokhonsky translated «na-

dryv» as *strain* that is mostly connected with ‘pulling, stretching, deformation’. The meaning is close, but nevertheless does not convey the meaning of Dostoevsky’s «nadryv», especially in the context of «The Brothers Karamazov»: *strain* is hardly associated with such semantic components as ‘disease, lies, exaltation’, it is necessary to give an extended commentary to this translation.

And let’s turn to another conceptual word that is important both for the Russian linguasphere generally and for Dostoevsky’s views on the world and on man, to a word that poses great problems for any translator – «poshlost’» and «poshlyi». The same word-formation paradigm includes «poshlo», «poshlyak», «oposhlit’», «poshlenkiy», «poshlovatyi», which are most commonly are translated as *vulgar*.

In the Russian language the range of meanings of the word «poshlyi» is very wide and it is rather difficult to determine what meaning is realized in a particular context. «Poshlyi» is *mediocre, banal, base, immoral, tasteless, hackneyed, trivial, formulaic, hackneyed, ordinary, vulgar, obscene, etc.* It would be possible to assume that Dostoevsky’s «poshlyi» is used mostly in the meaning of ‘low moral standards’ as the theme of morality is one of the writer’s main themes. However, of all the 61 uses of the word «poshlyi» there is only one context where it’s safe to assume that this meaning is revealed – «The Brothers Karamazov»:

It is impossible even to imagine all the shame and moral degradation with which a jealous man can live without remorse. And it’s not that they were all *immoral and dirty souls*. On the contrary, with a high heart, with a pure love, full of self-sacrifice <...>.

Richard Pevear and Larissa Volokhonsky translated «poshlyi» as *trite and dirty souls*, although *trite* is ‘banal, trivial, formulaic, hackneyed, very usual’. To my mind more correct variants of the translation of «poshlyi» in this context would be such equivalents as *immoral, amoral, unmoral, licentious*.

All other uses of the word «poshlyi» in Dostoevsky’s works are associated with the ‘banal, trivial, ordinary, very usual’, as in modern Russian, but without such shades of meaning, as ‘obscene, indecent, bawdy’. For example, «poshlyi durak» (*a vulgar fool*) is not someone who uses obscene words, but an excessively ordinary person. Or «poshleyshaya spletnya» (*the most vulgar gossip*) means ‘ordinary, standard’. In the same meaning «poshlyi» is used in the following context:

I think that when a man laughs it most often becomes disgusting to watch. More often there is something *banal* in the laugh, something that seems to humiliate a laughing man, although a laughing man himself almost always knows nothing about the impression he makes («A Raw Youth»).

The collocations with the word «poshlyi» in Dostoevsky’s works are very interesting: there are almost no repetitions (except for the *banal fool(s)* used 3 times, and *banal word* – 2 times):

accusation, allegory, boasting, business, calendar life, care, composition, entertainment light, example, excuses, expression, face, fool, foolishness, Frenchman (with disregard), ideas, idiot, incompetence, intrigue, man, manifestation, meaning, method, naive and pastoral, ordinary, pedantry, plantation vengeance, politeness, prose and boredom, resentment, rhymers, road, routine, rumor, schedule, sizes, slaves, something, soul, stupid, the order [of things], thoughts, trifle, value, wisdom.

As for the noun «poshlost’» (used 25 times), Dostoevsky used it only in the sense of ‘banality, triviality, mediocrity’:

Quick understanding is only a sign of the *banality* of what has been understood («A Raw Youth»).

The fact that the words «poshlyi» and «poshlost'» are mainly used by Dostoevsky in this meaning, and with high frequency in «The Notes from Underground» and in «A Raw Youth» cannot be considered a coincidence: the writer did not agree with anything standard, formulaic, mediocre, he did not agree with any finished formulas which did not allow exceptions.

(2)

Dostoevsky's predilection for symbolization has been noted by many researchers. This interest in symbolization is explained by many reasons, the most obvious of which is the author's desire to reflect the world in all its opposites, to oppose the image given by a symbol to the logical «consciousness». Besides, one should note such a function of the symbol in Dostoevsky's works as the coding of meaning, the creation of a certain encryption, a riddle that a reader has to unravel, and after that – to come to an understanding of the idea of the whole work.

We can give different groups of symbol (words with concrete meaning used in an abstract sense):

(1) denotative symbols (*green dradedam scarf, clock, threshold, square, gate, hem, corner, hole, shell, pawn, louse, spider, fly, hare, little red spider, etc.*);

(2) situational (*dropping a handkerchief, kissing the ground, kissing a bowl, bowing to the ground, refusing to give a hand, refusing to kiss a hand*);

(3) sensual (*a fly beating against the window glass, oblique rays of the setting sun, green adhesive leaves, etc.*) and

(4) eventual (1861), which are more common in journalistic texts.

The first group of symbols includes such subgroups as number-symbols, name-symbols (*Sonya, Lazarus, Stepan Trofimovitch, Lev Myshkin, Raskolnikov*), toponym-symbols (*Boulogne, America, Skotoprigonyevsk*), primary element-symbols (*fire, earth, water, air*), colour-symbols, the names of insects, animals, etc.

There is a very important opportunity for us to group Dostoevsky's symbols on the basis of a common – symbolized – meaning, to combine them into symbolic paradigms. Here are some examples.

'FEAR' – *hook, latch*

'CRIME, MURDER' – murder weapons

The symbols with the common meaning of 'murder weapons' are *axe, knife, revolver, razor, pounder, paperweights; loop, a spare nail, a piece of soap and a silk string*. There is a certain and significant relationship between the author's choice of the murder weapon and the character who committed it, which becomes a kind of differential sign of the meanings of the corresponding symbols. Each of the murder weapons has its own symbolic meaning. In «Crime and Punishment» it must be the *axe*, symbolizing punishment-retribution; Rogozhin kills Nastasya Filippovna with a knife, so the family name of Nastasya Filippovna – Barashkova (from «barashek» – *a lamb*) becomes symbolic too, and the knife is perceived as a ritual weapon of sacrifice; Kirillov and Svidrigaylov could only shoot themselves, and it is important that Kirillov's colt is *American*, Rogozhin covered the dead Nastasya Filippovna with *American oilcloth*; for Svidrigaylov's suicide – *America / American* also have the symbolic meaning, which is most clearly realized in the «Demons» («demons» brought their ideas from America); for Stavrogin and Smerdyakov, who committed mortal sins (seduction of a child and murdering of own father), could only be a loop. Another murder weapon in Dostoevsky's works is a

razor, and not just a razor, but a razor wrapped in silk, which is found three times – in the «The Idiot», in the «Eternal Husband» and in the «A Writer's Diary».

So then if symbols are extremely compressed coded meanings, then it seems quite logical to build the author's thesaurus on the basis of groups of symbols united by a common meaning. Study of the lexical structure of Dostoevsky's idiolect shows that the core of the author's thesaurus is MAN represented in such aspects as 'life', 'time', 'death', 'love', 'illness', 'fear' and 'laughter' (these are meanings which are symbolized by the writer most often; but the 'laughter', because of its concrete and special, compensatory function, is not symbolized).

[Kirillov] «Life is pain, life is fear, and a man is unhappy». Which, interestingly, is almost the very same thing we find in modern psychiatry.

There is a very famous phrase from Dostoevsky's early 1839 letter to his brother, these words are quoted by absolutely all the lecturers who speak about the life and work of the writer: «Man is a mystery. This mystery must be solved, and if you are going to be solving it for your whole life, do not say that you have wasted your time. I study this mystery, for I want to be a man...». Dostoevsky, when he was still in his senior year of Engineering school, had the following hobby – he would leave his apartment, chose a person as an object and would keep an eye on him as much as he could, sometimes for the whole day, observing as he did the slightest details of this person's behavior. What shop this person went into, how he pulled out his wallet, money, the way he spoke, paid, etc. After that Dostoevsky would «complete» this man, proposing that it was from these details that the person's image is constructed. And at that point Dostoevsky was not yet a writer.

However, a man is a mystery, an object for study and an image for most writers. A man for Dostoevsky, as we have shown above, is always a man who doubts, a man who suffers, a man who seeks, above all, seeks God in himself. And for Dostoevsky's man there is nothing unambiguous, the mathematical formula two times two equals four can't be applied to him.

(3)

As we have already mentioned, Dostoevsky is quoted very often, more often than any other Russian writer. Such writers as Dostoevsky and Tolstoy, of course, were well aware of their prophetic role, which was reflected in the globality of the plans of their works, in which the brilliant foresight of these authors was subsequently confirmed by history (for example, from the novel «Demons»), and in such a way of forming thoughts as an aphorism in its didactic orientation. And it is no accident that aphorism is one of the main features of Russian philosophy of the second half of the XIX – early XX century and modern Western philosophy, which in large part learned from Dostoevsky.

There are more than a thousand aphorisms accredited to Dostoevsky, which are used in speech, in various types of communication, including scientific and political contexts. Nevertheless, participants of communication acts often use Dostoevsky's aphorisms, absolutely without thinking about the meaning of these sayings, which the writer himself had put into them, taking them out of context, forgetting that the quoted words may not refer to Dostoevsky, but to a specific character of a particular work. To establish contact, to decorate the speech, to prove the correctness of the thought, finally, just to seem knowledgeable and intelligent... But... this is no longer Dostoevsky, not his world, the author disappears in these misunderstood and decorative phrases. The same phrase that we mentioned: «Beauty will save the world». In order to understand the meaning that

Dostoevsky had put into this phrase it is necessary to remember that this phrase, or rather – «The world will be saved by beauty» – is from the novel «The Idiot», it is attributed to Prince Myshkin. Then by «beauty» we must understand what is beautiful for Myshkin, and not some abstract and incomprehensible essence. And for Myshkin it is Nastasya Filippovna who is beautiful, and this is a «special, suffering beauty». So... beauty means suffering. Who suffered the most? Christ. And who then will save the world? We must also not forget that Dostoevsky's beauty is not only salvation, but also, in «The Brothers Karamazov», destruction: «Beauty is a terrible force». Or another famous example of a very nice phrase: «All the harmony of the world is not worth one little tear of a child». If we forget that these words are uttered by Ivan Karamazov and uttered in order to prove that there is no God, the meaning of this phrase will be completely distorted.

Here are some examples of Dostoevsky's aphorisms related to some of the ideas mentioned above.

[Goryantchikov] Man is a creature that gets used to everything, and I think this is the best definition of him («The House of the Dead»); [I. Karamazov to A. Karamazov] Absurdities are too necessary on earth. The world is based on them, and without them, perhaps, nothing would happen in the world («The Brothers Karamazov»); A man must love life more than the meaning of life (from «Unknown Dostoevsky»); [Paradoxalist] <...> man is sometimes terribly fond of suffering, to a passionate degree, and that's a fact («The Notes from Underground»); [Raskolnikov] Suffering and pain are always obligatory for broad consciousness and a deep heart («Crime and Punishment»); [Paradoxalist] <...> one can survive with love and without happiness («The Notes from Underground»); [from a letter of Nastasya Filippovna to Aglaya] Is it possible to love all, all people? Of course not, and that would even be unnatural. In abstract love of humanity you almost always love only yourself («The Idiot»); [I. Karamazov to A. Karamazov] In an abstract way one can love one's neighbor and sometimes even from afar, but up close it is almost always impossible («The Brothers Karamazov»); [Versilov to Arkady] People by nature are low and love to love out of fear («A Raw Youth»); [Funny man] On our earth we can truly love only with pain and only through pain! («The Dream of a Funny Man») Perhaps the only love of Russian people is Christ, and Russian people love the image of Christ in their own way, that is, to the point of suffering («A Writer's Diary»); [D. Karamazov to A. Karamazov] But falling in love does not mean loving. It is possible both to love and to hate («The Brothers Karamazov»); [Prince Myshkin] You know in my opinion being funny is sometimes even good, and better still: you can forgive each other sooner and humble yourselves («The Idiot»); [Arkady] If a man laughs well it means he is a good man («A Raw Youth»); [Dobrosyolova] Misfortune is a contagious disease. Miserable and poor people need to avoid each other, so as not to get further infected («The Poor People»); [Kirillov to Stavrogin] A man is unhappy because he doesn't know that he's happy; that is the only reason why («The Devils»); [to S. Ivanova] You cannot understand happiness without suffering (from letters); [Staretz Zosima] <...>fear is merely the result of any kind of lie («The Brothers Karamazov»); [Raskolnikov] Truly great people <...> must feel great sorrow in the world <...> («Crime and Punishment»); [from reflections of Prince Myshkin] Compassion is the main and maybe the only law of life of all mankind («The Idiot»); [Chronicler] <...> the misfortune of someone close never fails to amuse a foreign eye <...> («Demons»); [Stavrogin] <...> in the suffering of the others there is always something good for us («At Tikhon»); [I. Karamazov] <...> the beast can never be as cruel as a man, so artistically, so creatively cruel («The Brothers Karamazov»); Many misfortunes have happened in the world as a result of perplexities and unspoken words. The unspoken word harms and has always harmed (from journalistic article).

Is Dostoevsky's language difficult? Can we call his works «dark and gloomy»? Fairy tales, for example, are often much more cruel and dark than Dostoevsky's works. Let's remember for example «The Little Mermaid» or «Shadow» of Andersen. And the language of fairy tales is more difficult than Dostoevsky's language. But the fact that Dostoevsky makes his reader suffer is indisputable. As the author himself writes in

the «A Writer's Diary»: «Every great happiness carries with it some suffering, since it evokes in us a higher consciousness». Or: «Generally, man was created in such a way that he loves the suffering that he has lived through». And, of course, laughter, which Sonya Shatalova, an autistic girl, at the age of eight years old called «the doctor for a sorrowing soul» – this laughter is both the «cure» for fear of death, and a way to cope with suffering and illness, including mental illness.

Сведения об авторе:

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Igor V. Ruzhitskiy,
Doctor of Philology
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

konnitie@mail.ru

Е.И. Якушкина (Москва, Россия)

Диалектные материалы из западной Боснии¹

Аннотация: В статье представлен сербский диалектный лексический материал, собранный по вопроснику «Сербскохорватского диалектного атласа» в селах Западной Боснии. Данная территория относится к области распространения западных говоров восточногерцеговинского диалекта, лежащего в основе сербского литературного языка. Представленная анкета демонстрирует базовую лексику одного из говоров данного типа, который в дальнейшем планируется сопоставить с говорами других типов с целью выявления общих и дифференциальных лексических признаков различных сербских диалектов. Лексика описываемого говора характеризуется значительной близостью к литературному языку, и в нем широко распространена лексическая дублетность, при которой литературные слова сосуществуют с диалектными синонимами. Для лексики говора характерно сохранение славянских архаизмов, вытесненных на более восточных территориях новообразованиями (*жельезо* ‘железо’, *зджела* ‘миска, глубокая тарелка’, *жлица* ‘ложка’, *мрква* ‘морковь’, *гра* ‘фасоль’, *лаче* ‘штаны’, *плата* ‘простынь’).

Ключевые слова: сербский язык, диалектная лексикология, лингвогеография, Босния, западно-сербские говоры

E.I. Yakushkina (Moscow, Russia)

Dialect Materials from Western Bosnia

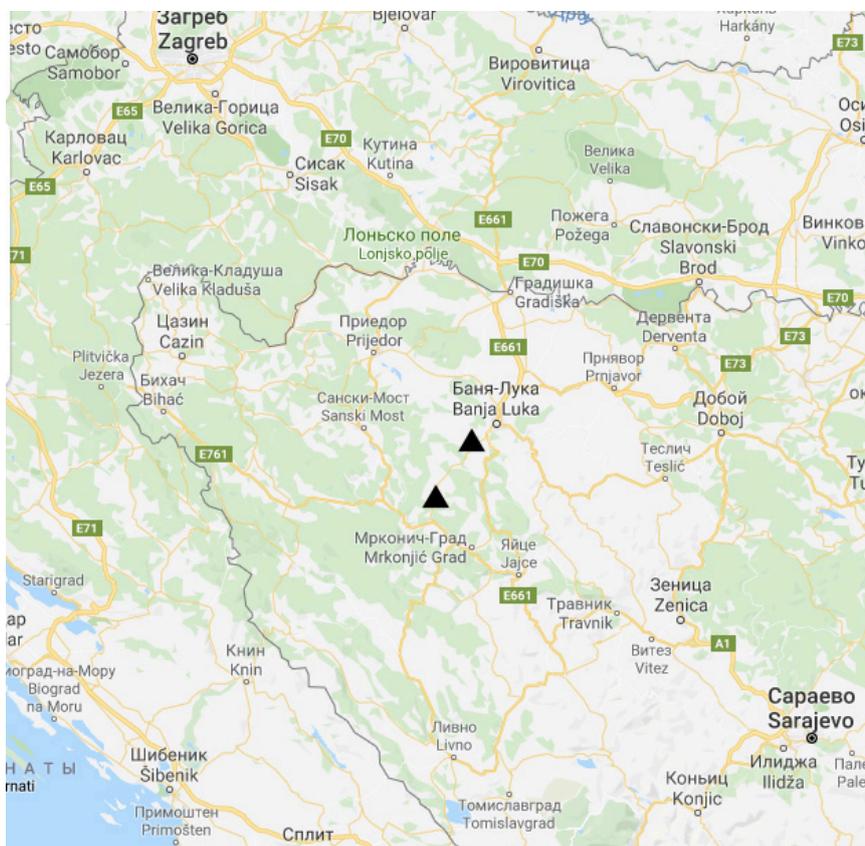
Abstract: The paper presents Serbian dialect lexical materials collected on the basis of a questionnaire of the “Serbo-Croatian dialect Atlas” in the villages of Western Bosnia. This territory is the area of distribution of Western dialects of the East Herzegovina dialect, which is the basis of the Serbian literary language. The presented questionnaire demonstrates the basic vocabulary of one of the dialects of this type, which in the future is planned to be compared with the dialects of other types in order to identify common and differential lexical features of various Serbian dialects. The vocabulary of the described dialect is characterized by a significant affinity to the literary language and dialect synonyms coexist with literary words. The vocabulary of the dialect is characterized by the preservation of Slavic archaisms, displaced in the more Eastern territories by new words (*željezo* ‘iron’, *zđjela* ‘bowl, deep plate’, *жлица* ‘spoon’, *mrkva* ‘carrot’, *gra* ‘bean’, *lače* ‘pants’, *plata* ‘sheet’).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00471 «Ареальное членение и ареальные связи сербскохорватских говоров в области лексики».

Key words: the Serbian language, dialectal lexicology, linguistic geography, Bosnia and Herzegovina, Western-Serbian dialects

В мае 2019 г. состоялась диалектологическая экспедиция преподавателей и студентов кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в окрестности г. Баня-Лука (Босния и Герцеговина) в рамках проекта «Ареальное членение и ареальные связи сербскохорватских говоров в области лексики». Актуальность проекта обусловлена отсутствием сербского диалектного атласа.

Для реализации проекта запланировано несколько экспедиций, данная экспедиция была первой. Лексический материал записывался в селах, расположенных на горе Маняча: селе Кола, находящемся в пятнадцати километрах к юго-западу от Баня-Луки и селе Ситница, которое находится несколько южнее, чем Кола, по направлению к г. Мркониц-Град) (см. карту). Сбор материала был организован проф. Д. Црняк, проф. Б. Бабич и проф. Д. Козомара, за что автор выражает им глубокую благодарность.

Исследованный говор относится к западнобоснийской подгруппе восточногерцеговинского диалекта. Восточногерцеговинский диалект лежит в основе сербского литературного языка, что обуславливает значительную близость лексики обследованного говора к лексике сербского литературного языка, хотя, естественно, лексический фонд говора содержит и диалектизмы. 4% записанных лексем приходится на областную лексику, которая не имеет в говоре дублетов, свойственных литературному языку, и 16% записанных лексем приходится на областную лексику, которая в говоре имеет синонимы-дублеты, употребляемые в сербском литературном языке.

Для сбора лексического материала был составлен специальный вопросник на базе анкеты «Сербскохорватского диалектного атласа», охватывающей все языковые уровни. Из анкеты атласа были извлечены лексические вопросы, число которых составило около 500. В задачи проекта входит сбор лексического материала по данному вопроснику в разных областях сербскохорватского диалектного континуума и последующее сопоставление результатов с целью выявления лексических изоглосс и выделения очерчиваемых ими ареалов.

В настоящей работе публикуются результаты опроса информантов из с. Кола. Опрос производился таким образом, что информантов спрашивали о названиях предметов и явлений, относящихся к 14 тематическим группам: «Человек и части тела», «Семья», «Одежда», «Дом», «Еда и приготовление пищи», «Земледелие и переработка зерна», «Домашние животные», «Птицы», «Дикие животные», «Деревья и фрукты», «Овощи и цветы», «Ремесла», «Природа», «Общественная жизнь». Заполненный вопросник содержит базовую лексику и терминологию говора и тем самым дает лексический портрет одного из западных сербских говоров, лексические особенности которых до сих пор описаны только в самом общем виде [Ивић 1994: 136; Окука 2008: 68–69].

Основу списка, который приводится ниже, составляют лексемы, записанные проф. Д. Црняк в селе Кола, на хуторе Вуковичи от Лепосавы Вукович (Љепосава Вуковић 1938 г.р.). В двух случаях в список добавлены лексемы, записанные от других информантов: 1) альтернативные названия 2) названия, не записанные от Л. Вукович, но зафиксированные в разговорах с другими информантами. Лексемы, записанные не от Л. Вукович, помечены звездочкой.

1. Человек и части тела¹

1. 'лицо' <i>лице</i> , * <i>образ</i> (МГ)	11. 'усы' <i>бркови</i> , * <i>науснице</i> , <i>брци</i> (МГ)
1а. 'щека' * <i>образ</i> (КУ)	12. 'усач' <i>бркоња</i> , * <i>брко</i> (МГ)
2. 'виски' <i>слипочнице</i> ²	13. 'грудь' <i>прси</i> (* <i>прса</i> КУ)
3. 'волдырь, появляющийся при ожоге' <i>шклубучић</i> , * <i>плик</i> , <i>пришит</i> (МГ)	14. 'женская грудь' <i>сисе</i> , <i>груди</i>
4. 'ноздря' <i>ноздра</i>	15. 'спина' <i>леђа</i>
5. 'зрачок' <i>зенџа</i>	16. 'позвоночник' <i>кичма</i> , * <i>кичмењача</i> (МГ)
6. 'бровь' <i>обрва</i>	17. 'верхняя часть спины' <i>плећи</i> , * <i>плећа</i> (СМ), <i>плећке</i> (МГ)
6а. 'ресницы' * <i>треповке</i> (КУ)	18. 'живот' <i>стомак</i> , * <i>желудац</i> (ЛВ), * <i>трбу</i> (<i>ми смо викали</i>) (СМ)
7. 'рот' <i>уста</i>	19. 'печень' <i>јетра</i> , * <i>црна џигара</i> (МГ)
7а. 'челюсть' * <i>вилџа</i> (КУ)	20. 'почка' <i>бубрег</i>
8. 'губы' <i>усне</i> , * <i>доња и горња губица</i> (МГ)	21. 'силезенка' <i>слизена</i> , * <i>слезена</i> (СМ)
9. 'затылок' <i>затјевак</i> , * <i>затильак</i> (СМ), <i>потильак</i> (МГ)	22. 'бедро' <i>кук</i>
10. 'волосы на голове' <i>косе</i> , * <i>перчин</i> (<i>раније</i>) (МГ)	23. 'часть ноги от бедра до колена' <i>бедра</i> , * <i>бут</i> (КУ)

¹ Здесь и далее семантика сформулирована в исходной форме, а ответ дается в той форме, в которой слово было употреблено информантом.

Икавский рефлекс ятя в данном случае представляет собой изолированный случай. Для данного говора икавизмы не характерны.

24. 'сустав' *зглоб*, **жглавак* (ЛВ)
 25. 'голеностопный сустав' *зглоб*, **глежањ* (КУ)
 26. 'ладонь' *длан*
 27. 'пригоршня' *прегршит*, *шака* (**прегршит* – не кажу КУ)
 28. 'средний палец' *средњаќ*, **средњи прст* (ЛВ), **средопрст* (МГ)
 29. 'мизинец' *мали прст*
 29а. 'указательный палец' **кажипут* (КУ)
 30. 'плакса' *плачковаст*, **плачко* (МГ)
 31. 'закрыть глаза' *жмурим*, **жмирим* (МГ)
 32. 'шуриться' *шкильим*
 33. 'шепнуть' *шапн^т*, *шапн^т*,
 34. 'слово' *ријеч*, **беседа* (МГ)
 35. 'говорить' *причате*, **говорите*, *беседите* (МГ)
 36. 'рассказывать сказку' *каз^јем*
 37. 'разговаривать' *причат*, **беседити*, *диванити* (МГ)
 38. 'молчать' *ћут^т*, *ћутим*, **шутити* (КУ)
 39. 'кричать от боли' *вришити*, **дречи* (МГ)
 40. 'стонать' *јауче*
 41. 'петь' *пјева*
42. 'песня' *пјесма*
 43. 'смеяться' *смијем се*
 44. 'читать' *читамо*
 45. 'бриться' *брије се*
 46. 'бороться врукопашную' *рви се¹*, **врву се* (МГ)
 47. 'трогать рукой' *дира^т*
 48. 'поймать' *у(х)ватио*
 49. 'ударить' *удари*, **ошине* (МГ)
 50. 'положить' *ставт*, **метнути* (МГ)
 51. 'бросать' *баца*, **ит^{ла}* (КУ)
 52. 'идти' *ићи*
 53. 'пойдем' *ајде*
 54. 'выйти' *изаћ*
 55. 'уйти' *ић*
 56. 'войти' *ућ*
 57. 'спуститься' *сишо*, *сашо*
 58. 'гулять' *шетају*, **шећу* (*раније*) (СМ)
 59. 'бежать' *трчи*, **лети* (МГ)
 60. 'привести' *довест*
 61. 'наклониться' *сагно се*
 62. 'нести' *носи*
 63. 'оставлять' *остављамо*

2. Семья

1. 'семья' *пород^{ца}*, **вамилија* (МГ)
 2. 'фамилия' *презиме*
 3. 'мать' *мајка*, **мат^т* (ЛВ), *нана* (НП)
 4. 'волноваться, беспокоиться' *сикира^т*
 5. 'ребенок' уменьш. *дјетешице*, **дјетенце* (МГ)
 6. 'играть' *игра^т*, *забољат се*
 7. 'дед' *ћед^т*
 8. 'старое время' (*старо*) *вр^јеме*, **стара доба* (МГ)
 9. 'ровесник, сверстник' *парник*, **паросници* (ДВ), *врињаќ* (МГ)
 10. 'брат' *брат*
 11. 'дядя по отцу' *стрици*
 12. 'дядя по матери' *ујак*
 13. 'муж тети' *тета^к*
 14. 'прадед' *пранћед*
 15. 'правнук' *прауна^к*, *праунче*
 16. 'сын брата' *брат^ћ*, **синовац* (МГ)
 17. 'сын сестры' *сестрић*
18. 'дочь сестры' *сестрићка* (МК)
 18а. 'племянник', 'племянница' **нећаќ*, *нећакиња* (СМ)
 19. 'помолвленная девушка, невеста' *заручн^{ца}*, **вјереница* (ЛВ)
 19а. 'невеста в день свадьбы' (лит. млада) **невјеста* (СМ), *цур^{ца}* (МК)
 19б. 'жених' *ћувегија* (МК)
 19в. 'помолвка' **заруке* (СМ), *изведе се цура на јабуку* (МВ)
 20. 'любить' *волим*
 21. 'целовать' *љубе се*; 'прощаться с усопшим (отдавать целование)' *цјелива^еју мртве*
 22. 'просить' *молт*
 23. 'муж' *чојек*, **муж*, *ћувегија* (МГ)
 24. 'жена' *жена*
 25. 'женщина' *женско*, **женска* (МГ)
 26. 'стеречь' *чува^еју*
 27. 'беременная' *трудна*, **теготна* (СМ), *носећа*, *куљава* (МГ)

¹ Форма *рви се* представляет собой изолированный случай (общераспространенное – *рве се*).

28. 'вышла замуж' *удала се*
 29. 'вышла замуж, заключив церковный брак' *вјенчала се*
 30. 'расторгла церковный брак' *развела се, *развишила се (МГ)*
 31. 'чувство, противоположное радости' *жалост*
 32. 'обмануть' *преварит*
 33. 'ложь' *лаж*
 34. 'лгун' *лажац, *лажов, лажљивац (МГ)*
 35. 'ругаются' *сују*
 36. 'свадьба' *свадба, пир, *пиранија (МГ)*
 37. '(сваты) дарят (невесте подарки)' *дарују, даривају*
 38. 'спасибо' *фала*
 39. 'парень' *момак*
 40. 'девушка' *девојка, цура*
 41. 'брат жениха, мужа' *ћевер*
 42. 'жена сына' *сна*
 43. 'свекар' *свекер*
44. 'свекровь' *свекрва*
 45. 'тесть' *старац, *пунац (МГ)*
 46. 'теща' *баба, пунца*
 47. 'жена шурина' **млада пуница (МГ)*
 48. 'сестра мужа' *зава*
 49. 'жена одного из братьев по отношению к жене второго брата' *јетрва*
 50. 'муж одной из сестер по отношению к мужу второй сестры' *пошанци, *пашо, пашианац (МГ)*
 51. 'член семьи' *чельаде*
 52. 'родственник, родственница' *роћак, родца*
 53. 'отец' **ћаћа (КУ)*
 54. 'родители мужа дочери, родители жены сына' *пријатељ (МК)*
 55. 'муж сестры' *зет (МК)*
 56. 'большая семья' *кућанство (МК)*
 57. 'глава семьи' *домаћин (МК)*
 58. 'члены семьи' **чельад (МВ)*

3. Одежда

1. 'одежда' *роба, *одјећа (ЛВ), рубине (МГ), одијело (МВ)*
 1а. 'нижнее белье' **рубине (ЛВ), одјело – капут и хлаче (СМ)*
 2. 'старая (одежда)' *старо*
 3. 'рубашка' *кошуља, *рубина (ранее) (КУ)*
 4. 'пуговица' *дугме, *пулија (СМ), седепић (МК), седепче (МВ), пуцад – 'пуговицы' (МВ)*
 5. 'шов' *шитак*
 6. 'штаны' *лаче, панталоне (МК)*
 7. 'ремень' *каши, *појас (МК), узице (НП)*
 8. 'застежка' *бабац и бабца, *ковча, брукерих (ранее) (МГ)*
 9. 'носок' *чарапа, чарапак (вунени), приглавек*
10. 'снять (носок)' *скинла*
 11. 'туфля' *ципеља, *кундура (раније) (МГ)*
 12. 'снять обувь' *изут*
 13. 'подошва' *ћон, *ледер (МК)*
 14. 'тапочки' *папуче*
 15. 'юбка' *сукња, *вистан (прије)*
 16. 'хорошо села (об одежде)' *прил'јепо, *пријонило (МГ)*
 17. 'фартук' *вертун, *прегача, кецельа (ЛВ), фертун (МГ), тканце (у ношњи) (НП)*
 18. 'карман' *џеп*
 19. 'полоскать белье' *препрат*
 20. 'платок' **рубац (СМ), марама (КУ)*

4. Дом

1. 'дом' *кућа*
 2. 'домик' *кућца*
 3. 'дома' *кот куће*
 4. 'домой' *кућ*
 5. 'двор' *двориште, *авлија – што се затвара (ЛВ), окућница (МГ)*
6. 'забор' *ограда, *плот (МГ)*
 7. 'стена' *зид, дувар (ранее)*
 8. 'угол (дома)' *ћошак*
 9. 'угол в комнате' *ћошак*
 10. 'конек крыши' *шљеме*
 11. 'стреха' *стрева, *настрешница (МГ)*

12. 'черепица' *цр^ијеп*
13. 'пространство под навесом (стрехой)' *гања^к, *настрешница (МГ)*
14. 'порог' *праг*
15. 'открывать' *отварат*
16. 'окно' *прозор, *пенџер (раније) (МГ)*
17. 'класть' *лож^т*
18. 'огонь' *ватра*
19. 'полено' *цјеп^аница, *дрва за шпорет (ЛВ, КУ), цјепенце, облић (КУ), ћута 'круглое полено' (СМ)*
20. 'железное приспособление для перемешивания топлива в печи' *маш^ице, *маша (НП)*
21. 'железо' *жельезо*
22. 'угли' *жера*
23. 'пепел, зола' *луг^к, *непо (СМ), лукиџа (МВ)*
24. 'искра' *жера, *варнице (ЛВ), жишка (СМ)*
25. 'дымоход' *димњак*
26. 'сажа, нагар' *гара, *чаћ (ЛВ), гареж (СМ)*
27. 'чердак' *таван*
28. 'лестница приставная' *басамаке, *мездревине (прије), сад басамаке или лотре (МГ), скале (МК)*
29. 'кровать' *кревет*
30. 'простынь' *плата, *чаршав (ЛВ)*
31. 'подушка' *јастук, поглавач (старо) 'одеяло, покрывало' биљ, поњава (од крпа), *дека, јорган (ЛВ)*
32. 'колыбель' **бешика (ЛВ), колијевка (старо) (СМ)*
33. 'мусор' *смеће, *ћубре (ЛВ), буњиште (СМ)*
34. 'трясти, вытряхивать' *трест*
35. 'стол' *сто, астал, *сопра (раније) (МГ)*
36. 'лавка' *клуца*
37. 'веревка' *конопац (куповни), уже (жене су га плеле), *уже се плело, конопац се правио од конопље и лана (МГ)*
38. 'бутылка' *флаша, *срча (КУ), срча (прије) (МГ)*
39. 'стакан' *чаши*
40. 'воронка' *лијевек*
41. 'бочка' *бачва за воду, буре за ракију, *бачва за шљиве (ЛВ), буре дрвено, бачва пластична (КУ), ардов (МВ)*
42. 'подвал' *подрум*
43. 'хлев' *кошара, (нов. штала), *штала (коњи, краве) (КУ), појата (ДВ)*
44. 'конюшня' *коњуш^ица*
45. 'свинарник' *свињец, *свињац (ЛВ)*
46. 'щепа' *овришак, ивер, *треске (СМ)*
47. 'известка' *креч*
48. 'работать' *ради*
49. 'сделать' *урад^т, учин^т*
50. 'хорошо, годится' *ваља*
51. 'на улице' *ван^и, *напољу (МГ)*
52. '(выйти) на улицу' *надвор (старо), ван^и (ново), *изишли смо пред куће, у њиву (КУ)*
53. 'мешок' **врећа, џак (СМ), врећа већа, џак од тањег материјала, за брашно (ЉМ)*
54. 'ковер' **поњава (ранее, тряпочный ковер), (сейчас) тетих (МГ)*
55. 'сковорода' **тава (МВ)*

5. Еда и приготовление пищи

1. 'ведро для воды' *котлуша, *брема, маса (ЛВ), лампер (КУ), вучија (МГ)*
2. 'кухня' *кух^иња, куф^иња (ранее), кућа (более старое слово, чем куф^иња)*
3. 'горшок, кастрюля' *лонац*
4. 'пить' *пијем*
5. 'пьяный' *пјан, пјана^иц*
6. 'мука' *брашно*
7. 'каша из кукурузной муки, палента' *пура*
8. 'рис' *риџа*
9. 'миска, глубокая тарелка' *здјела*
10. 'ложка' *каш^ика, жлица (ранее), 'ложечка' *жлика (ЛВ)*
11. 'тарелка' *тањир*
12. 'посуда' *суђе, *посуђе (ЛВ)*
13. 'то, что добавляют в тесто, чтобы оно подошло (дрожжи)' *герма, *квасац (ЛВ)*
Доп. 'замесить тесто' **укувам, умјесим т^ијесто (ЛВ)*
14. 'сито' а) *сито*, 'утварь для просеивания зерна' б) *врешето*
15. 'деревянная посуда для замешивания теста' *нађе*

16. 'жарить на масле или жире' *пећи*,
*печем јаја у тави (СМ), пржити (ЈМ)
17. 'хлеб' *кру*, *љеб (КУ)
18. '(ветка) срезана' *осјечена*
19. 'кусок (хлеба)' *комад*, *инита, *окрајак*,
крижа (МК)
20. 'разрезать' *расећ*, *одрежи, *одсјеци на*
парчад (ЛазВ), *изрежемо стабло*, *сијечемо*
крух (СМ), *сјећи*, *крижати* (ЈМ)
17. 'хлеб' *кру*, *љеб (КУ)
18. '(ветка) срезана' *осјечена*
19. 'кусок (хлеба)' *комад*, *инита, *окрајак*,
крижа (МК)
20. 'разрезать' *расећ*, *одрежи, *одсјеци на*
парчад (ЛазВ), *изрежемо стабло*, *сијечемо*
крух (СМ), *сјећи*, *крижати* (ЈМ)
21. 'говядина' *гове^адна*
22. 'свинина' *свињетна*
23. 'кипеть' *кључа^ет*, *врет*
24. 'свиной жир' *маст бијели мрс – сир и*
кајмек, *црни мрс – свињетна*, *браветна*
(овчије)
25. 'выжать' *исцјед^ат*
26. 'колбаса' *кобасца*
27. 'снять кожуру, очистить (картошку)'
огулт, *гулимо *кромпир* (ЛВ), *гуља* (ЛВ)
28. '(суп) варится' *кува се*, *кад *се свари*,
то *једеш* (КУ), *узварила је вода* (СМ),
варимо пуру (МВ), *варим у води*, *сварила*
гра (ЈМ)
29. 'сахар' *шећер*
30. 'горький' *гора^ек*, *грк*
31. 'уксус' *сирће*
32. 'растительное масло' *уље*, *зејтен*
(старије)
33. 'сыпать' *сипат*
34. 'доливать' *дол^ајевет*
35. 'пролить' *проспе*
36. 'завтрак' *доруча^ек*
37. 'обед' *руча^ек*
38. 'голод' *глад* (ж. р.)
39. 'голодный' *гладен*
40. 'шкварки' **жмаре* (СМ),
'плесень' **убуђо се кру* (СМ), *плијесан*,
буђ (ЈМ)
41. 'помещение, где изготавливаются
молочные продукты' **стан* (МВ)

6. Земледелие и переработка зерна

1. 'луг' *ливада*, *поље*, *поткућница* (то,
что окружает дом) (КУ), *окошна* (СМ),
кошња (МК)
2. 'пологий (о дороге)' *рава^ен*
3. 'брусница' *вод^ајер*
4. 'острие плуга' *лемеш*
5. 'межевой камень' *међаш*
6. 'пшеница' *шеница*
7. 'колос' *клас*
8. 'ячмень' *јечам*
9. 'рожь' *раж^а*
10. 'овес' *зоб*
11. 'ость' *ошље*
12. 'зерновая культура, из которой
изготавливается палента' *куруз*
13. 'рыхлить кукурузу' *окопават*
14. 'кукурузный початок' *клип*
15. 'вылущенный кукурузный початок'
курзовна
16. 'листья от кукурузного початка'
перушна
17. 'стебель кукурузы' *курзовна*
18. клевер' *ђетолна*
19. 'кол, который устанавливают посреди
гумна' *стожер*
20. 'грабли' *грабље*
21. 'борона' *брнача*
22. 'вилы' *виле*
23. 'жатва' *жетва*
24. 'водяная мельница' **млин*,
воденица (ЛВ)
25. 'злаки' **жито* (СМ), *кукуруз није*
жито (МК)
26. 'дело, работа' *посо*

7. Домашние животные

1. 'ястреб' *јастр^нјѐб*
2. 'дятел' *дјетлић*
3. 'аист' *рода*
4. 'ждрал' *ждрал*
5. 'ласточка' *ласта*
6. 'воробей' *враба^ец*
7. *'кукушка' *пјевел^нца (КУ)*
8. 'куропатка' *јереб^нца*
9. 'сойка' *креја*
10. 'ворон' *гавран*
11. 'звук, издаваемый вороном' *грокти*
12. 'крыло' *крило*
13. 'курица' *кокош*
14. 'наседка' *кочка*
15. 'петух' *пјето*
16. 'маленький петух' *пјетлић*
17. 'петушиный гребешок' *капа, *увор (СМ)*
18. 'цыпленок' *пиле*
19. 'индюшка' *ћурка*
Доп. 'утка' *патка*, 'гусь' *гуска*
20. 'кудахтать' *какоће*
Доп. 'кукарекать' *кукуруиче (пјева), *кокодаће (СМ); патка гаче (СМ)*
21. 'желток' *жванце*
22. 'белок' *бјеланце*
23. 'подзывать птицу' *ваб^нт*

9. Дикie животные

1. 'волк' *вук*
2. 'охотник' *лова^ец*
3. 'медведица' *међед^нца*
4. 'крыса' *штакор, *ставор, пацов (ЛВ), стаор (МВ)*
5. 'летучая мышь' *слијени миш*
6. 'крот' *крт^нна*
7. 'черепаха' *жаба, корњача*
8. 'ящерица' *гуштер, зелембаћ*
9. 'дождевой червь' *бурњак*
10. 'змея' *змија*
11. 'глиста' *гујан^нца, *глиста (МК)*
12. 'улитка' *спуж*
13. 'оса' *ос*
14. 'пчела умерла' (пчела) *умрла*
15. 'улей' *трнка (плетена), сандук (сад)*
16. 'жало' *жав^нца*
17. 'светлячок' *свјетњак*
18. 'клоп' *стјен^нца*
19. 'бабочка' *лептир*
20. 'комар' *комарац*
21. 'моль' *жуга*

10. Деревья и фрукты

1. 'лес' *шума*
2. 'корень' *жиле, кор^нјен*
3. 'ствол' *стабло, *стабло, дебло (ЛВ)*
4. 'пихта' *јел^нка*
5. 'ель' *смрека*
6. 'дуб' *раст*
7. 'тополь' *топола*
8. 'акация' *багрем*
9. 'ива белая' *врба*
10. 'ива прямоствольная' *рак^нта*
11. 'бузина' *зова*
12. 'гриб' *гљива (мала), печурка (велика)*
13. 'куст' *жбун, *грм (ЛВ)*
14. 'прутья' *пруће*
15. 'айва' *дуња*
17. 'абрикос' *кајсија*
18. 'тутовник' *дуд^н*
19. 'маслина' *масл^нна*
21. 'смоква' *смоква*
22. 'плодовая косточка' *шпица*
23. 'желудь' *жир*
24. 'виноградная лоза' *лоза*
25. 'фруктовое дерево' *воћка*
26. 'сад' *воћњак*
27. 'срывать плоды' *брати*

11. Овоци и цвети

1. 'огород' *баишча*
2. 'капуста' *кунус*
Доп. *зеље Sm самоникло зеље, блитва није зеље, *зеље само расте, трава, није јестиво (КУ)*
3. 'фасоль' *гра*
4. 'стручок' *мауна*
5. 'морковь' *мрква*
Доп. 'свекла' **цвекла (ЛВ), цикла (КУ)*
6. 'помидор' *парадајз*
7. 'картофель' *ришак*
8. 'шпинат' *шпинат*
9. 'редька' *роква*, 'редиска' *роквица*
10. 'репчатый лук' *црвени лук, *црни лук (КУ)*
11. 'чеснок' *б'јели лук*
12. 'огурец' *красавац*
13. 'петрушка' *першун*
14. 'черный перец' *бибер*
15. 'зелень' *зелен*
16. 'арбуз' *лубен'ца, *бостан (КУ)*
17. 'базилик' *босиља'к*
18. 'роза' *ружа*
19. 'пахнуть' *миришала*
20. 'гвоздика' *каранфил*
21. 'фиалка' *љубичица*
22. 'венок' *вјенчић*
23. 'крапива' *коприва*
24. 'засуха' *шуша*
25. 'табак' *дуван*

12. Ремесла

1. 'гвоздь' *чаво (само за коње), ексер (за остало)*
2. 'пила' *тестера, *жага (КУ)*
3. 'ржавчина' *рђа*
4. 'обручальное кольцо' *вит'ца*
5. 'уничтожить (посевы, о засухе)' *сатаре*
6. 'ткацкий станок' *натра*
7. 'ножницы' *нож'це*
8. 'вдеть (нитку в иголку)' *уд'т*
9. 'сеть' *мрежа*

13. Природа

1. 'холм' *брдо (веће), *бријег'к (мањи) (ЛВ)*
2. 'гора' *гора, *планина (ЛВ)*
3. 'холмик' *брдашце*
4. 'дорога' *пут, цеста, честа, *друм – пут (КУ)*
5. 'луг' *поље, ливада*
6. 'конец' *крај*
7. 'источник' *извор, *врело (МК)*
8. 'бревно, переброшенное через реку' *шљеја*
9. 'мост' *мост, *ћуприја (старији су говорили) (КУ)*
10. 'лодка' *чамац*
11. 'корабль' *брод*
12. 'плавать (о рыбах)' *пливају*
14. 'глубокое место в реке, в озере, омут' *вир*
15. 'брод' –
16. 'остров' *острво*
17. 'песок' *п'јесак*
18. 'волна' *талас, *валови (СМ)*
19. 'дует (о ветре)' *дува, *пири (ЛВ)*
20. 'молния' *муња*
21. 'темнота, мрак' *мрак*
22. 'иней' *иње*
23. 'дождь' *киша*
24. 'идет (о дожде)' *пада, зор лијева*
25. 'лужа' *локва, *бара (је друго) – већа количина воде (КУ)*
26. 'промокнуть' *покисо*

27. 'санки' *санца*
28. 'катится на санках' *клиже*
29. 'погода' *вријеме*
30. 'длина' *дужина*
31. 'час' *сат*
32. 'неделя' *седмица, *јефта (СМ)*
33. названия дней недели: *понедељек, уторек, срџеда, четвртак, петаек, субота, недља*
34. 'луч света' *ждрака*
35. 'луна' *мјесец*
36. 'полнолуние' *уштон, *уштан*
'новолуние' (СМ), 'половина
месяца' (МК)

37. 'год' *годна*
38. названия месяцев: *јановар, фебровар, март, април, мај, јуни, јули, август, септембар, октомбар, новембар, децембар*
39. 'ранне утро' *зора*
40. 'полдень' *подне*
41. 'полночь' *поноћ*
42. названия времен года: *јесен, прољеће, лето, зима*
43. 'холодный (о воде)' *ледена вода*

14. Общественная жизнь

1. 'город' *град*
2. 'село' *село*
3. 'учитель' *учитељ*
4. 'учительница' *учитељџа*
5. 'госпожа' *госпоја*
6. 'ученик' *ћак*
7. 'рынок' *трзница (поврће), пијаца (стока), *плац (МК)*
8. 'ярмарка' *ваиор (око празника црквена)*
9. 'деньги' *паре, *пара (КУ)*
10. 'зарплата' *плата*
11. 'лекарство' *лџек*
12. 'туберкулез' *шушџа*
13. 'полотенце' *ручник, пешикир*
14. 'брадобрей' *бријач, *брицо (КУ)*
15. 'трус' *плашљивец*
16. 'флаг' *застава, барјак (на свадьбе)*
17. 'вдовец' *удовац*
18. 'болтун' *трља (превише прича)*
19. 'лентяй' *љенчина*
20. 'сосед' *комиџа, 'соседка' комишџа*
21. 'вор' *ајдук*
22. 'подарок' *милошту дарујемо, *поклон (ЛВ)*
23. 'надеяться' *надам се*
24. 'письмо' *писмо*
25. 'одолжить' **позајмити (СМ)*
26. 'судья' **судија (СМ)*

Дальнейший сбор лексического материала различных сербских говоров позволит выделить общую и дифференциальную части в сербском диалектном лексическом фонде, а также картографировать дифференциальные лексемы, что планируется сделать в последующих публикациях.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

- Душанка Вукојевић 1958 г.р. (ДВ)
 Ковилька Удовчић 1946 г.р. (КУ)
 Лазарка Вуковић 1955 г.р. (ЛВ)
 Љиљана Милојевић 1966 г.р. (ЉМ)
 Мара Глувић 1943 г.р. (МГ)
 Миломирка Вуклишевић 1935 г.р. (МВ)
 Милош Кнежевић 1932 г.р. (МК)
 Нада Плавшић 1946 г.р. (НП)
 Сока Милекић 1948 г.р. (СМ)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Ivić P. Српскохрватски дијалекти. Њихова структура и развој. Целокупна дела. Т. III. Сремски Карловци; Нови Сад, 1994. 319 с. / Ivić P. (1994) Serbian-Croatian Dialects: The Structure and Development. Sremski Karlovci; Novi Sad. 319 p.

Okuka M. Srpski dijalekti. Zagreb, 2008. 320 s. / Okuka M. (2008) Srpski dijalekti. Zagreb. 320 s.

Сведения об авторе:

Екатерина Ивановна Якушкина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina I. Yakushkina,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
jkatia@yandex.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

А.Н. Косарева (Москва, Россия)

**Лингвокультурный анализ киноперевода
фразеологических единиц с английского на русский
и французский языки на примере телесериала «Аббатство Даунтон»**

Аннотация: В связи с бурным развитием международных средств массовой информации, появлением в России огромного количества сериалов и фильмов зарубежного производства аудиовизуальный перевод стал одним из приоритетных направлений исследования. Наличие нескольких семиотических уровней в аудиовизуальном тексте делает аудиовизуальный перевод не только самым трудным видом перевода, но и самой перспективной областью переводоведения. Данная работа направлена на описание, сравнение и критический анализ вариантов аудиовизуального перевода фразеологизмов в британском телесериале «Аббатство Даунтон» с английского языка на русский и французский. В ходе работы была описана структурная специфика и эмоциональная насыщенность фразеологизмов и рассмотрены основные способы их перевода в аудиовизуальном тексте. Делается вывод о богатстве идиоматики трех представленных языков.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, семиотика кино, перевод фразеологизмов

A.N. Kosareva (Moscow, Russia)

**Linguocultural Aspect of Phraseological Units' Translation
from English into Russian and French in the TV Series "Downton Abbey"**

Abstract: Due to the rapid development of international media and a huge number of series and films of foreign production that appeared in Russia, the audiovisual translation has become one of the research priorities. Several semiotic levels that exist in an audiovisual text make audiovisual translation not only one of the most difficult type, but also the most promising field of translation studies. This work is aimed at describing, comparing and critically analyzing the options for audiovisual translation of phraseological units in the British TV series "Downton Abbey" from English into Russian and French. The work contains the description of the structural specificity and emotional richness of phraseological units and the main ways of their translation in the audiovisual text. The conclusion of the paper evaluates the wealth of idioms of the three languages presented.

Key words: audiovisual translation, film semiotics, translation of phraseological units

В эпоху глобализации кино распространяется на широкую аудиторию, давая возможность познавать различные видения мира, реалии, ценности и образ жизни. Вместе с тем кино может быть зеркалом общества и ситуации в мире в целом. По мнению семиотика Ю.М. Лотмана, в языке кино тот или иной объект становится носителем значений, которые помогают зрителю понять не только то, что хотел сказать автор фильма, но и то, какими средствами он это сделал¹. Следовательно, кино является культурной и семиотической системами. Любой фильм насыщен знаками, которые создаются и упорядочиваются его автором и адресуются зрителю; а это означает, что кино обладает еще и коммуникативной функцией.

Понятие аудиовизуального перевода подразумевает особый вид переводческой деятельности, специфика которого заключается в передаче содержания через слуховой и зрительный каналы и различные виды кодов, синхронизированные с тем, что изображено на экране². Этот вид перевода нельзя отнести ни к устному, ни к письменному – он находится «между» двумя этими уровнями перевода. Объектом аудиовизуального перевода является кинотекст.

По мнению руководителя Школы аудиовизуального перевода А.В. Козуляева, процесс аудиовизуального перевода идет кардинально вразрез с простым семантическим перекодированием смыслов, так как аудиовизуальное произведение полисеманлично по своей сути и требует знания разнообразных стратегий семантического анализа и синтеза, учитывающего объемы информации, которая поступает по разным каналам восприятия³.

В рамках статьи был выполнен анализ перевода 26 фразеологизмов первых двух серий 1 сезона телесериала «Аббатство Даунтон». Выбор материала исследования был обусловлен большой популярностью сериала и наличием его адаптаций на русский и французский языки высокого качества, а также доступностью скриптов. В 2011 г. сериал «Аббатство Даунтон» вошел в книгу рекордов Гиннеса как «самый обсуждаемый критиками телесериал».

Действие разворачивается в начале XX в. в Англии, в центре – семейство графа Грэнтэма, члены которого ведут борьбу за наследство. В 2011 г. сериал получил 11 номинаций на премию «Эмми» и награды в четырех из них. «Аббатство Даунтон» стал самой успешной драмой на британском телевидении за последние 30 лет.

Персонажи сериала знакомят нас с языком высшего общества, который очень богат за счет использования в нем разнообразных стилистических выразительных средств. В отличие от низших слоев общества, где также используют эти приемы, в речи высшего сословия эти лексические единицы часто «книжные», поэтому они изящнее и интереснее. Отдельно следует упомянуть тонкую иронию, которая считается отличительной чертой англичан вообще, но по большей части характерна для высшего класса.

Встретившиеся в сериале фразеологизмы мы разбили на 4 категории в соответствии с классификацией фразеологических единиц Виноградова⁴. Среди этих фразеологических единиц были найдены 9 фразеологических сочетаний, 8 фразеологических единств, 6 фразеологических сращений и 3 фразеологических выражения. На диаграмме визуально покажем все группы в процентном соотношении.

¹ Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973. С. 28

² Довольнова А.А., Самарин А.В. Киноперевод как особый тип аудиовизуального перевода // Студенческий форум: электрон. научн. журн. 2018. № 11(32).

³ Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности // XVII Царскосельские чтения: Материалы междунар. науч. конф. Т. 1. СПб., 2013. С. 374–381.

⁴ Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140.

Стоит заметить, что среди общего числа фразеологизмов (26) лишь при переводе 8 из них и в русском, и во французском языках были применены какие-либо переводческие трансформации. В большинстве случаев использовался объяснительный перевод или фразеологизм вовсе был опущен.

Было обнаружено лишь 4 фразеологизма, при переводе которых применялись переводческие трансформации как в русском, так и во французском языках.

Во-первых, фразеологическое сращение «to get your foot in the door» в реплике *Then be sure to get your foot in the door when Bates is gone*. Оно может переводиться как «начинать карьеру, закрепиться на рабочем месте, приобретать опыт». В русском варианте телесериала имеем такой перевод: *Тогда, не зевай, когда Бейтс уйдет отсюда*. Здесь использовано слово «зевать» в значении «упускать благоприятный случай», что является просторечием, разговорным словом. Во французском варианте перевод следующий: *Quand Bates sera parti, ne laisse pas passer ta chance*. Выделенное выражение переводится на русский как «не упусти возможность», его можно отнести к фразеологическому сочетанию, так как в пословном значении оно бы означало «не дай возможности уйти», что звучит некорректно.

Во-вторых, для перевода фразеологического выражения в предложении *And... one swallow doesn't make a summer* и в русском, и во французском языках был найден полный аналог: *И... одна ласточка весны не делает, Et une hirondelle ne fait pas le printemps*. Так говорят, когда первые признаки еще не являются проявлениями нового качества, не имеют решающего значения. Обратим внимание, что в русском и французском варианте используется слово «весна», тогда как в английском – лето. Происхождением выражение обязано басне древнегреческого баснописца Эзопа (VII–VI вв. до н. э.) «Юноша и Ласточка», рассказывающей о молодом человеке, который продал теплый плащ, поверив прилету ласточки как предвестницы весны. Но пришли холода, ласточка погибла, и юноша понял свою оплошность.

В-третьих, не обошлось без интересных переводческих решений и фразеологическое сочетание в следующем предложении: *Don't push your luck, Thomas*. Оно переводится и как «хотеть слишком многого», и как «искушать судьбу». По контексту понятно, что в сериале нужен второй вариант перевода. Рассмотрим, как выполнили перевод аудиовизуальные переводчики. В русском переводе мы обна-

ружили такой вариант: *He зарывайся, Томас*. Это еще один случай, когда фразеологизм переводят разговорным словом. Во французском переводе: *Ne tentez pas le destin Thomas*. Здесь ярко не выражен разговорный компонент, однако коллокация «не испытывай судьбу» передана максимально точно.

И, наконец, четвертый пример находим в предложении *Putting on airs and graces I've no right to?* В русском переводе этого фразеологического единства снова было выбрано разговорное слово: *Считаете, что я важничая без оснований?* Таков стандартный вариант перевода этого фразеологизма. Еще в словаре предлагается его синоним «манерничать». А во французском использован фразеологический перевод: *Me donner des airs dignes en ai-je le droit?* Он означает «принять важный вид» и в данном случае немного видоизменен: обычно для него употребление с существительным *air digne* в единственном числе и с глаголом *prendre* вместо *donner*.

Рассмотрим теперь примеры каждого вида фразеологизмов в отдельности.

§1. ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ

Самая многочисленная группа фразеологизмов – фразеологические сочетания (34,6%). Из 9 фразеологических сочетаний на русский с помощью каких-либо трансформаций были переведены 3 единицы, на французский – 2. Рассмотрим некоторые из них.

I ate my way through four platefuls of sandwiches at one sitting – and slept round the clock. В русском переводе имеем то же самое сочетание, полноценный аналог оригинала: *Я съела четыре блюда сэндвичей в один присест и спала круглые сутки*. Но во французском переводе фразеологизм не получил своего отражения: *J'ai mangé quatre plats de sandwiches et et dormi toute la journée*. В данном случае использовано словосочетание «целый день».

He threatened... to expose my past, to make me a laughing stock in this house. В русском переводе был найден полный эквивалент: *Он угрожал рассказать о моем прошлом, сделать меня посмешищем в этом доме*. Во французском смысл этой коллокации был передан глаголом «se ridiculiser», который переводится как «выглядеть смешно, быть посмешищем»: *Il a menacé de dévoiler mon passé pour me ridiculiser à vos yeux*. Оба перевода получились точными, хотя и с использованием разных частей речи.

Другим примером может послужить известное фразеологическое сочетание в предложении: *Could you give us a hand?* Вместо глагола *give* иногда употребляется *lend* с тем же значением. Но и в русском, и во французском переводах не удалось сохранить фразеологичность перевода в силу отсутствия эквивалента: *Вы нам не можете?* *Vous nous aidez ?* Тем не менее это не повлияло на передачу смысла.

Объясняя причину своей хромоты, мистер Бэйтс говорит: «*After I left the army, I had a spot of bother*». Данное фразеологическое сочетание обычно переводится как «неприятности, проблемы, затруднительное положение». Перевод на русский получился более конкретным: *После демобилизации я долго болел*. А смысл фразы, переведенной на французский, становится понятен только по контексту: *Après l'armée, j'ai rencontré un problème*. И далее персонаж объясняет, что с ним произошло.

If you'd given me the chance, I'd have taken him like a shot. Обратим внимание на фразеологическое сочетание «like a shot». Оно означает «не раздумывая, немедленно». Посмотрим, как аудиовизуальные переводчики его перевели на русский и французский языки. *Если бы ты дала мне шанс, я бы сделала это не задумы-*

ваясь – такой перевод вполне удачен, так как в русском языке нет часто употребляемого фразеологизма с таким значением. Во французском имеем следующее: *Si j'avais eu une chance, je n'aurais pas hésité*. Вторая часть реплики переводится на русский как «я бы не колебалась», что полностью выражает идею оригинала.

Cora, don't let Mary make a fool of herself – выделенный фразеологизм переводится как «ставить в глупое положение» (самый нейтральный вариант). На русском языке реплика звучит так: *Кора, не позволяй Мэри выставить себя душой*. Как мы видим, смысл фразеологизма передан четко, но использована сниженная лексика. А во французском имеем нейтральный вариант с глаголом «se ridiculiser», который переводится как «выглядеть смешно, быть посмешищем»: *Ne laissez pas Mary se ridiculiser*. Этот глагол уже употреблялся при переводе фразеологического сочетания «laughing stock», рассмотренного выше.

§2. ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ

Следующая группа фразеологизмов – фразеологические единства (30,8 %). Из 8 фразеологических единств на русский с помощью каких-либо трансформаций были переведены 2 единицы, на французский – 3. Остановимся подробнее на некоторых примерах:

Первое фразеологическое единство, которое мы рассмотрим, широко употребляющееся в разговорной речи *I'll get the hang of it*. В русском языке дан объяснительный перевод: *Я разберусь с этим*. Это один из самых популярных вариантов перевода наряду с «набить руку, приобрести навык, уловить суть». А во французском варианте употреблен фразеологизм «prendre le coup», аналогичный по значению с вышеприведенным английским, хоть и не настолько популярный (во многих словарях его нет): *Je prendrai le coup*.

Следующее интересное фразеологическое единство встретилось в предложении: *Even Mr. Carson wasn't born standing to attention*. В русском переводе хорошо удалось передать его суть: *Даже мистер Карсон не всегда ходил навтыяжку*. Также удачным переводом было бы «стоять по стойке “смирно”», «руки по швам». Во французском языке фразеологизм опущен, и перевод был бы непонятен без контекста употребления: *Même M. Carson n'est pas né comme ça*.

I'll keep an eye out – в русском варианте был опущен фразеологический перевод за неимением подходящего эквивалента, получилась следующая фраза, которая все равно передает смысл: *Я присмотрю за ним*. В словаре предлагаются и другие переводы: «наблюдать, следить, быть на чеку», однако для перевода сериала был выбран самый удачный вариант. Во французском языке был найден соответствующий фразеологизм «faire attention»: *Je ferai attention*. На русский язык он переводится как «быть внимательным, осторожным, следить».

But I'm afraid the good doctor and I did not see eye to eye – это фразеологизм широкого употребления в англоязычной среде, имеет множество вариантов перевода на русский и французский языки, но переводчики сериала «Аббатство Даунтон» выбрали нейтральный вариант: *Только боюсь, что у нас с вашим доктором совершенно разные взгляды; Mais je crains que le docteur et moi ayons nos divergences*. Во французском языке смысл передан словом «разногласия, расхождение во взглядах».

Don't come all high and mighty with me – это фразеологическое единство может переводиться как «держаться высокомерно, заносчиво, властно; смотреть на других с высоты своего величия». Оно может употребляться с глаголами to be, to act или с артиклем the, что будет переводиться как «великие мира сего». Итак,

посмотрим скрипт русского и французского сериалов. Оттенок высокомерности и заносчивости, являющийся главным смыслом этого фразеологического единства, не находит выражения в русском и французском переводе, если брать их отдельно от контекста: *Только вот этого не надо. Не со мной; Ne jouez pas à ça*. Очевидно, что эти словосочетания могут иметь разные значения в разных контекстах.

If you think you're tucking me away somewhere you've got another think coming – это фразеологическое единство со значением «ты не прав, держи карман шире, подумай еще раз» основано на игре слов и имеет такую структуру «If you think that... you have another think / thing coming». В русском варианте фразеологический перевод отсутствует, есть лишь разговорное выражение «ничего не выйдет»: *Если думаете, что сможете завести меня куда-то, – ничего не выйдет*. Похожий смысл присутствует также и во французском варианте, однако он не выражен фразеологически: *Vous voulez me promener en attendant d'avoir une idée*.

I wish they'd make their minds up. Традиционно выделенное фразеологическое единство переводится как «решиться, настроиться». В русском переводе имеем: *Лучше бы они решили поскорее*. Добавлено обстоятельство «поскорее», этим компенсируется отсутствие фразеологического перевода. Во французском переводе также отсутствует фразеологичность, хотя смысл передан: *J'espère qu'ils ont trouvé une solution*. Переводчик использовал словосочетание «trouver une solution» – «найти решение».

§3. ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СРАЩЕНИЙ

Третья группа фразеологизмов – фразеологические сращения (23,1%). Из 6 фразеологических сращений на русский с помощью переводческих трансформаций была переведена 1 единица, на французский – 2. Проанализируем следующие примеры.

You're sailing perilously close to the wind, O'Brien – эта идиома традиционно переводится как «действовать на грани дозволенного, идти по скользкому пути». В русском переводе сериала мы встречаем следующее: *Будьте осторожны, О'Брайан*. Перевод не совсем отражает оригинал, так как в оригинале нет совета или пожелания, а лишь констатация факта – опасного положения. Во французском переводе эта мысль отражена гораздо удачнее с помощью фразеологизма «играть с огнем»: *Vous jouez avec le feu O'Brien*.

Говоря о потенциальном наследнике Аббатства, Вайолет, вдовствующая графиня Грэнтэм, произносит следующее: *I didn't run Downton for 30 years to see it go, lock, stock and barrel, to a stranger from God knows where*. Фразеологическое сращение «lock, stock and barrel» добавляет реплике эмоциональности и обычно переводится «все полностью, целиком». В русском варианте имеем такой перевод: *Я не для того управляла поместьем 30 лет, чтобы сейчас все это ушло неизвестно кому*. Фразеологичность перевода теряется, но на смысл это не влияет. Проанализируем французский перевод: *Je n'ai pas dirigé Downton pendant 30 ans pour le voir tomber dans l'escarcelle d'un étranger venu d'on ne sait où*. Вышеупомянутый фразеологизм тоже не получил отражения в переводе, однако более развернуто передана вторая часть реплики, если переводить дословно: вместо «все это ушло неизвестно кому» имеем «все это упало в кошелек незнакомца, который явился неизвестно откуда».

Let's not gild the lily, dear. В словарях найдем перевод этого фразеологического сращения «стараться украсить что-либо и без того достаточно хорошее». В русском и французском переводах опущена фразеологическая составляющая, и без контекста невозможно понять смысл реплики: *Это ни к чему, дорогая; N'en fais*

pas trop. Возможно, такие варианты перевода были выбраны, чтобы сделать реплику одинаковой с оригиналом по длине.

If his Grace doesn't like it, he can lump it. В этой реплике использована известная идиома «like it or lump it», ее смысл заключается в следующем: «хочешь не хочешь, но сделать придется». Оригинальная реплика останется непонятной, если рассматривать ее отдельно от контекста. Но в русском переводе, где не был использован фразеологизм, смысл понятен и без контекста: *Если Его Светлость будет недоволен, может идти нешком*. Французский перевод получился следующим: *Et si ça ne plaît pas au duc, il n'aura qu'à faire avec*. На русский язык можно перевести так: «Если герцогу это не нравится, не надо иметь с ним дело», – значит, и смысл передан, и присутствует фразеологический перевод.

The day is coming when your lot will have to tow the line – just like the rest of us! «To tow the line» переводится как «подчиняться требованиям». В русском языке перевод получился более общим: *Придет день, когда такие, как вы, ничем не будете отличаться от нас*. В данном переводе нет указания на то, в чем не будет отличий у людей разного социального положения. Рассмотрим французский вариант: *Vous aussi un jour vous recevrez des ordres*. Реплика получилась более сжатой, и фразеологическое сращение перевели как «вы будете получать приказы».

§4. ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ

Последняя группа фразеологизмов – фразеологические выражения (11,5%). Из 3 фразеологических выражений на русский с помощью переводческих трансформаций были переведены 2 единицы, на французский – 1. Одно фразеологическое выражение в предложении *And... one swallow doesn't make a summer* мы уже рассмотрели ранее, когда описывали фразеологизмы, при переводе которых использовались переводческие трансформации как в русском, так и во французском языках. Остановимся на двух других.

Every mountain is unclimbable until someone climbs it. So every ship is unsinkable until it sinks – это выражение звучит в самом начале первой серии, когда приходит известие о том, что прямые наследники титула и поместья по мужской линии – кузен и племянник Роберта – стали жертвами крушения «Титаника». Благодаря сериалу выражение стало «крылатым». Посмотрим его переводы в русскоязычном сериале: *Гора непреступна, пока ее не покорят. Так же и любой корабль непотопляем, пока не потонет*. А вот его перевод на французский: *Une montagne est vierge jusqu'à ce qu'on l'escalade. Ainsi, un bateau est insubmersible jusqu'à ce qu'il ne coule*. Видим неточность в конце французского предложения: «...корабль непотопляем, пока не потечет».

But then again, it's an ill wind... В реплике героя сериала опущено продолжение фразеологического выражения, которое целиком звучит так: *It's an ill wind that blows no one any good*. Вероятно, продолжение отсутствует, так как это выражение повсеместно известно и нет смысла произносить его полностью. На русский язык оно традиционно переводится следующей пословицей: «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло» или «Нет худа без добра», а дословный перевод звучит так: «Плох тот ветер, который никому не приносит добра». Посмотрим русский скрипт к сериалу: *Злой рок, ничего не поделаешь...* Видимо, была переведена только прозвучавшая часть фразы «it's an ill wind». Во французском языке полностью опущен фразеологический перевод: *C'est un accident regrettable*. В этом случае реплика будет переводиться как «печальное событие» или «прискорбный инцидент».

Проведенный нами анализ примеров наглядно демонстрирует, что для аудиовизуального перевода фразеологизмов отсутствует какая-либо единая формула. Каждый конкретный случай требует творческого подхода, ориентации на контекст, а результат зависит от формы и сложности построения оригинальной фразеологической единицы, наличия в языке перевода аналогичных использованным в оригинале единиц, от уровня регистра речи, а также от мастерства переводчика.

В ходе работы была описана структурная специфика фразеологизмов и рассмотрены основные способы их перевода в аудиовизуальном тексте. Были представлены основы теории аудиовизуального перевода и основы фразеологии. При переводе фразеологизмов, в основном, было использовано опущение и объяснительный перевод. Меньше трети фразеологизмов (8 штук) были переведены с помощью аналогичного фразеологизма в языке перевода. Анализ приведенных примеров позволяет сделать вывод, что идиоматика английского языка несколько богаче идиоматики русского и французского языков.

При переводе фразеологических единиц перед переводчиком стоят две основные задачи: строгое соблюдение норм сочетаемости слов в исходном тексте и передача образности фразеологизма. Но достичь этих задач не всегда удается, так как в процессе перевода приходится сталкиваться с многими трудностями, такими как сходство фразеологизмов с свободным сочетанием, ассоциативная схожесть фразеологизмов и многозначность фразеологизмов, которые представляют собой целостные воспроизводимые единицы¹.

Всякий фразеологизм в аудиовизуальном материале – это хранитель культурной информации, который, как мы убедились, не всегда находит свое отражение в переводе на другие языки. Фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их. И каждый фразеологизм, если он содержит культурную коннотацию, вызывает определенные трудности при переводе.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С.140–161.

Довольнова А.А., Самарин А.В. Киноперевод как особый тип аудиовизуального перевода // Студенческий форум: электрон. научн. журн. 2018. № 11(32).

Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности // XVII Царскосельские чтения: Материалы междунар. науч. конф. Т. I. СПб., 2013. С. 374–381.

Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973. 92 с.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1964. 312 с.

REFERENCES

Dovolnova A.A., Samarin A.V. Film Translation as a Special Type of Audiovisual Translation. *Student Forum: Electronic Scientific Journal*. 2018. No 11(32).

Kozulyaev A.V. Audiovisual Polysemantic Translation as a Special Form of Translation Activity. In: XVII Tsarskoye Selo Readings: Proceedings of the International Scientific Conference. Vol. I. St.-Petersburg. 2013, pp. 374–381.

Lotman Yu.M. (1973) Semiotics of the Cinema and Problems of Cinema Aesthetics. Tallinn. 92 p.

¹ *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1964. С. 14.

Shansky N.M. (1964) *Lexicology of the Modern Russian Language*. Moscow. Prosveshcheniye Publ. 312 p.

Vinogradov V.V. (1977) *Selected Works. Lexicology and Lexicography*. Moscow, pp. 140–161.

Сведения об авторе:

Анастасия Николаевна Косарева,
магистрант
факультет иностранных языков и
регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia N. Kosareva,
Master's Student
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
naskosareva@mail.ru

Я.Е. Андреева (Тюмень, Россия)

Феминно маркированные лексические единицы в романе Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и его переводе на китайский язык

Аннотация: В статье анализируются лексические средства репрезентации категории феминности в романе Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и его переводе на китайский язык. Феминный аспект произведения рассматривается на материале номинаций, эксплицитно и имплицитно выражающих гендерный признак. Освещаются основные авторские и переводческие стратегии при передаче этногендерной специфики художественного текста.

Ключевые слова: гендер, категория феминности, гендерная номинация, гендерные представления, гендерная языковая картина мира

I.Ye. Andreeva (Tyumen, Russia)

The Feminine Space in the Novel “Zuleikha Opens Her Eyes” by Guzel Yakhina and its Translation into the Chinese Language

Abstract: The article analyzes some lexical means of representation of the feminine category in the novel “Zuleikha opens her eyes” by Guzel Yakhina and its translation into Chinese. The feminine aspect of the text is considered on the material of nominations that explicitly and implicitly express the gender. The main author and translator’s strategies for the transmission of the novel’s ethno-gender specificity are highlighted.

Key words: gender, the category of femininity, gender nomination, gender representations, gender language worldview

В рамках господствующей в настоящее время антропоцентрической парадигмы в языкознании актуально обращение к лингвистической гендерологии. Как известно, язык делает возможным познание и объяснение социальных и культурных явлений, в частности – категорий феминности и маскулинности. В каждой речевой культуре сложилось определенное понимание гендера, «совокупности социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [Денисова 2002: 15]. Осмысление гендерной ипостаси человека в русском языке на фоне других языков позволяет выявить лингвоспецифичность социокультурного пола – базового концепта любой культуры. В языковой картине мира особое место занимает образ женщины. Этот

концепт рассматривается в различных культурах, однако, без сомнения, «ничто не дает более полного представления о культурном развитии народа, как положение, которое занимает в нем женщина» [Царёва 2017: 546].

Художественный текст является источником познания гендерной языковой картины мира, «совокупности знаний, в основе которых лежит функционирование гендерных стереотипов, запечатленных в языковой форме» [Томилова 2013, 22: 39]. В связи с этим роман Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» [Яхина 2015] получает переосмысление с точки зрения гендерной проблематики не только в оригинале, но и в его переводных вариантах. Во многом гендерная маркированность романа, получившего в 2015 г. Национальную литературную премию «Большая книга» и переведенного на 16 языков, обусловлена тем, что его автор – женщина, представитель определенного пола и этнокультурного сообщества. Особый интерес вызывает китайский перевод романа, выполненный переводчиками 张杰 Чжан Цзе, 谢云才 Се Юньцай [祖列依哈睁开了眼睛 2017]. Обращение к переводу на китайский язык позволяет в контрастивном ключе исследовать этногендерный аспект художественного текста, произвести реконструкцию феминного пространства по лингвистическим данным. Однако передача системы гендерных отношений при переводе – это сложный процесс, в котором сталкиваются гендерная специфика переводимого текста и собственное национально-культурное миропонимание переводчика.

Цель настоящей статьи – выявление на основе сопоставительного анализа феминно маркированных лексических средств в оригинале романа и его переводе на китайский язык особенностей передачи этногендерной специфики художественного текста. Всего в ходе исследования было обнаружено 132 единицы, среди которых 29 лексем (22%) этномаркированы.

Гендерные особенности художественного текста рассматриваются на различных языковых уровнях, однако на лексическом уровне они проявляются наиболее отчетливо за счет различных категорий гендерно маркированной лексики.

1. Эксплицитно выраженные феминные номинации (непосредственные лексические показатели женского пола)

А) ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

Гендерный аспект романа поддерживается системой имен женских персонажей, которая содержит следующие антропонимы:

Зулейха 列依哈,
Настасья 纳斯塔西娅,
Илона 伊洛娜,
Шамсия 莎姆西娅,
Груня 鲁尼娅 и др.

Семантика женского пола сохранена на уровне структуры письменного знака – графемы 女 ('женщина'). Тем не менее в переводе используется фонетический способ передачи имени собственного на китайский язык, поэтому этническая обусловленность женских имен несколько утрачивается.

Б) АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИЕ ЛЕКСЕМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ ЛЮДЕЙ ПО ПРИЗНАКУ ПОЛА, ВОЗРАСТА, СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА:

баба (女人),
женщина (女人),
девка (姑娘),
старуха (老太婆).

Анализ материала свидетельствует о том, что автор использует сложные, культурно значимые наименования женского пола. Так, лексема «баба» в Большом академическом словаре русского языка сопровождается стилистическими пометами «просторечное», «пренебрежительное» [Большой академический словарь русского языка 2004, 1: 323]. Ее частотность в тексте связана с местом действия романа: в первой главе – татарская деревня, во второй – сибирское спецпоселение. В переводе на китайский язык представлено слово «女人» («женщина»), не передающее стилистической окраски лексемы в оригинале. Приведем некоторые примеры:

Хорошая баба .	那个 女人 长得真好看. досл. 'Эта женщина выросла привлекательной'
На бабу старается не смотреть.	他尽量不去看那个 女人 . досл. 'Он старался не смотреть на эту женщину '

В) ЛЕКСЕМЫ РОДСТВА:

мать (妈妈),
жена (妻子),
дочь (女儿),
свекровь (婆).

При переводе художественной литературы гендер играет одну из ключевых ролей, поскольку он может повлиять на правильное восприятие читателями образов, созданных автором. В процессе перевода художественного текста важно воплотить «задуманные автором оригинала образы, не разрушив при этом общей структурной канвы, общего гендерного характера текста» [Бурукина 2000: 70]. Билингвистическая модель романа «Зулейха открывает глаза», основанная на насыщении русского текста словами-экзотизмами из татарского языка, определила этногендерную специфику художественного текста и образ его главной героини. Однако в китайском переводе наблюдается стремление переводчиков передать смысл экзотизмов с помощью описательного метода, например:

эни – 妈妈 ('мама'),
улым – 儿子 ('сын'),
абыстай – 阿 訇 的 妻子 ('жена имама').

2. ИмPLICITно выраженные феминные номинации (слова и словосочетания, которые характеризуют женщину с социально-ролевой, психологической, физиологической и других сторон)

Гендерная маркированность художественного текста достигается за счет зоонимических компонентов. Значительную роль в формировании национально-культурной специфики языковой картины мира играют именованные животных, так как с ними связаны представления о человеке. Материнский дискурс романа Гузели Яхиной определяет частотность упоминания детенышей животных, таких как

жеребенок (小马驹),
мышонок (小鼠),

*котенок (小猫),
цыплята (小鸡).*

В структуре романа обнаруживают себя наименования птиц, поскольку орнитонимическая лексика в целом представляет собой один из самых распространенных компонентов русских фразеологизмов о женщинах. Это явление исследователи назвали «птичьим двором в русской фразеологии» [Вознесенская 2012: 38]. Однако для китайского языка более характерно применение инсектонимов в составе устойчивых выражений и метафорических сочетаний, что наблюдается в особенности перевода первой главы «Мокрая курица» («可怜虫» ‘жалкое насекомое’).

Для текста романа «Зулейха открывает глаза» в большей степени характерно обращение к единицам – реалиям материальной культуры. Необходимость изучения бытовой лексики неоднократно подчеркивали в своих работах исследователи языка. Слова, называющие предметы быта, лингвоспецифичны, поэтому часто демонстрируют безэквивалентность при сопоставительных исследованиях. Бытовая лексика является самым распространенным гендерно окрашенным компонентом в структуре романа. Назовем следующие ее подгруппы.

А) ОДЕЖДА:	Б) КУХНЯ:
<i>платок (头巾),</i>	<i>молоко (奶),</i>
<i>юбка (裙子),</i>	<i>хлеб (面包),</i>
<i>рукав (袖子),</i>	<i>кызылык</i>
	<i>(马肉香肠 ‘конская колбаса’),</i>
<i>кульмэк</i>	<i>тесто (面),</i>
<i>(衬衣 ‘рубашка’).</i>	<i>капуста (白菜),</i>
	<i>кадушка (桶),</i>
	<i>квашня (和面盆).</i>

В) ДОМ:

женская половина
(女人睡觉的半边
‘половина, где спит женщина’)
изба (房子),
корзина (篮子).

Отметим, что некоторые лексемы нередко служат средством выражения персонификации реки Ангары в романе, при этом объекту приписываются именно женские качества: очертания фигуры («*грудь левого берега круто вспучивалась, словно подоспевшее в кадушке тесто*»), черты характера («*правый берег стелился покладисто*»), гендерные стереотипы («*отражение в свинцовом зеркале реки*»).

Результаты сопоставительного анализа лексических средств манифестации гендерного аспекта в романе «Зулейха открывает глаза» и его переводе на китайский язык позволяют сделать следующие выводы.

1. В тексте романа преобладает гендерная информация, обращенная к женщине.
2. В ходе исследования было выявлено, что 64% лексем (85 единиц) составляют эксплицитно выраженные феминные номинации, 36% лексем (47 единиц) – имплицитно выраженные номинации женского пола. Гендер в романе манифестируется имплицитно с помощью компонентов-зоонимов, бытовой лексики, в которых обнаруживают себя этнокультурные ценностные ориентиры. В феминном пространстве романа преобладает предметная бытовая лексика.
3. В тексте широко представлен зоонимический код женщины. Кроме того, феминный концепт в произведении тесно связан с материнским дискурсом.
4. Билингвистическая форма романа создает трудности для передачи этногендерного аспекта художественного произведения на китайский язык. Сопоставление показало, что в переводе в некоторой степени затемняется этническая составляющая феминно обусловленной информации вследствие описательного перевода стилистически окрашенных гендерных номинаций лиц и экзотизмов. В оригинале романа предлагается словарь татарских слов и выражений, в связи с чем видится уместным сохранение этнокультурной специфики художественного произведения и в переводе на китайский язык через введение страноведческого комментария.

Таким образом, гендерный аспект романа «Зулейха открывает глаза» конструируется с помощью представленных в рамках настоящего исследования набора лексических средств. В процессе перевода актуальным становится внимание к экстралингвистическому контексту и имплицитной информации, что помогает переводчику найти подходящий инструмент передачи этногендерной специфики художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой академический словарь русского языка / Российская академия наук [РАН]. Институт лингвистических исследований; гл. ред. К.С. Горбачевич; науч. ред. А.С. Герд. Т. 1: А-Бишь / Ред. Л.И. Балахонова. М.: Наука, СПб. отд-ние, 2004. 662 с.
- Бурукина О.А. Гендер в переводе: проблема трансформации менталитета // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. Иваново: Юнона, 2000. С. 63–72.
- Вознесенская М.М. Птичий двор в русской фразеологии // Русская речь. 2012. № 5. С. 37–43.
- Денисова А.А. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.
- Томилова А.И. К вопросу о гендерном факторе в лингвистике и переводоведении // Сборник научных трудов Sworld. 2013. Т. 22. № 1. С. 39–45.
- Царёва Г.И. Всё о Китае: культура, религия, традиции / Сост. Г.И. Царёва. М.: Профит Стайл, 2017. 608 с.
- Яхина Г.Ш. Зулейха открывает глаза / Предисл. Л. Улицкой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 512 с.
- 祖列依哈睁开了眼睛 / (俄罗斯) 古泽尔 雅辛娜著; 张杰, 谢云才译. 北京: 人民文学出版社, 2017. 495页. (21世纪年度最佳外国小说)

REFERENCES

The Big Academic Dictionary of the Russian Language / Ed. by K.S. Gorbachevich. Russian Academy of Sciences [RAS]. Institute of Linguistic Studies; scientific ed. by A.S. Gerd. Moscow. Nauka Publ, St. Petersburg Department. Vol. 1: A-Bish / Ed. by L.I. Balakhonova. 2004. 662 p.

Burukina O.A. (2000) Gender in Translation: The Problem of Mentality Transformation. In: Gender Studies in the Humanities: Modern Approaches. Ivanovo. Yunona Publ., pp. 63–72.

Voznesenskaya M.M. Bird Yard in Russian Phraseology. *Russkaya Rech.* 2012. No 5, pp. 37–43.

Denisova A.A. (2002) Dictionary of Gender Terms / Ed. by A.A. Denisova. Regional Public Organization “East-West: Women’s Innovation Projects”. Moscow. Informaciya 21 Vek Publ. 256 p.

Tomilova A.I. On the Issue of Gender in Linguistics and Translation. In: Collection of Research Works of Sworld. 2013. Vol. 22. No 1, pp. 39–45.

Tsareva G.I. (2017) Everything about China: Culture, Religion, Traditions / Ed. by G.I. Tsareva. Moscow. Profit Style Publ. 608 p.

Yakhina G.Sh. (2015) Zuleikha Opens Her Eyes / Foreword by L. Ulitskaya; ed. by E. Shubina. Moscow. AST Publ. 508 p.

祖列依哈睁开了眼睛 / (俄罗斯) 古泽尔 雅辛娜著; 张杰, 谢云才译. 北京: 人民文学出版社, 2017. 495页. (21世纪年度最佳外国小说)

Сведения об авторе:

Яна Евгеньевна Андреева,
аспирант
Институт социально-гуманитарных наук
кафедра общего языкознания
Тюменский государственный университет

Iana Ye. Andreeva,
Postgraduate Student
Institute of Social Sciences and Humanities
Department of General Linguistics
Tyumen State University
y.e.andreeva@utmn.ru

Н.П. Иордани (Москва, Россия)

Особенности безударного вокализма после твердых согласных в брянском говоре первой половины XVII века

Аннотация: В статье описываются особенности безударного вокализма после твердых согласных в брянском говоре первой половины XVII в. на материале двух рукописей, созданных на одной территории, – брянской и карачевской отказных книг. Документы делового содержания являются важными источниками для реконструкции фонетической системы говоров русского языка, поскольку в них широко отражаются живые диалектные черты. В данной работе особое внимание уделено позиции первого предударного слога, в которой возможно отражение диссимилятивного аканья жиздринского типа, характерного для западных русских говоров, к которым примыкает и брянский. На материале памятников местной деловой письменности выявляются индивидуальные особенности произношения писцов. В работе также проводится анализ материала, касающегося второго и других предударных слогов, и описываются особенности нейтрализации гласных в заударных конечных открытых, конечных закрытых и неконечных слогах.

Ключевые слова: лингвогеография, тексты делового содержания, безударный вокализм, диссимилятивное аканье

N.P. Iordani (Moscow, Russia)

The Features of Unstressed Vocalism after the Unpalatalized Consonants in the Bryansk Dialect of Early 17th century

Abstract: In terms of the present article the features of the unstressed vocalism after unpalatalized consonants are described in the Bryansk dialect of early 17th century. This analysis is based on two manuscripts: Bryansk and Karachev *otkaznaya kniga*. Local business documents are the important source of linguistic information to reconstruct the phonetic system of dialects of the Russian language, because they reflect real dialectal features. In the present paper the author makes an attempt to describe the vocal system of the first pretonic syllable, which is characterized by a specific type of the vowel reduction, which is called *zhyzdrinskoje dissimilative akanje*, spread in the West Russian area. An attempt to highlight the individual features of pronunciation of the scribes, based on the local business documents is made. In the article the language material of the second pretonic syllable is analysed and the specificity of vowel neutralization in the post-stressed final open and closed syllables and in the post-stressed non-final syllables is describe.

Key words: linguogeography, local business documents, unstressed vocalism, dissimilative akanje

Аканье – сравнительно поздняя черта фонетической системы некоторых говоров русского языка. В широком смысле эта фонетическая особенность представляет собой неразличение гласных неверхнего подъема в безударном положении. Первые случаи отражения аканья обнаруживаются в источниках, датированных XIV в., а в текстах XVI–XVII вв. подобные примеры становятся регулярными [Галинская 2016: 142]. Именно по этой причине материалом для анализа системы безударного вокализма после твердых согласных в данной статье стали брянская и карачевская отказные книги, рукописи делового содержания, созданные в XVII в. на одной территории, в настоящее время занимаемой брянским говором.

В письменных источниках аканье отражается как мена букв *о* и *а* в безударных слогах. В этом случае замены *о* на *а* будут свидетельствовать о нейтрализации фонем <о> и <а> в звуке [а]. Написание буквы *о* на месте *а* можно рассматривать как результат гиперкоррекции.

Однако фонемы <о> и <а> в некоторых говорах могут нейтрализоваться в предударных слогах в соответствии с принципом диссимилятивности: в этом случае звук в предударном слоге зависит от качества ударного гласного. Так, для западных говоров, к которым примыкает и брянский, характерно диссимилятивное аканье жиздринского типа. Это означает, что если под ударением находится гласный ненижнего подъема, то в предшествующем слоге произносится гласный [а]. В слогах, находящихся перед ударным слогом с [á], фонемы <о> и <а> совпадают в звуке ненижнего подъема [ъ] [Пожарицкая 2005: 47].

В этом случае обратные замены – использование буквы *о* в соответствии с *а* – также будут отражать реальное произношение: в говорах, для которых характерна та или иная модель диссимилятивного аканья, в безударных слогах перед ударным [á] произносился звук ненижнего подъема [ъ], для обозначения которого не было предусмотрено отдельной буквы. Однако из-за схожести артикуляции [о] и [ъ] (эти звуки среднего подъема) писцы могли использовать букву *о* в соответствии с [ъ].

Следовательно, для того чтобы доказать существование диссимилятивного аканья в говоре, необходимо сопоставить количество прямых и обратных замен. Обратимся к примерам:

Прямые замены перед гласными ненижнего подъема

Перед <у>: *на баку* (М. п.) Бр-983 об., *Редазубова* (Р. п.) Бр-519 об.; *редадубъ* К-843, *по таму* (Д. п.) К-33 об. и др.

Перед <и>: *Бариска* (Р. п.) Бр-136, *празжита*^к (В. п.) Бр-10; *вска^рми*^с К-453 об., *ласиные* К-328 и др.

Перед *<ê>: *наме^стья* (В. п. мн. ч.) Бр-106, *сторанъ* (Д. п.) Бр-137; *зонавѣ^оные* (В. п. мн. ч.) К-767, *во^оваръ* К-200 и др.;

Перед *<ô>: *балоту* (Д. п.) Бр-522 об., *бабровы^и* Бр-447 об.; *дарогу* (В. п.) К-104, *старо^иними* (Т. п.) К-895 и др.;

Перед <е>: *кане^и* (Р. п.) Бр-515 об., *на черно^и* Бр-107; *сухаве^рхъ* К-104, *кане^и* К-792 и др.

Перед <о>: *Хахо^и* Бр-517 и др.; *горадаво^и* К-54

Обратные замены перед [á]

Перед <а>: *ω^икоса^и* Бр-32, *скосала* Бр-15 об.; *распохали* к-636, *пушкоря* (Р. п.) к-767 пр. р. и др.

В брянской отказной книге число прямых замен перед ударными слогами с гласными верхнего, верхне-среднего и среднего подъема значительно превышает число обратных. С другой стороны, в первых предударных слогах перед [á] писцы в большинстве случаев используют букву *o*: примеров обратных замен практически в два раза больше, чем прямых.

Позиция	Брянская отказная книга					Карачевская отказная книга				
	<i>o</i> на <i>a</i>		<i>a</i> на <i>o</i>		Звук	<i>o</i> на <i>a</i>		<i>a</i> на <i>o</i>		Звук
перед <у>, <и>	103	75%	34	25%	[a]	35	63%	21	37%	[a]
перед <ê>, <ô>	162	93%	12	7%	[a]	42	69%	19	31%	[a]
перед <e>, <o>	23	85%	4	15%	[a]	13	72%	6	28%	[a]
перед <a>	32	37%	54	63%	[ъ]	17	15%	94	85%	[ъ]

Соотношение прямых и обратных замен, обнаруженных в карачевской отказной книге, перед гласными ненижнего подъема менее выразительно, чем в брянской отказной книге, но позволяет сделать такие же выводы. При этом написаний, отражающих замену *a* на *o* в позиции перед слогом с гласным нижнего подъема, значительно больше, чем слов с заменой *o* на *a*.

Такое соотношение прямых и обратных замен позволяет говорить о существовании аканья жиздринского типа, которое характерно для брянских говоров вплоть до настоящего времени [ДАРЯ I, карты 1, 2].

Опираясь на материал письменных источников, не всегда можно определить тип безударного вокализма в отношении каждого конкретного писца, потому что в ограниченном объеме отказа редко выявляется достаточное количество примеров для установления какой-либо закономерности. По этой причине исследование системы безударного вокализма производится на основе всего объема материала. Однако в некоторых случаях мы можем судить о произношении конкретного писца, если им был написан сравнительно большой объем текста. Рассмотрим отказы в составе брянской отказной книги, принадлежащие Кондрашке Андрееву и Ваське Леонтьеву, которым принадлежит значительный объем текста. Количественные данные представлены в виде таблицы:

Позиция	Кондрашка Андреев, л. 514–523, 662–665 об., 673–677				Васька Леонтьев, л. 106–108 об., 134–138, 255–261			
	Прямые замены		Обратные замены		Прямые замены		Обратные замены	
перед <у>, <и>	25	63%	15	37%	16	89%	2	11%
перед <ê>, <ô>	37	97%	1	3%	39	100%	–	0%
перед <e>, <o>	5	63%	3	37%	3	100%	–	0%
перед <a>	–	0%	9	100%	12	55%	10	45%

Примеры, обнаруженные в отказах, принадлежащих руке Кондрашки Андреева, полностью соответствуют результатам общего количественного анализа: перед ударными слогами с гласными ненижнего подъема значительно преобладают замены *o* на *a*, в то время как перед ударным [a] писец последовательно использует букву *o*, а написания с *a* в этой позиции отсутствуют вовсе. Следовательно, с большой долей вероятности Кондрашка Андреев был носителем диалекта, для которого характерно диссимилятивное аканье жиздринского типа.

В тексте, написанном Васькой Леонтьевым, прямые и обратные замены распределяются иначе: перед гласными ненижнего подъема обратные замены практически отсутствуют, но в позиции перед [a] замены *o* на *a* и *a* на *o* представлены при-

мерно в одинаковом количестве. Такое соотношение замен не позволяет сделать каких-либо уверенных выводов, однако можно предположить, что перед гласными ненижнего подъема писец произносил звук [a], который он последовательно записывает с помощью буквы *a*. С другой стороны, Васька Леонтьев параллельно использует две буквы для обозначения звука перед ударным [á]. Вероятно, он ощущал разницу между звуком, произносимым перед [и], [y], *[ê], *[ô], [e], [o], и гласным, возникающим перед слогом с [á], но не мог определиться, какой буквой этот звук следует обозначить. Таким образом, не исключено, что Васька Леонтьев произносил звук [ъ] в первом предударном слоге перед ударным [a], потому что в противном случае значительное количество обратных замен пришлось бы признать гиперкорректными, которые фиксируются исключительно в этой позиции.

Вокализм второго предударного слога

В современных акающих говорах, как правило, в позиции второго предударного слога фонемы <o> и <a> совпадают в звуке [ъ]. Однако в говорах, для которых характерно диссимилятивное аканье, зависимость гласных, проявляющаяся в первом предударном слоге, может наблюдаться и в других предударных слогах [Касаткин 2005: 53]. В исследуемых текстах были обнаружены многочисленные написания, которые могут быть интерпретированы как случаи отражения аканья:

Замены о на а: *Бабыли* (Им. п.) Бр-1145 об., *Галава* (В. п.) Бр-106 об., *Краванускъ* Бр-45 об., *Саколова* (Р. п.) Бр-976 об.; *горадаво*^н К-54, *На³дрочовъ* К-913 об., *в прапи^сно*^н (М. п. ед. ч. ср. р.) К-912 и др.

Замены а на о: *Котерину* Бр-17, *Одона^сямь* Бр-107; *сторожи^нцы* (Им. п.) К-688, *зопав^бные* (В. п. мн. ч.) К-767 и др.

Подобных написаний встретилось довольно много: в брянской отказной книге число прямых замен превышает количество обратных практически в два раза, а в карачевской отказной книге они представлены примерно в равном количестве. Однако обнаруженного материала оказалось недостаточно для того, чтобы говорить о какой-либо зависимости качества гласного от первого предударного слога, потому что подавляющая часть примеров с меной букв *o* и *a* фиксируется перед [o] и [a] в первом предударном слоге (в этом случае не исключена графическая ассимиляция или же межслоговая регрессивная ассимиляция гласных), в то время как перед другими гласными подобные написания практически не встречаются. Таким образом, факт существования аканья в этой позиции несомненен, но говорить о принципе диссимилятивности у нас нет оснований.

Заударный вокализм

В заударных слогах после твердых согласных фонемы <o> и <a> могут совпадать в звуке [a] или же в гласных ненижнего подъема – [ъ] или [ы]. На материале современных говоров В.Н. Теплова разработала классификацию, в соответствии с которой диалекты русского языка разделяются на четыре типа в зависимости от того, как нейтрализуются гласные в заударных слогах после твердых согласных. Вслед за учеными, исследующими современные говоры, мы выделяем конечные открытые, конечные закрытые и неконечные слоги.

Конечные открытые слоги. Исследования В.Н. Тепловой показывают, что для современных брянских говоров характерна небольшая разница в экспираторной силе гласных ударного и безударного слогов, в результате чего количественная

Неконечные слоги. В этой позиции в рукописях также представлена мена букв *о* и *а*. Рассмотрим несколько случаев прямых замен, которые встречаются как в брянской, так и в карачевской отказных книгах: *воластях* (М. п. мн. ч.) Бр-665, *дорогаю* (Т. п.) Бр-260 об., *Жюка^еке* Бр-305; *бересава^а* (В. п. ед. ч. м. р.) К-687, *пуста^аю* (Т. п.) К-792, *недора^асля* К-103 и др.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в брянской отказной книге, в отличие от карачевской, обратные замены представлены в значительном количестве, например: *выкопона* Бр-261 (2), *написон[о]* Бр-676 об., *пахоно^а* (Р. п. ед. ч. ж. р.) Бр-101 об. и др., – которые составляют почти 40% от общего количества примеров в этой позиции. При этом в карачевской отказной книге подобные примеры фиксируются лишь в единичных случаях.

Кажется маловероятным, что такое значительное количество примеров (65 из 180) является результатом гиперкоррекции, поэтому мы склоняемся к фонетической интерпретации подобных написаний: возможно, писцы брянской отказной книги произносили в неконечных заударных слогах [ъ] и на его месте писали буквы *о*, противопоставляя его гласному [а] (обозначаемому буквой *а*), в котором нейтрализовались <о> и <а> в конечных открытых и неконечных слогах. Писцы карачевской отказной книги, в свою очередь, произносили звук [а] во всех заударных слогах. Такое различие могло бы показаться неожиданным, потому что исследуемые рукописи были созданы на одной территории, а писцы являлись носителями одного диалекта. Однако, как показывают материалы ДАРЯ [ДАРЯ I, карты 16, 17, 18], территория, занимаемая современным брянским говором, неоднородна: в заударных слогах фиксируется и [а], и [ъ], что свидетельствует в пользу фонетической трактовки обратных замен.

Количественные данные, касающиеся употребления букв *о* и *а* в заударных слогах, представлены в виде таблицы.

Тип заударного слога	Брянская			Карачевская		
	<i>о</i> на <i>а</i>	<i>а</i> на <i>о</i>	гласный	<i>о</i> на <i>а</i>	<i>а</i> на <i>о</i>	гласный
конечные открытые	93	1	[а]	89	–	[а]
конечные закрытые	246	1	[а]	65	4	[а]
неконечные	115	65	[ъ]	75	7	[а]

Таким образом, на материале письменных источников нам удалось описать систему безударного вокализма после твердых согласных в брянском говоре первой половины XVII в. Во-первых, в позиции первого предударного слога довольно уверенно реконструируется диссимилятивное аканье жиздринского типа, распространенное на исследуемой территории и в современный период. Во-вторых, неразличение фонем <о> и <а> было характерно и для второго и предшествующих ему предударных слогов, однако никаких следов зависимости качества гласного в них от последующего слога обнаружено не было. В-третьих, можно говорить о том, что система заударного вокализма в брянском говоре первой половины XVII в. приобрела следующие черты: в конечных открытых и конечных закрытых слогах фонемы <о> и <а> нейтрализовались в звуке [а]; в неконечных заударных слогах носители диалекта могли произносить как звук [а], так и [ъ]; в говоре наблюдается редукция гласного [ы] в заударных слогах. Следует также отметить, что в текстах делового содержания отражаются живые диалектные черты, вплоть до незначительных фонетических различий.

ЛИТЕРАТУРА

Галинская Е.А. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. 2-е изд., испр. М., 2016. 416 с.

Касаткин Л.Л. Русская диалектология. М., 2005. 288 с.

Котков С.И., Коткова Н.С. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М.: Наука, 1977. 355 с.

Пожарицкая С.К. Русская диалектология. М., 2005. 256 с.

Теплова. В.Н. О заударном вокализме после твердых согласных в русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981. С. 53–64.

Теплова. В.Н. О типах вокализма заударного конечного закрытого слога после твердых согласных в акающих говорах русского языка // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981. С. 273–288.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I: Фонетика / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. М.: Наука, 1986. 99 сдв. л.

REFERENCES

Galinskaya E.A. (2016) Historical Grammar of the Russian Language: Phonetics. Morphology. 2nd ed., corr. Moscow. 416 p.

Kasatkin L.L. (2005) Russian Dialectology. Moscow. 288 p.

Kotkov S.I., Kotkova N.S. (1977) Manuscripts of the Southern Russian Dialects. Documents on Transmission Land Rights. Moscow. Nauka Publ. 355 p.

Pozharitskaya S.K. (2005) Russian Dialectology. Moscow. 256 p.

Teplova V.N. About the Vocalism of the Post-stressed Syllable after Unpalatalized Consonants in the Russian dialects. In: Dialectology and Linguogeography of the Russian Language. Moscow. 1981, pp. 53–64.

Teplova V.N. About the Types of the Vocalism of the Final Closed Post-stressed Syllables after the Unpalatalized Consonants in the Dialects with Akanje of the Russian language. In: Common Slavic Atlas. Materials and Researches. 1979. Moscow. Nauka Publ. 1981, pp. 273–288.

Dialectal Atlas of the Russian Language. The Center of the European Part of USSR. Vol. 1: Phonetics / Ed. by R.I. Avanesov, S.V. Bromley. Moscow. Nauka Publ. 1986. 99 p.

Сведения об авторе:

Наталья Павловна Иордани,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia P. Iordani,
Magister
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
iordani.natasha@yandex.ru

А.Д. Самсонова (Самара, Россия)

**Перевод А.А. Нартова отрывка из произведения Б. Фонтенеля
«Разговор в царстве мертвых. Артемизия и Раймунд Луллий»
как отражение морально-нравственных идеалов общества XVIII века**

Аннотация: В статье рассматривается перевод отрывка из произведения Б. Фонтенеля «Разговор в царстве мертвых. Артемизия и Раймунд Луллий», выполненный А.А. Нартовым. Дополнив образы главных героев в «Разговоре...», А.А. Нартов добился большей контрастности характеров и смог отразить морально-нравственные идеалы общества XVIII в. в образе Раймунда Луллия. В исследовании прослеживается развитие образов реальных исторических личностей от оригинала к переводу, сопоставляются черты сходства и различия в данных произведениях.

Ключевые слова: перевод, диалог, идеал, дидактическая функция, философский камень, морально-нравственные качества

A.D. Samsonova (Samara, Russia)

**A.A. Nartov's Translations of the Passage from the B. de Fontenelle's Work
"Dialogue in the Realm of the Dead. Artemisia and Raymond Lullius"
as a Reflection of Moral Ideals of the 18th century Society**

Abstract: The article deals with A.A. Nartov's translations of the passage from the B. de Fontenelle's work "Dialogue in the Realm of the Dead. Artemisia and Raymond Lullius". Adding images of the main characters in the "Conversation...", A.A. Nartov achieved a greater contrast of characters and he managed to reflect the moral ideals of of the 18th century society in the image of Raymond Lullius. The development of images of real historical figures from the original work to the translation is traced to find similarities and differences in these works.

Key words: translation, dialogue, ideal, didactic function, philosopher's stone, moral qualities

Андрей Андреевич Нартов (1737–1813) – государственный деятель, писатель и переводчик. Он родился 25 ноября 1737 г. в Санкт-Петербурге в семье Андрея Константиновича Нартова, служившего токарем при Петре I. Писатель получил достойное образование. С 1746 по 1750 г. он обучался в немецком и латинском

классах Академической гимназии. В двенадцать лет будущий писатель перешел в Кадетский корпус.

В 1750-е гг. Нартов участвовал в деятельности «Общества любителей российской словесности», основанного А.П. Сумароковым. Там он впервые представил стихотворную пародию, которую сочинил самостоятельно. В 1755 г. появился первый печатный труд Нартова – «В Шляхетном кадетском корпусе переведил А.Н.» [Сухарева 2005: 102].

С 1755 г. писатель начинает сотрудничество с такими журналами, как «Полезное увеселение», «Праздное время», «Ежемесячные сочинения» и «Трудолюбивая пчела» [Растягаев, Сложеникина 2018: 47–48].

В 1775 г. открывается Императорский театр, для которого Нартов пишет пьесу и переводит комедии Ф. Детуша, Г.Э. Лессинга и др. Нартов перевел большое количество произведений с разных языков: с немецкого (Геродот, И.К. Готтшед, И.Г. Леман, Дж.А. Скополи и др.); с французского (Ф. Детуш и др.); с датского (Л. Гольберг и др.) и др.

Нартов-переводчик признан современниками: «Его переводы весьма много похваляются, и он чрез сие приобрел немалое к себе почтение, а за некоторые из его переводов и заслужил великую похвалу» [Новиков 1772: 147].

В мае 1758 г. в «Ежемесячных сочинениях» Нартов публикует перевод части произведения Б. Фонтенеля «Разговор в царстве мертвых. Артемизия и Раймунд Луллий». Интересно рассмотреть подробнее данный перевод, сопоставить его с оригиналом и попытаться установить причины публикации перевода именно этого диалога.

Бернар Ле Бовье Фонтенель (1657–1757) – выдающийся мыслитель Франции, деятель Просвещения XVIII века. Родился в аристократической семье в Руане, обучался в иезуитской школе. С ранних лет проявлял интерес к литературе, что обусловлено влиянием его родственников: знаменитого писателя Пьера Корнеля и издателя журнала «Mercure galant» Томаса Корнеля, являющихся братьями его матери. В 1674 г. Фонтенель переехал в Париж, где начал писать стихи, пьесы и либретто [Огурцов 1993: 61]. В 1677 г. писатель начинает сотрудничество с журналом «Mercure galant», для которого пишет стихотворные произведения. Однако по возвращении в Руан в 1680 г. Фонтенель всё больше начинает интересоваться философией и наукой [Момджян 1983: 45]. Позже его просветительское творчество вызовет невероятный отклик среди русских читателей XVIII–XIX вв. Его произведения будут пользоваться популярностью у переводчиков.

«Dialogues des morts anciens et modernes» («Диалоги мертвых») относятся к раннему творчеству Фонтенеля, их появление датируется 1683 г. Но уже в этом произведении намечается путь критики общепризнанных предрассудков и скептицизма по отношению к общественному мнению, прошедший красной нитью через все литературное творчество писателя.

В переводе Нартова представлен отрывок из произведения – диалог Артемизии и Раймунда Луллия. Артемизия II – жена и сестра карийского правителя Мавсола (353 до н. э.), которая, согласно повести, чтобы сохранить память о своем погибшем супруге, построила для него роскошную гробницу. Она пила воду, добавив туда прах своего мужа, что свидетельствовало о ее великой любви к нему [Гелий 2007: 429].

Раймунд Луллий (ок. 1232–1316) – средневековый философ, алхимик, писатель и проповедник [Новая философская энциклопедия 2010: 458]. Удалившись на пустынную гору Мирмар, Луллий около 10 лет изучал арабский язык, мусуль-

манскую и иудейскую религии и философию. До конца жизни он находился в проповеднических путешествиях в Северную Африку и Сицилию, а также на Кипр, где не раз подвергался заточению и изгнанию [Философский энциклопедический словарь 1983: 337].

«Ars magna» и другие труды Луллия в области алхимии были широко известны. В них Луллий «составил конкретные рецепты поиска философского камня и получения золота и серебра» [Новая философская энциклопедия 2010: 459].

Выбор героев «Диалогов...» Фонтенелем весьма интересен. Среди других собеседников можно увидеть, например, Александра Македонского и гетеру Фрину, римскую аристократку Фульвию, беседующую с дочерью Зевса Еленой, императрицу Фаустину, ведущую диалог с Брутом, и многих других.

Артемизия и Луллий в реальности никогда бы не смогли вступить в диалог. Жена правителя из IV в. до н. э. и средневековый проповедник представляют разные эпохи, у них разные моральные устои и принципы, социальный статус. Не прочитав произведение, сложно даже представить, на чем может строиться диалог двух личностей и что между ними общего.

В начале диалога Артемизия просит Луллия рассказать ей о философском камне, «которым можно все металлы превращать в золото» [Нартов 1758: 465].

Существует легенда о философском камне, который не только превращает все металлы в золото, но и дает вечную молодость. Средневековые алхимики (Н. Фламель, Дж. Рипли и др.) занимались поиском этого эликсира и представляли различные рецепты его создания. Но дело в том, что философский камень, не являясь к тому же и камнем в общем понимании (скорее, порошком или жидкостью), позже перестал восприниматься и как нечто материальное. С этой точки зрения, философский камень является символом превращения человека в божественное существо, причисления его к лику святых.

Занимаясь исследованиями в области алхимии, Луллий не смог найти философский камень. Однако, будучи проповедником, положившим большую часть своей жизни на обращение в христиан мусульман и иудеев, Луллий помог обрести христианскую веру огромному количеству людей, и в их сознании обрел этот «философский камень». Вот почему, как видится, Луллий говорит о том, что он не нашел философский камень, но «весь свет думает, что нашел, и поныне тому верят» [Нартов 1758: 465].

Интересно, что человек, чьи проповеди вдохновляли многих людей и чьи труды по философии и алхимии пользовались успехом у современников, говорит, что «только в подземном жилище сделался разумным» [Нартов 1758: 465]. Для Луллия характерно смирение, отсутствие всякой заносчивости, отчасти даже воплощение христианской традиции к принижению себя.

Но таким, пожалуй, он предстает только у Нартова, в оригинале на вопрос Артемизии о причинах поиска философского камня Луллий отвечает: «Je n'en ai eue disabuse qu'ici bas» («Я разочаровался только здесь, внизу»).

Нартов, как мы видим, стремился облагородить образ христианского проповедника, вложить в его уста мораль произведения, чего нельзя сказать о замысле Фонтенеля. В произведении французского писателя Луллий не воплощение идеального христианина. Он простой человек, способный злиться, расстраиваться и жалеть о прошлом. И в этом, пожалуй, состоит главное отличие «Диалога...» Фонтенеля от перевода Нартова.

В начале разговора Артемизия стремится всячески высмеять и унижить средневекового философа. Несмотря на то что сам локус «Разговора в царстве мертвых» предполагает «иерархическое равенство участников диалога» перед смертью [Готовцева 2018: 10], она считает, что собеседник ниже ее по статусу, и с возмущением произносит такие слова: «Я? Чтоб я с тобою была сходна?» [Нартов 1758: 466]. Похожую фразу высказывает и Артемизия Фонтенеля: «Moi, je vous ressemblerois!» [Fontenelle 1790: 82]. Это сразу же раскрывает образ героини, гордой, даже заносчивой, правительницы.

Позже Луллий говорит: «Выпитый тобою сожженной Мавзолон пепел не был довольно силен сохранить тебя от новой любви» [Нартов 1758: 466]. У Фонтенеля эта же фраза Луллия более метафорична: «Les cendres de Mausol eque vous aviez avalées, ne surent pas un assez bon remede contre une nouvelle passion» («Прах Мавзолея, который Вы пили, не был достаточно хорошим лекарством против новой страсти») [Fontenelle 1790: 82]. Луллий Фонтенеля сравнивает новое чувство с болезнью. Луллий Нартова не мог говорить такого, так как понимание любви как болезни противоречит христианской заповеди «возлюби ближнего своего». Любовь с позиции христианства – чувство, которому нужно учиться; поиск лекарства от него не мог бы прийти в голову образцовому христианину.

Остается только догадываться, действительно ли после смерти супруга Артемизия смогла вновь обрести любовь, или это творческий вымысел Фонтенеля, так как в «Аттических ночах» А. Гелия не сказано об этом факте. Так или иначе, это событие, по мнению Луллия, сближает собеседников.

Он утверждает, что между ним и Артемизией есть нечто схожее: «Нам обоим делают честь, которой мы недостойны» [Нартов 1758: 466] – («nous fait à tous deux un honneur que nous ne méritons pas» [Fontenelle 1790: 83]) и «искали мы оба того, чего однако обрести не можно» [Нартов 1758: 477] – («tous deux cherché une chofe qui ne se peut trouver» [Fontenelle 1790: 83]). Ведь Артемизия не была верна всю жизнь своему покойному супругу, однако прославилась своей самозабвенной любовью к нему. А Луллий искал философский камень, однако так и не достиг своей цели. Эти сходные черты – ответ на вопрос о причинах выбора данных героев Фонтенелем.

Нельзя не заметить, что Луллий Фонтенеля более резок в общении. Обвиняя Артемизию в неверности супругу, он говорит: «Vous devîntes folle» («Вы становились сумасшедшей») [Fontenelle 1790: 82], у Нартова же: «Вы пленились одним молодчиком» [Нартов 1758: 466]. Луллий Фонтенеля продолжает метафору: «любовь – это болезнь». Он сравнивает ее с психическим расстройством. Луллий Нартова, на наш взгляд, глаголом «пленились» подчеркивает невозможность сопротивления всеобъемлющему чувству любви.

В ответ на язвительную реплику Артемизии в начале диалога Луллий Фонтенеля отвечает: «Je vois bien que vous avez envie de me railler» («Я вижу, вы хотите насмеяться надо мной»). У Нартова эта же фраза звучит смягченно: «Я вижу, тебе захотелось надо мной пошутить» [Нартов 1758: 466].

Поразительно, сколь разные у собеседников моральные принципы. Артемизия произносит такие слова: «Свет часто обманывается, и для того должно его легковёрность употреблять себе в пользу» [Нартов 1758: 467] («Le public est fait pour être la dupe de beaucoup de chofes; il faut profiter des dif positions où il est» [Fontenelle 1790: 83]), которые в целом характеризуют ее как личность скрытную, хитрую, способную на ложь и не стыдящуюся этого.

Луллию, напротив, принадлежит такая фраза: «Быть совершенно бескорыстными, и иметь истинную дружбу, но получить сего одним словом хотя не можно, да хорошо бы стараться быть такими» [Нартов 1758: 468] – («la morale a aussi sa chimere c'est le désintéressement, la parfaite amitié. On n'y parviendra jamais, mais il est bon que l'on prétende y parvenir» [Fontenelle 1790: 85]), – что характеризует философа как человека, стремящегося к нравственности и ценящего в людях искренность и бескорыстие.

Луллий по натуре исследователь, он всю жизнь находился в поисках совершенства, стремясь приблизить себя к нему: «...есть некоторое воображаемое совершенство, за которым... гоняются, хотя и достигнуть не могут» [Нартов 1758: 468]. В оригинале эта фраза звучит так: «Toutes les sciences ont leur chimere, après laquelle elles courent, fans la pouvoir attraper» [Fontenelle 1790: 84].

Стоит обратить внимание, что Фонтенель часто употребляет слово «chimère»; помимо буквально значения 'монстр, химера', слово также употребляется в значении 'идея, не связанная с реальностью, идеал', это значение оно имеет и в произведении.

Артемизия мыслит реалистически и считает, что «должно бы... воображаемые совершенства оставить, а стараться только в вещах подлинных» [Нартов 1758: 468] («Ne vaudroit-il pas mieux chercher ces secrets qu'on peut trouver, que de son ger à ceux qu'on ne trouvera jamais» [Fontenelle 1790: 84]). Для нее не важно понятие совершенства, она уже достигла его своим социальным статусом и поступками. Артемизия горда, и поиск идеала для нее – пустая трата времени.

Многие изречения собеседников по смыслу полностью противоположны, да и сами герои резко противопоставлены друг другу. Однако в переводе Нартова эта антитеза выражена более ярко.

Весьма занимателен тот факт, что философ Луллий, занимаясь поиском истины, в конце диалога пришел к парадоксальному для своего рода деятельности выводу: «Ежели бы истина по несчастью представилась нам в таком виде, в каком она есть, то бы ничего не было. Но она весьма умно поступает, что скрывается... от глаз человеческих» [Нартов 1758: 469] («Si par malheur la vérité se montroit telle qu'elle est, tout serait perdu; mais il paroît bien qu'elle sait de quelle importance il est qu'elle se tienne toujours assez bien cachée» [Fontenelle 1790: 86]).

Таким образом, в переводе Нартова произведение Фонтенеля «Разговор в Царстве Мертвых. Артемизия и Раймунд Луллий» имеет ярко выраженный дидактический характер. Это подтверждается тем, что в переводе смягчены некоторые фразы христианского проповедника Луллия, а в его словах звучат наставления об искренности, нравственности, стремлении к идеалу и совершенствованию моральных качеств человека. Чего нельзя сказать об Артемизии. Потому все ее слова переданы в переводе с большой точностью. Представляется, что Нартов в образе Р. Луллия хотел выразить идеалы морали, показать морально-нравственные качества человека, к достижению которых нужно стремиться читателю.

Стоит сказать, что просветительское творчество Фонтенеля имело большой отклик в России XVIII–XIX вв. Имея возможность читать французского философа в оригинале, просветители России (А. Кантемир, И. Бутовский, А.А. Нартов и многие другие) заботились о расширении круга читателей Фонтенеля и распространении его прогрессивных идей на русском языке. Интересно, что с произведениями Фонтенеля Нартов познакомился еще кадетом, так как в Корпусе находилась довольно богатая библиотека.

«Ежемесячные сочинения», в свою очередь, во многом способствовали распространению жанра «разговоров». Здесь «печатались три вида “разговоров”»: философские (переводы из Ксенофонта, Ж. Верне, Д. Бугура, А. фон Галлера и др.), «разговоры в царстве мертвых», или «разговоры богов» (из Б. Фонтенеля, И.Э. Шлегеля, Ж.Л. де Бюфона, К. Линнея, Р. де Сен-Мара и др.) и «разговоры», в которых действующие лица – это человеческие качества и чувства (из У. Бонда и др.) [Готовцева 2018: 10–13]. Произведения Б. Фонтенеля не только переводились для «Ежемесячных сочинений» – они способствовали появлению переложений, среди которых, например, «Разговор в царстве мертвых Кортца и Монтецума» А.П. Сумарокова.

ЛИТЕРАТУРА

Геллий А. Аттические ночи. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2007. 480 с.

Готовцева А.Г. «Разговоры по подобию Лукиановых»: жанр «разговоров» в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения» // Вестн. РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 1 (34). С. 9–16.

Момджян Х.Н. Французское Просвещение XVIII века: очерки. М.: Мысль, 1983. 447 с.

Нартов А.А. Г. Фонтенеля. Разговор в царстве мертвых. Артемизия и Раймунд Луллий // Ежемесячные сочинения. 1758. Май. С. 465–469.

Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. 736 с.

Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известиям, и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб.: Типография Академии наук, 1772. 128 с.

Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. М.: Наука, 1993. 213 с.

Растягаев А.В., Сложеникина Ю.В. «Опыт немецкого словаря Г.-В. Рабенера: от перевода А.А. Нартова до публикации переделки в «Трудолюбивой Пчеле» А.П. Сумарокова // Libri Magistri. 2018. № 6. С. 45–61.

Сухарева О.В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М.: АСТ, 2005. 701 с.

Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

Fontenelle B. le B. Dialogues des morts anciens et modernes. Paris: Bastien, 1790. 477 p.

REFERENCES

Fontenelle B.B. (1790) Dialogues des Morts Anciens et Modernes. Paris. Bastien Publ. 477 p.

Gotovtseva A.G. “Conversations in the Likeness of Lukian’s”: the Genre of “Conversations” in the Journal of the Academy of Sciences “Monthly Works”. *Bulletin of RSUH Press*. 2018. No 1(34), pp. 9–16.

Helium A. (2007) Attic Nights. St.-Petersburg. Academy of Humanities Publ. 480 p.

Momjian H.N. (1983) French Enlightenment of the 18th century: Essays. Moscow. Mysl Publ. 447 p.

Nartov A.A. G. Fontenelle. Conversation in the Realm of the Dead. Artemisia and Raymond Lullius. *Monthly Works*. 1758. May, pp. 465–469.

New Philosophical Encyclopedia: In 4 vols. Vol. 2. Moscow. Mysl Publ. 2010. 736 p.

Novikov N.I. (1772) The Experience of the Historical Dictionary of Russian Writers. From Various Printed and Handwritten Books, Reported News, and Verbal Legends Collected by Nikolai Novikov. St.-Petersburg. Academy of Sciences Press. 128 p.

Ogurtsov A.P. (1993) Philosophy of Science of the Enlightenment. Moscow. Nauka Publ. 213 p.

Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow. Sovetskaya Encyclopedia Publ. 1983. 840 p.

Rastyagaev A.V., Slozhenkina Yu.V. “Experience of the German Dictionary” by G.-W. Rabener: from A.A. Nartov’s Translation to the Publication of the Alteration in A.P. Sumarokov’s “Trudolyubivaya Pchela”. *Libri Magistri*. 2018. No 6, pp. 45–61.

Sukhareva O.V. (2005) Who Was Who in Russia from Peter the 1st to Paul the 1st. Moscow. AST Publ. 701 p.

Сведения об авторе:

Анастасия Дмитриевна Самсонова,
студент
филологический факультет
кафедра филологии и массовых
коммуникаций
Самарский филиал Московского
городского педагогического
университета

Anastasia D. Samsonova,
Student
Philological Faculty
Department of Philology and Mass
Communications
Samara Branch of Moscow City
University

asya_december@mail.ru

А.Е. Сидоревич (Москва, Россия)

Словарь коммерции во французском языке XIX века: эволюция понятия ‘магазин’

Аннотация: В данной статье предлагается рассмотреть процесс развития словаря коммерции во французском языке XIX в. на примере понятия ‘магазин’. Данная работа выполнена в соответствии с традицией французской лексикологии, основы которой были заложены Жоржем Маторе в 1950-е гг. Статья содержит хронологический анализ развития представлений о ключевом месте торговли во Франции в XIX в., а также представляет собой лексикологическое исследование лексических единиц, служащих его номинации. В статье разбираются такие лексические единицы, как *échope*, *boutique*, *magasin*. В результате проделанного анализа развития понятия ‘магазин’ делается вывод о том, что XIX век становится периодом значительной эволюции сферы коммерции во Франции, а также развития нового словаря коммерции, появляющегося в ответ на необходимость новой номинации.

Ключевые слова: французский язык, лексикология, словарь коммерции, история понятий

A.E. Sidorevich (Moscow, Russia)

The Vocabulary of Commerce in the French Language of the 19th century: the Evolution of the Notion ‘Shop’

Abstract: The present article considers the development of the vocabulary of commerce in the French language of the 19th century and proposes a case study of the notion ‘shop’. The research is based on the tradition of French lexicology the main ideas of which were formulated by Georges Matoré in the 1950s. The article contains a chronological analysis of the development of the key place of trade in France in the 19th century, as well as a lexicological study of such units as *échope*, *boutique*, and *magasin*. As a result, it has been concluded that the 19th century is characterized by a significant evolution of the commerce domain in France, as well as by the development of a new vocabulary of commerce which appears in response to the need of new nomination.

Key words: the French language, lexicology, the vocabulary of commerce, the history of ideas

«Vous pourriez croire, ami lecteur, que l'institution du marchand de nouveautés date, comme plusieurs des nouvelles institutions qui nous régissent, des anciens temps: il n'en est rien, elle est récente, elle est d'hier. L'empire, qui a vu mourir tant d'hommes et naître tant de choses, doit la revendiquer parmi ses découvertes. Le marchand de nouveautés s'est formé des débris du bonnetier antique, du vénérable mercier, du drapier des halles, du linge, et de quelques fragments du marchand de soieries».

Pierre Bernard, «Le Marchand de nouveautés» (1841)

В 1853 г. Евгений Боратынский в письме своей матери пишет следующее: «Весь Париж – лавка: все первые этажи домов в магазинах. Где бы вы ни поселились, у вас везде почти всё под рукою, не только необходимое, но даже предметы роскоши» [Мильчина 2014: 357]. Но уже во второй половине XIX в., в период Второй империи, Париж претерпевает значительные преобразования. Перестройка города, осуществленная под руководством Жоржа Эжена Османа (Georges Eugène Haussmann), префекта департамента Сена с 1853 по 1870 г., способствует появлению новых форм торговли – универсальных магазинов (*grands magasins*), которые со временем вытесняют традиционные лавки. В рамках данной статьи мы постараемся проследить эволюцию и развитие словаря коммерции во французском языке XIX в. на примере одного из ключевых понятий сферы коммерции – ‘магазин’, а также проанализировать основные лексические единицы, которые обслуживают это понятие на протяжении столетия.

Выбранный нами подход принадлежит традиции французской лексикологии и включает в себя изучение некоего лексического среза языка в определенный исторический период в связи с уровнем развития социума посредством выделения, с одной стороны, традиционных слов, а с другой, «слов-свидетелей» – единиц, которые по своей сути являются неологизмами и свидетельствуют о крупных экстралингвистических изменениях эпохи. Этот подход, разработанный французским лексикологом Жоржем Маторе в 1950-е гг., является отличительной чертой французской лексикологии. Само слово *léxicologie* в рамках французской традиции определяется как «l'étude du lexique, du vocabulaire d'une langue, dans ses relations avec les autres composants de la langue, phonologique et surtout syntaxique, et avec les facteurs sociaux, culturels et psychologiques» [Dictionnaire de linguistique]. Это понимание предмета лексикологии можно сопоставить, например, с русской традицией, которая определяет термин *лексикология* как «раздел языкознания, занимающийся изучением словарного состава языка» [Ахманова], где отсутствует упоминание о связи с социальными, культурными и психологическими факторами.

Таким образом, целью данной статьи является лексикологическое исследование эволюции языкового выражения понятия ‘магазин’ во французском языке XIX в., включающее в себя привлечение и анализ экстралингвистических факторов.

Понятие ‘магазин’: традиционные термины и мир торговли до XIX века

В начале XIX в. мы находим несколько основных единиц, которые используются для описания различных мест торговли: *échope*, *boutique*, *foire*, *taverne*. Но лишь две из них могут быть отнесены нами к единицам, обслуживающим понятие ‘магазин’, – *échope* и *boutique*. Слово *échope* заимствуется французским языком из нидерландского *schoppe* в XIII в. (1230 *escoppe*, 1285 *eschope*) со значением ‘небольшой магазин под навесом у стены’ (*petite boutique en appentis et adossée à un mur*) [DHLF]. Этот термин германского происхождения в общегерманском имел значение ‘лачуга’, ‘барак’, а его производные мы находим в немецком (*Schuppen*) и в английском

(*shop*). Изначально использование данной лексической единицы было отмечено на севере Франции. Также предполагается, что именно значение английского термина *shop* повлияло на значение этого термина во французском [DHLF]. В XIX в. единица *échoppe* используется для обозначения небольшого магазина под навесом, что можно было бы также назвать лавкой: «*petite boutique en planches, ordinairement bâtie en apprentis*» [Littré]. Однако это свое значение слово приобретает не сразу: в начале XVII в. эта единица определяется следующим образом: «*petites boutiques aux Hales de Paris, dont le dessus est à un particulier, et le dessous aux rez de chaussée est au Roi*» [Nicot 1606]. Вероятно, перелом в значении происходит в середине XVII в., так как словарь А. Фюретьера (1690) предлагает определение слова *échoppe*, которое отличается от дефиниции начала века и остается актуальным в XIX в.: «*petite boutique attachée à un mur, & couverte en apprentis, qui se bâtit en des leieux passans, & où il se fait grand commerce*» [Furetière 1690]. XIX век знаменует упадок этой формы торговли, которая не выдерживает конкуренции с универмагами.

Нужно отметить, что мелкая торговля, зачастую осуществляемая прямо под открытым небом, является отличительной чертой Парижа первой половины XIX в. Помимо лавок под навесом, мы находим еще и ярмарки (*foire*), и рынки (*marché*), и людей, которые занимаются колпортажем (*colportage*). Явление колпортажа переживает свой расцвет и приходит в упадок в первой половине XIX в. Слово *colportage* фиксируется словарями в 1723 г. в составе словосочетания *littérature de colportage*: «*On appelle littérature de colportage les ouvrages diffusés par les colporteurs entre le XVe et le XIXe s., notamment les romans populaires de la “Bibliothèque bleue”*» [DHLF]. Колпортаж играл большую роль в развитии экономической и социокультурной жизни французского общества со времен Средневековья и вплоть до появления современных транспортных сетей. Однако те, кто занимался продажей литературы, которая была запрещена, нередко страдали от атак со стороны полиции: «*Les mouchards font sur-tout la guerre aux Colporteurs, espece d’hommes qui font trafic des seuls bons livres qu’on puisse encore lire en France, & conséquemment prohibés*» [Mercier 1789: 110].

Обратимся теперь к ключевой традиционной лексической единице, обслуживающей понятие ‘магазин’ в XIX в., – *boutique*. Будучи заимствованием, это слово входит во французский язык в XIII в. В Средние века под словом *boutique* понимали ‘полку’, ‘прилавок’; это слово впоследствии дало два значения: «*lieu où un marchand étale et vend sa marchandise, où l’artisan travaille*», которое соответствует специальному торговому определению термина, а также «*lieu où s’élaborent ou se combinent toutes sortes de choses*» [DMF]. Значение, которое предлагает словарь Ж. Нико (1606), фактически не отличается от средневекового употребления этого термина: «*la partie du logis de quelque marchand que ce soit, où il tien à huys ouvert la marchandise qu’il explore à vendre*» [Nicot 1606]. В XIX в. это слово определяется лексикографией следующим образом: «*Lieu où un marchand étale et vend sa marchandise, où un artisan travaille*» [DAF 1878]; «*Lieu où un marchand vend sa marchandise*» [Littré]. Из словарных статей следует, что данное слово использовалось для обозначения наиболее привычной нам формы торговли под названием «магазин»: это место, а именно помещение, где торговец хранит, демонстрирует и продает свой товар. Более того, анализ словарных статей показывает, что слово *boutique* не претерпевает значительного развития со Средних веков и вплоть до XIX в., – впрочем, как и реалья, для обозначения которой оно используется. Однако в XIX в. этот традиционный термин сталкивается с конкуренцией синонимичной ему новой единицы словаря коммерции – семантическим неологизмом *magasin*.

Magasin – традиционный термин и семантический неологизм

Слово *magasin* заимствуется французским языком из арабского в XV в. со значением ‘склад’ («entrepôt de marchandises (dans les ports de la Méditerranée)» [DMF]), которое сохраняется за этим термином и в наши дни, особенно в военном контексте (ср. совр. русское сочетание *магазин от автомата*, где слово *магазин* используется для обозначения части оружия). Однако на сегодняшний день слово *magasin* в значении ‘склад товаров’ употребляется редко, за исключением стран Африки, где этим термином называют любое помещение, где хранятся товары («tout local ou l’on entrepose des marchandises» [DHLF]).

В начале XVII в. слово *magasin* начинает использоваться для обозначения места торговли вместе с термином *boutique*, однако поначалу *magasin* отличается от него тем, что употребляется только по отношению к местам продажи оптом [DHLF]. Это значение мы находим в словаре А. Фюретьера конца XVII в.: «On appelle un Marchand en *magasin*, celui qui ne tient point boutique, qui vend en gros les étoffes, les marchandises» [Furetière 1690]. Значение ‘торговец оптовым товаром’ сохраняется и в пятом издании Словаря французской Академии: «On appelle *Marchand en magasin*, Celui qui vend ses marchandises en gros» [DAF 1798].

Однако в XIX в. в развитии этого слова происходят важные сдвиги, обусловленные эволюцией экстралингвистических реалий, а именно – появлением новой формы торговли под названием *grand magasin*. Первые универсальные магазины появляются в Париже уже на рубеже веков (Le Pygmalion – в 1793 г., les Trois Quartiers – в 1829), но они далеко не сразу начинают создавать конкуренцию традиционным формам торговли, чему можно найти два объяснения: во-первых, универсальные магазины всё еще довольно малочисленны, а во-вторых, в начале XIX в. происходит значительный рост населения Парижа (1801 г. – 547 756 человек, 1846 г. – 1 053 897 человек) [Becker, Gaillard 1986: 9]. Однако эпоха Второй империи (1852–1870), для которой характерны значительный прогресс в сфере промышленности и бурный процесс урбанизации, становится периодом разрушения этого баланса между старыми и новыми формами коммерции.

Развитие экстралингвистических реалий находит свое отражение в лексикографии: в 1835 г. шестое издание Словаря французской Академии отмечает сдвиг значения слова *magasin*, которое теперь используется в качестве синонима слову *boutique* и больше не относится лишь к местам продажи оптом. Одновременно с этим данное издание предлагает следующие сочетания в качестве примеров использования термина *magasin* со значением ‘boutique’: *magasin de livres, d’étoffes, d’épiceries; magasin de modes, de nouveautés* [DAF 1835]. Во-первых, данные сочетания могут являться свидетельством развития видовых терминов, уточняющих специализацию магазина; во-вторых, в качестве примера предлагается и затем фиксируется сочетание *magasin de nouveautés*, которое представляет собой особенно важную единицу словаря коммерции XIX в. Этот неологизм используется для описания магазина, который продает новые модные ткани и одежду, – данное употребление характерно главным образом для начала XIX в. и относится к универсальным магазинам, появившимся на рубеже веков.

И, наконец, сочетание, которое фиксируется лексикографией лишь с 1883 г. (год публикации романа «Дамское счастье» Э. Золя) и играет особенно важную роль в эволюции сферы коммерции в XIX в., – *grand magasin* [DHLF]. Данное сочетание имеет следующее значение: «grand établissement de vente au détail réunissant en un même lieu de nombreux rayons spécialisés» [CNRTL]. Возникновение этого

термина напрямую связывают с появлением универмагов середины и второй половины XIX в.: Au Bon Marché (1852), Le Louvre (1855) и Le Printemps (1865). Эта лексическая единица является одним из ключевых слов-свидетелей, так как она обозначает явление, которое в корне изменило многие сферы жизни общества.

Заключение

Цель анализа, представленного в данной статье, – проследить эволюцию словаря коммерции во французском языке XIX в. на примере понятия ‘магазин’. Мы рассмотрели основные лексические единицы, которые использовались для обозначения данного понятия на протяжении XIX в. В заключение мы еще раз обратимся к экстралингвистическим данным, чтобы продемонстрировать то, как эволюционируют сфера торговли и ее ключевое понятие ‘магазин’ в XIX в.

Дело в том, что именно с появлением универсальных магазинов появляется и формируется и то общество потребления, в котором мы живем по сей день. Во-первых, меняется само целеполагание «хождения по магазинам»: если раньше необходимость покупки объяснялась нуждой в утраченном или испорченном предмете, то теперь этот процесс может вовсе не предполагать совершения покупки, а лишь получение удовольствия от рассматривания товаров [Hennessy 2015: 11]. Во-вторых, покупка товаров в универсальном магазине становится обязательной чертой идентичности столичной буржуазии, иными словами, товары универмагов приобретают символическую ценность: «Товары из Bon Marché были настолько переплетены с представлением о буржуазном образе жизни, что покупка скатерти или пальто для похода в театр в Bon Marché становится покупкой буржуазного статуса» [Hennessy 2015: 19]. Еще одним важным изменением в сфере коммерции можно назвать то, что теперь приобретение товара не имеет границ: широкий ассортимент и возможность покупки в кредит снимают главные ограничения коммерции старого образца [Hennessy 2015: 11].

Более того, появление универсальных магазинов послужило причиной трансформации роли женщины в публичной сфере общества. Эти изменения коснулись не только и не столько женщин – наемных работниц универмагов, сколько их посетительниц. Выражение, которое фиксирует словарь Littré, *courir les magasins*, используется для описания практики «хождения по магазинам» – занятия, которое очень быстро начинает играть большую роль в жизни парижанок. Таким образом, универсальные магазины могут быть названы первой публичной сферой, в которой женщина являлась активным субъектом. Однако пока не может идти и речи об эмансипации женщины: в XIX в. она по-прежнему остается *объектом*, в том числе и объектом сексуального желания, и эта объективация реализуется в том числе посредством покупки и украшения себя разного рода товарами отдела готовых изделий (*confection*).

Всё это говорит о том, что в XIX в. понятие ‘магазин’ претерпевает значительное развитие, которое требует отказа от старой номинации и введения семантического неологизма – *magasin*. Это слово не только окончательно утверждается в значении ‘магазин’ (*boutique*), но и развивает новые сочетания и превосходит этот старый термин по частотности употребления, представляя собой, таким образом, одно из важнейших слов-свидетелей эпохи XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

Мильчина В. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 940 с.

Becker C., Gaillard J. Au bonheur des dames, Zola: analyse critique. Paris: Hatier, 1986. 79 p.

Hennessy S. Consumption, Domesticity, and the Female Body in Emile Zola's Fiction. Lewiston; Lampeter: Edwin Mellen Press, 2015. 185 p.

Mercier L.-S. Tableau de Paris. Vol. 1. 1789. 188 p.

Zola É. Au bonheur des dames. Paris, 1998. 534 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Dictionnaire de l'Académie Française. La cinquième édition. Paris: Chez JJ Smits et Ce., Imp. Lib., 1798.

Dictionnaire de l'Académie Française. La sixième édition. Paris: P. Dupont, 1835.

Dictionnaire de linguistique. Larousse: Trésor du français, 1994.

Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts, par feu Messire Antoine Furetière, 1690.

Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. Paris, 2011.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales: <http://www.cnrtl.fr>

Dictionnaire de la langue française, par É. Littré: <https://www.littre.org>

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_51.htm

REFERENCES

Milchina V. (2013) Paris in 1814–848: Everyday Life. Moscow. Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. 940 p.

Becker C., Gaillard J. (1986) Au bonheur des dames, Zola: analyse critique. Paris. Hatier. 79 p.

Hennessy S. (2015) Consumption, Domesticity, and the Female Body in Emile Zola's Fiction. Lewiston; Lampeter. Edwin Mellen Press. 185 p.

Mercier L.-S. (1789) Tableau de Paris. Vol. 1. 188 p.

Zola É. (1998) Au bonheur des dames. Paris. 534 p.

LEXICOGRAPHY

Dictionnaire de l'Académie Française, la cinquième édition. Chez JJ Smits et Ce., Imp. Lib. Paris, 1798.

Dictionnaire de l'Académie Française, la sixième édition. Paris: P. Dupont, 1835.

Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. Paris, 2011.

Dictionnaire de linguistique. Larousse: Trésor du français, 1994.

Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts, par feu Messire Antoine Furetière, 1690.

ELECTRONIC RESOURCES

Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales: <http://www.cnrtl.fr>

Dictionnaire de la langue française, par É. Littré: <https://www.littre.org>

Akhmanova O.S. The Dictionary of Linguistic Terms: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_51.htm

Сведения об авторе:

Анна Евгеньевна Сидоревич,
магистр филологии
филологический факультет
кафедра французского языкознания
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anna E. Sidorevich,
Master of Philology
Philological Faculty
French Language Department
Lomonosov Moscow State University
anya.sidorevich@gmail.com

Сьци У (Москва, Россия)

Отклонения в области произношения сонорных согласных в русской речи китайцев

Аннотация: В статье анализируются черты иностранного акцента и выявляются причины отклонений в области произношения сонорных согласных в русской речи китайцев. На основании проведенного анализа предлагаются методические разработки по коррекции произношения сонорных в иноязычной аудитории. Результаты проведенного исследования имеют не только теоретическое, но и практическое значение для обучения произношению русских сонорных в иностранной аудитории.

Ключевые слова: произношение, сонорные согласные, русский язык, китайский язык, иностранный акцент, методические разработки

Siqi Wu (Moscow, Russia)

Deviations in the Pronunciation of Sonorous Consonants in the Russian Speech of the Chinese

Abstract: The article analyzes the features of foreign accent and identifies the causes of deviations in the pronunciation of sonorous consonants when the Chinese speak Russian. Based on the analysis, methodological elaborations for the correction of pronunciation of sonorous consonants in a foreign-language are proposed. The results of the study are not only theoretical, but also practical ones for auditory training of the pronunciation of Russian sonorous consonants.

Key words: pronunciation, sonorous consonants, Russian, Chinese, foreign accent, methodological elaborations

Одной из важнейших задач преподавания русского языка как иностранного является обучение звучащей речи. В учебном пособии Е.Л. Бархударовой, О.Н. Коротковой и Л.В. Красильниковой отмечается, что «хорошее произношение является обязательной предпосылкой успешного освоения языка. По этой причине курсы русской практической фонетики занимают важное место в обучении русскому языку как иностранному» [Бархударова, Короткова, Красильникова 2017: 6–7]. Разработка национально ориентированного курса русской звучащей речи невозможна без данных сопоставительной фонетики родного и изучаемого языков.

Настоящая статья посвящена отклонениям в области произношения сонорных согласных в русской речи китайцев. Именно в произношении сонорных согласных китайцы делают самые разные ошибки. Ошибки китайцев в области произношения сонорных согласных связаны, во-первых, с отсутствием определенных звуковых единиц в родном языке. Во-вторых, с «мнимым» сходством сонорных согласных. В-третьих, с позиционной реализацией сонорных.

Для того чтобы проанализировать произношение сонорных согласных в русской речи китайцев, представляется целесообразным сопоставить подсистему сонорных в русском и родном для учащихся языках.

В русском языке существуют 9 сонорных фонем: <л>, <л'>, <м>, <м'>, <н>, <н'>, <р>, <р'>, <ѵ> [Князев, Пожарицкая 2012: 38]¹, тогда как в китайском языке имеется всего 4 сонорных согласных: <л>, <м>, <н>, <ѵ>. Это обусловлено тем, что, во-первых, в китайском языке отсутствует категория твердости-мягкости, во-вторых, в китайском языке нет дрожащего. Следующие таблицы демонстрируют системы сонорных согласных русского и китайского языков.

Таблица 1. Сонорные согласные русского языка

Способ образования Место образования	Губно-губные		Переднеязычные зубные		Переднеязычные переднеязычные		Среднеязычные среднеязычные
	Твердые	Мягкие	Твердые	Мягкие	Твердые	Мягкие	
Носовые	м	м'	н	н'			
Боковые			л	л'			
Дрожащие					р	р'	
Щелевые							ѵ

Таблица 2. Сонорные согласные китайского языка

Способ образования Место образования	Губно-губные	Переднеязычные альвеолярные	Заднеязычные заднеязычные
	Носовые	м	п
Боковые		л	

¹ Звуков, встречающихся в русской речи, еще больше. Так, на конце слова возможно произношение глухих сонорных. Кроме того, в определенных позициях встречаются губно-зубной и заднеязычный носовые. Звукотипу [ѵ] соответствуют звуки [j] и [и] (см. [Князев, Пожарицкая 2012: 49–51]).

Е.Л. Бархударова указывает, что «практика изучения причин возникновения иностранного акцента в русской речи позволяет выделить три направления сопоставительного анализа “контактирующих” фонетических систем: 1) исследование состава фонем и характеризующих их признаков в сопоставляемых языках; 2) описание артикуляционной базы и артикуляционного образования звуков изучаемого и родного языков; 3) анализ позиционных закономерностей звукового строя изучаемого и родного языков» [Бархударова 2015: 146].

Исходя из перечисленных направлений, на примере исследования китайского акцента в настоящей работе описаны основные отклонения произношения сонорных согласных в речи китайцев и причины этих отклонений.

1. Исследование состава сонорных согласных фонем и характеризующих их признаков в сопоставляемых языках

Из таблиц, представленных выше, можно заметить расхождение между системами русских сонорных и китайских сонорных по месту образования, способу образования и твердости / мягкости.

Следует отметить, что, как правило, для иностранцев мягкие сонорные легче произнести, чем твердые сонорные, однако для китайцев обычно больше трудностей представляет произношение мягких сонорных, а не твердых. Такое явление может быть объяснено тем, что китайские сонорные хотя и отличаются артикуляционно от русских твердых и мягких согласных, тем не менее акустически и перцептивно они больше похожи на русские твердые сонорные.

Известно, что для китайских учащихся одним из самых трудных считается звук [р], так как в китайском языке отсутствует дрожащий звук. Это отмечал Р.И. Аванесов: «Образование русского [р] представляет иногда серьезные затруднения для нерусских» [Аванесов 1956: 120].

Особым вопросом является влияние фонетической позиции на степень сложности произношения [р] китайцами. В работе «Акустические и перцептивные характеристики русского веляризованного вибранта в речи русских, китайских и турецких дикторов» представлено описание фонетического эксперимента. По результатам проведенных наблюдений позиция между гласными оказалась самой легкой для произношения русского [р] китайскими студентами, а самой трудной для артикуляции вибраций [р] оказалась позиция между паузой и согласным как в начале слова (в словах типа *рты, рдеть, ртуть*), так и в конце слова после согласного (например, *театр, литр, центр*). В этой позиции в речи китайцев наиболее часто встретилось произношение [р] без смычки, что не соответствует нормам русского литературного языка (см. [У Сыци 2017: 25–49]).

Для того чтобы помочь китайцам произнести звук [р], обычно можно использовать сочетания [тр] или [др], так как когда мы произносим звук [р], наш кончик языка поднимается вверх, а звуки [т] и [д] – переднеязычные зубные, поэтому звуки [т] и [д] являются звуками-помощниками при произношении русского дрожащего [р]. Следует отметить, что после тренировки произношения сочетаний [тр] и [др] необходимо тренировать произношение сонорного [р] отдельно, потому что сложный момент артикуляции сонорного [р] – отсутствие ощутимой смычки в начале артикуляции звука. Положение в начальной стадии артикуляции [р] таково, что язык не прижимается к небу, а только приближается к нему (вокалический элемент). На следующем этапе артикуляции язык быстро прикасается к небу (смычка). Если же вибрант находится после согласных [т] и [д], исходным

положением языка становится смычка с пассивным органом, что соответствует смычке взрывных. Таким образом, положение дрожащего после [т], [д] позволяет избежать сложной начальной артикуляции вибранта, когда язык поднят к нёбу, но смычка отсутствует. Поэтому тренировка отдельного сонорного [р] является обязательной предпосылкой для успешного освоения произношения сонорного [р].

2. Описание артикуляционной базы и артикуляционного образования звуков изучаемого и родного языков

Во-первых, в родном языке учащихся бывают звуки, столь незначительно отличающиеся от русских аналогов, что в практике обучения произношению таким различием можно пренебречь [Бархударова 2015: 150]. Как видно из таблиц, способ образования и место образования русского [м] и китайского [m] одинаковые, поэтому в работе с китайскими учащимися можно опереться на сходство носовых губно-губных смычных согласных в двух «контактирующих» фонетических системах, а именно – русского [м] и китайского [m].

Во-вторых, сходство звуков следует отличать от «мнимого» сходства. Л.В. Щерба полагает, что «особые трудности кроются даже не в тех звуках, которым нет аналогичных в родном языке учащегося, а как раз в тех, для которых в этом последнем имеются сходные звуки» [Щерба 2004: 128]. К числу звуков «мнимо» сходных можно отнести, например, русский и китайский смычные боковые [л] и [l]. Боковые в русском и китайском языках отличаются целым рядом артикуляционных признаков. По месту образования звук [л] в русском языке – переднеязычный зубной, а звук [l] в китайском языке – переднеязычный передненебный. Что касается артикуляции кончика языка, следует отметить, что китайский [l] – апикальный, а русский [л] – ламинальный. Кроме того, русский [л] – веляризованный, в отличие от китайского [l]. Таким образом, произношение бокового звука для китайцев не представляет большой сложности, однако произношение китайцев отклоняется от нормы: китайцы часто меняют русский переднеязычный зубной веляризованный [л] на родной передненебный апикальный невеляризованный [l].

3. Анализ позиционных закономерностей звукового строя изучаемого и родного языков

Китайский язык отличается от русского тем, что в русском языке сонорные звуки могут встречаться во всех позициях, но в китайском языке, за исключением звука [n], остальные сонорные могут произноситься только перед гласными. Звук [n] может находиться в двух позициях: 1) перед гласными; 2) на конце слова после гласных [a], [e], [i] и [u], например, сочетания [nan], [nen], [nin] и [nun]. Следует отметить, что в китайском языке отсутствует сочетание [on], поэтому в русской речи китайцам трудно произнести сочетание [он].

В китайском языке на конце слова встречается сонорный заднеязычный согласный звук [ŋ]: смешение [n] и [ŋ] часто встречается в китайском акценте, соответственно, китайцы часто произносят китайский [ŋ] вместо русского [н] в позиции после [о]: например, **со*[ŋ] вместо *со*[н], **зако*[ŋ] вместо *зако*[н] и т. д.

В русском языке встречаются сочетания сонорных согласных с сонорными или с шумными, которые не допускают гласной вставки после сонорного, например, *гимн*, *Берн*, *Карл* и т. д. Китайцы часто произносят эти сочетания с гласными вставками: *гим*[ъ]н, *Бер*[ъ]н, *Кар*[ъ]л.

С учетом изложенных в настоящей статье сведений о фонетических системах русского и китайского языков и спрогнозированных ошибок, можно предложить такую последовательность работы над сонорными согласными в китайской аудитории.

Начинать постановку русских сонорных звуков следует с губно-губного носового согласного: этот звук есть в русском и китайском языках и не должен вызывать затруднений. Кроме этого губная артикуляция является наблюдаемой и хорошо контролируемой. Затем нужно отработать произношение мягкого звука [м'] и противопоставление губных по твердости – мягкости. Твердость – мягкость русских звуков определяется дополнительной артикуляцией палатализации или веляризации. В случае губных наиболее легко разграничить основную артикуляцию (место образования) и дополнительную язычную артикуляцию (палатализацию и веляризацию), а затем отработать произношение палатализованных и веляризованных губных.

Далее следует обратить внимание на постановку русского носового зубного согласного: этот звук также есть в русском и китайском языках и для китайцев чаще всего не будет представлять большой трудности. Однако существуют некоторые случаи, когда произношение носового вызывает затруднение, например на конце слова после [о]. Произношение в позиции после [о] следует отработать отдельно. Затем нужно отработать произношение мягкого звука [н'] и противопоставление носовых по твердости – мягкости.

Далее следует поставить русский дрожащий звук [р]: этот звук существует в русском языке, а в китайском языке его нет, поэтому для китайцев произношение звука [р] представляет значительную трудность. На начальном этапе работы над вибрантом нужно владеть произношением звука [р] с помощью звуков-помощников [т] и [д]. Стоит обратить особое внимание на то, что звук [р] в различных позициях приведет к различным степеням сложности для китайцев. Следовательно, нужно отработать произношение [р] в различных позициях (начиная с самых легких и до наиболее трудных): в позиции между гласными [а]; в начале слова; в начале слова после согласного; в конце слова после согласного. Затем нужно отработать произношение мягкого [р'] и противопоставление дрожащих по твердости – мягкости.

Затем следует отработать произношение русского бокового согласного: обратить внимание на артикуляционные различия русского [л] и китайского [l]: место образования, положение кончика языка, дополнительную артикуляцию веляризации. Затем нужно отработать произношение мягкого [л'] и противопоставление боковых по твердости – мягкости.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

В процессе обучения китайцев произношению русских сонорных важно учитывать влияние родного языка на их интерферированное русское произношение, т. е. в ходе постановки правильного произношения необходимо учесть особенности фонетической системы родного языка. На основе сопоставления фонетических систем русского и китайского языков можно спрогнозировать следующие акцентные черты носителей китайского языка.

1. Произношение твердых сонорных для китайцев легче, чем мягких сонорных.

2. Дрожащий согласный звук [р] для всех китайцев представляет трудность, китайцы часто произносят [l] вместо [р]. Самой трудной для произношения русского [р] является позиция между паузой и согласным как в начале слова, так и в конце слова после согласного.

3. Китайцы часто произносят китайский [ŋ] вместо русского [н].

Оптимальная последовательность работы над произношением сонорных согласных в китайской аудитории следующая. Сначала отрабатывается произношение твердых и мягких губных. Далее – твердых и мягких носовых. Потом отрабатывается произношение наиболее сложных звуков: твердых и мягких дрожащих и твердых и мягких боковых.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Издательство Московского университета, 1956. 240 с.

Бархударова Е.Л. Основы сопоставления фонетических систем изучаемого и родного языков в контексте обучения произношению // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2015. № 3. С. 143–158.

Бархударова Е.Л., Панков Ф.И. По-русски – с хорошим произношением: Практический курс русской звучащей речи. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 2015. 192 с.

Бархударова Е.Л., Короткова О.Н., Красильникова Л.В. Русский язык как иностранный: фонетика, словообразование: учебное пособие. М.: Ключ-С, 2017. 248 с.

Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: Издательство Московского университета, 1963. 308 с.

Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика, орфография: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2012. 430 с.

У С. Акустические и перцептивные характеристики русского веляризованного вибранта в речи русских, китайских и турецких дикторов. Выпускная квалификационная работа магистра. М., 2017.

У С. Сонорные согласные в русской речи китайцев. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018» / Отв. ред.: И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М., 2018. (lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2018/data/section_35_12869.htm).

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

REFERENCES

Avanesov R.I. (1956) Phonetics of the Modern Russian Literary Language. Moscow. Moscow University Press. 240 p.

Barhudarova E.L. Bases of Comparison of Phonetic Systems of the Studied and Native Languages in the Context of Teaching Pronunciation. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 2015. No 3, pp. 143–158.

Barhudarov E.L., Pankov F.I. (2015) Speak Russian – with Good Pronunciation: A Practical Course of Russian Oral Speech. 2nd ed., rev. and extra. Moscow. Russky Yazyk Publ. 192 p.

Barhudarova E.L., Korotkova O.N., Krasilnikova L.V. (2017) Russian as a Foreign Language: Phonetics, Word Formation: Textbook. Moscow. Klyuch-S Publ. 248 p.

Bryzgunova E.A. (1963) Practical Phonetics and Intonation of the Russian Language. Moscow. Moscow University Press. 308 p.

Knyazev S.V., Pozharitskaya S.K. (2012) The Modern Russian Literary Language: Phonetics, Orthoepy, Graphics, Spelling: Textbook for Universities. 2nd ed., rev. and extra. Moscow. Academicheskyy Proect Publ; Gaudeamus Publ. 430 p.

Wu S. (2017) Acoustic and Perceptual Characteristics of the Russian Velarized Vibrant in the Speech of Russian, Chinese and Turkish Announcers. Final Qualifying Work of the Master. Moscow.

Wu S. (2018) Sonorous Consonants in the Russian Speech of the Chinese: Materials of the International Youth Scientific Forum «LOMONOSOV-2018» / Resp. ed. by I.A. Aleshkovsky, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov. [Electronic resource]. Moscow (lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2018/data/section_35_12869.htm).

Shcherba L.V. (2004) Language System and Speech Activity. 2nd ed. Moscow. Editorial URSS Publ. 432 p.

Сведения об авторе:

Съци У,
аспирант
филологический факультет
кафедра дидактической лингвистики и
теории преподавания русского языка
как иностранного
МГУ имени М.В. Ломоносова

Siqi Wu,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Department of Didactic Linguistics and Theory
of Teaching Russian as a Foreign Language
Lomonosov Moscow State University
wsqlll@yandex.ru

К.А. Шахмаева (Тольятти, Россия)

Роль графических выделений в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»

Аннотация: Визуальный образ – это первое, с чем сталкивается читатель во время первичного восприятия любого письменного или печатного текста. Во многом он зависит от таких факторов, как шрифтовое оформление, использование типографических и иконических знаков, пунктуация. Однако первостепенный фактор восприятия текста – это графика и графические средства оформления текста.

В представленной статье рассматривается проблема функционирования графических средств в художественном произведении на примере романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные». Предметом исследования выступили графические выделения как средства создания образности. Новизна статьи состоит в том, что в ней выявляются особенности использования графических выделений в романе «Униженные и оскорбленные», определяются части речи слов, графически выделенных в произведении, а также функции графических выделений.

Ключевые слова: графические средства, графика, курсивное выделение, Ф.М. Достоевский «Униженные и оскорбленные»

К.А. Shakhmaeva (Tolyatti, Russia)

The Role of Graphic Selections in Fyodor Dostoevsky's Novel "The Insulted and Humiliated"

Abstract: A visual image is the first thing the reader encounters during the initial perception of any written or printed text. It largely depends on such factors as font design, the use of typographic and iconic characters, punctuation. However, the primary factor of text perception is graphics and graphic means of text design.

The article deals with the problem of the functioning of graphic means in a work of art on the example of the novel by Fyodor Dostoevsky "The Insulted and Humiliated". Graphic selections as a means of creating imagery were the subject of the article. The novelty of the article lies in the fact that it reveals the features of the use of graphic selections in the novel "The Insulted and Humiliated", defines the parts of speech of words graphically highlighted in the work, as well as the functions of graphic selections.

Key words: graphical tool, graphic, italics, Fyodor Dostoevsky "The Insulted and Humiliated"

Графические средства в художественном тексте играют немаловажную роль для восприятия и осмысления этого самого текста. В обычных условиях графическая форма произведения – это абсолютно проницаемая субстанция, лишенная определенной смысловой нагрузки. Но как только автор преднамеренно отклоняется от графического оформления согласно нормативам, он нарушает прозрачность и проницаемость текста.

Графические средства выделения в художественном тексте играют важную роль для понимания авторского замысла. А.В. Чичерин [Чичерин 1965], Е.А. Иванчикова [Иванчикова 1979], В.Н. Захаров [Захаров 1979], Е.Н. Батурина [Батурина 2005] и другие ученые, анализируя творчество Ф.М. Достоевского, отмечали обилие курсивных выделений, которые выполняют функции логического выделения, семантического уточнения и пояснения, экспрессии, усиления внимания на ключевом слове.

Обилие графических выделений в романе «Униженные и оскорбленные» способствует пониманию читателем замысла автора, а также конкретизирует смысловое выделение той или иной текстовой единицы. Основным графическим средством в произведении является курсив. В романе «Униженные и оскорбленные» было выделено 147 текстовых единиц в данном шрифтовом оформлении, из которых на первую часть романа приходится 32 курсивных выделения, на вторую – 9, на третью – 46, на четвертую – 20. В эпилоге количество текстовых единиц в данном шрифтовом оформлении составляет 40 выделений. Далее мы рассмотрим, какими частями речи представлены шрифтовые акценты, а также подробнее остановимся на функциях графических выделений.

В романе «Униженные и оскорбленные» выделяются 52 местоимения. Эта часть речи является преобладающей, поскольку в тексте слова, выраженные местоимениями, являются значимыми и акцентируют внимание читателя на конкретном персонаже, событии или месте. Так, в предложении: «Ты к *нему*, Наташа?» [Достоевский 2015: 52] автор выделяет местоимение «*нему*». Данный шрифтовой акцент демонстрирует однозначность интерпретации использованной текстовой единицы, нагружая ее конкретным смыслом, т. е. данное местоимение указывает на определенное лицо, а именно – на Алексея Валковского.

Указательную функцию выполняет выделенное местоимение и в предложении «...заметьте, я говорю о постороннем, а не *о нашем* деле» [Достоевский 2015: 353]. В данном случае графическое выделение позволяет акцентировать внимание читателя на дополнительном смысле, вложенном в слово, а также избежать его неверной трактовки.

Также курсивом выделены глаголы (21 употребление), существительные (17), краткие и полные формы прилагательных (18), причастия и наречия (5), отмечены единичные случаи выделения порядкового числительного, утвердительной частицы и союза.

Остановимся на функции существительных. В произведении они могут выполнять определяющую подтекст функцию: «Черная *кошка* пробежала между нами» [Достоевский 2015: 282]. В данном случае, выделяя существительное курсивом, Достоевский прибегает к использованию аллегорического образа, посредством которого передает взаимоотношения героев.

Подтекст присутствует и в предложении: «Он даже покраснел, когда начал говорить *о деле*» [Достоевский 2015: 421]. Шрифтовой акцент на существительном способствует раскрытию дополнительного смысла, вложенного в данное слово.

Под «делом» подразумевается разрешение конфликта Николая Сергеевича с князем Валковским.

Кроме того, курсивная текстовая единица помогает создать образ героя, а также подчеркнуть его типичные черты поведения, привычки, особенности характера: «...точно она сама наслаждалась своей болью, этим *эгоизмом страдания*, если так можно выразиться» [Достоевский 2015: 404]. В данном случае существительные способствуют формированию психологического портрета героини.

Также графически выделенные существительные в романе могут выполнять экспрессивную функцию: «И хоть мне и больно будет, если он не захочет понять, чего мне самой стоило всё это *счастье* с Алешей, какие я сама страдания перенесла, то я подавлю свою боль, всё перенесу...» [Достоевский 2015: 116]. Несмотря на все невзгоды, испытания, душевные терзания, которые вынесла Наташа, она считает их отношения с Алексеем счастьем. В данном случае существительное выделяется графически с целью передачи отношения героини к сложившейся ситуации.

В тексте Достоевский графически выделяет три имени собственных. В предложении «У меня голова трещит, когда подумаю о его будущности, а главное, о будущности *Анны* Николаевны, когда она будет его женой» [Достоевский 2015: 248] выделение курсивом имени существительного акцентирует внимание читателя на психологическом состоянии князя Валковского. Погруженный в собственные мысли, он не замечает, что перепутал имена. Именно для привлечения внимания к душевному состоянию героя автор выделяет существительное курсивом.

Следующее имя, графически выделенное в тексте романа, встречается в предложении «Я с ней спорил, доказывал ей, говорил, что эта женщина называется *Наташа* и что во всем свете, может быть, только одна есть равная ей...» [Достоевский 2015: 257]. В данном случае можно выявить указательную функцию курсивного выделения существительного. Герой как бы выделяет Наташу из всеобщей массы людей, а такие слова, как «только одна есть равная ей», окружающие имя героини, создают эффект усиления данной функции.

В предложении «Ваша верная *Нелли*» [Достоевский 2015: 394] автор акцентирует внимание читателя на имени составителя записки. Как и в предыдущем случае, курсивное выделение выполняет указательную функцию.

Также следует обратить внимание на курсивные глаголы. В романе преобладает выделение инфинитивов (9 употреблений). Данные глаголы в произведении выполняют связующую функцию и определяют подтекст глав, а порой и целых частей произведения: «Надо же окончательно высказаться, *договориться* до чего-нибудь, и, надеюсь, что в этот раз вы меня совершенно поймете» [Достоевский 2015: 348]. В представленном фрагменте рассказчик и князь Валковский рассуждают о разрешении ситуации с Алешей и Наташей: князь против их отношений, он хочет женить сына на Катерине. Выделенный глагол помогает читателю понять, что герой настроен завершить данный спор, прийти к определенному соглашению.

В предложении «Карета действительно премиленькая, и Александр Петрович на первых порах своего владения ею ощущает чрезвычайное удовольствие и даже некоторую душевную потребность *подвозить* в ней своих знакомых» [Достоевский 2015: 476] глагол «подвозить» указывает на психологическое состояние героя: выражая желание подвозить знакомых, Александр Петрович показывает новое приобретение, демонстрируя свою состоятельность.

В произведении выявлено 5 «курсивных» глаголов настоящего времени. В предложении «Анна Андреевна, увидя меня, грозит мне пальцем, махает на меня ру-

ками и *шикает* на меня, чтоб я не шумел» [Достоевский 2015: 477] с помощью графического выделения передается психологическое состояние героини. Анна Андреевна беспокоится за Нелли и не хочет, чтобы сон девочки был нарушен.

Курсивом выделен глагол и в предложении «Гм... ведь неприятно, когда промокнешь; а тут тебе и чаю *не хотят* приготовить» [Достоевский, 2015: 97]. Данное выделение демонстрирует состояние героя, как и в предыдущем примере. Николай Сергеич удручен тем, что судебный процесс с князем Валковским принимает худшее направление для Ихменева, и недоволен тем, что в доме относятся с мнимым безразличием к старику и его проблеме.

В романе встречаются глаголы прошедшего и будущего времени (по 3 употребления). Они могут характеризовать манеру поведения героев, особенности их взаимоотношений с другими персонажами. Например: «...если когда-нибудь, близко ли, далеко ли, теперь ли, или на будущий год, тебе покажется, что Маслобоев против тебя в чем-нибудь схитрил (и, пожалуйста, не забудь этого слова *схитрил*), – то знай, что без злого умысла» [Достоевский 2015: 315]. Также курсивное выделение глаголов может выполнять связующую функцию, определяющую подтекст произведения. Так, в предложении «Ну разумеется, и *поговорим* за ужином» [Достоевский 2015: 345] князь Валковский прямо не говорит о своих намерениях, однако поставленный на глаголе акцент позволяет читателю однозначно трактовать слова князя.

Есть в произведении единичный глагол в повелительном наклонении: «Послушай, Наташа, ты спрашиваешь – точно шутишь. *Не шути*. Уверю тебя, это очень важно» [Достоевский 2015: 128]. В данном случае курсивное выделение передает состояние рассказчика: мы можем уловить его раздраженность легкомысленным отношением Наташи к ситуации.

Таким образом, графические средства в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» играют важнейшую роль в восприятии текста, помогают правильно трактовать авторскую позицию. С помощью курсивных выделений текстовые единицы наделяются дополнительным, зачастую скрытым смыслом, а изменение начертания шрифта привлекает внимание читателя. Ф.М. Достоевский с помощью графического выделения существительных помогает читателю понять заложенные в словах смыслы, логически их подчеркнуть; сосредоточить внимание читателя на конкретном персонаже, событии или месте; уточнить мысль; эмоционально наполнить ее; даже совершить подмену понятий.

ЛИТЕРАТУРА

Батурина Е.Н. Роль ключевых слов в семантической структуре художественного текста: На материале текста романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук. Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2005. 160 с.

Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные. М.: АСТ, 2015. 512 с.

Захаров В.Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 1979. № 4. С. 21–27.

Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 288 с.

Чичерин А.В. Идеи и стиль. О природе поэтического слова. М.: Советский писатель, 1965. 371 с.

REFERENCES

Baturyna E.N. (2005) The Role of Key Words in the Semantic Structure of a Literary Text: by the Material of the Text of the Novel “Crime and Punishment” by F.M. Dostoevsky. Cand. Sci. (Philol.) Thesis. Vladivostok. 160 p.

Dostoevsky F.M. (2015) The Insulted and Humiliated. Moscow. AST Publ. 512 p.

Zakharov V.N. Word and italics in the Novel “Crime and Punishment”. *Russkaya Rech.* 1979. No 4, pp. 21–27.

Ivanchikova E.A. (1979) The Syntax of Dostoevsky’s Fiction. Moscow. Nauka Publ. 288 p.

Chicherin A.V. (1965) Ideas and Style. On the Nature of the Poetic Word. Moscow. Sovetsky Pisatel Publ. 371 p.

Сведения об авторе:

Ксения Андреевна Шахмаева,
бакалавр
филологический факультет
ТГУ

Ksenia A. Shahmaeva,
Bachelor
Faculty of Philology
Tolyatti State University

shahmaevaka@mail.ru

А.В. Еремченко (Санкт-Петербург, Россия)

К проблеме лично-числовых предпочтений глаголов «поведения» (на материале болгарского языка)

Аннотация: Статья посвящена лично-числовым характеристикам глаголов семантического класса «поведения». На материале Болгарского национального корпуса изучается частотность употребления ряда лексем этой группы в разных лично-числовых формах. Рассматриваются признаки глаголов «поведения» как семантического типа предикатов, в том числе те, которые свидетельствуют о нехарактерности употребления данных глаголов в первом лице единственного и множественного числа, и предлагаются наблюдения об условиях реализации перволичных форм в тексте. Корпусный материал позволил выделить основные контексты, где запрет на перволичные формы снимается.

Ключевые слова: глаголы «поведения», семантическая типология предикатов, лицо глагола, болгарский язык

A.V. Eremchenko (Saint Peterburg, Russia)

Towards the Problem of Personal-Numerical Preferences of the Verbs of “Behaviour” (on the material of the Bulgarian language)

Abstract: The article deals with personal-numerical characteristics of Bulgarian verbs of “behavior”. The study of the frequency of use of such verbs in various personal-numerical forms is based on the materials of the Bulgarian National Corps. Considering the features of the verbs of “behaviour” as a semantic type of predicates, we observe the uncharacteristic use of these verbs in the first person singular and plural. Conditions for implementation of first-person forms are described. The Corps materials give the possibility to highlight the main contexts where the prohibition of first-person forms is cancelled.

Key words: verbs of “behaviour”, semantic typology of predicates, verb person, the Bulgarian language

Характерным признаком глаголов поведения (далее – ГП) является то, что в их «семантическую структуру входит субъект сознания (а именно, субъект оценки – почти всегда отрицательной), не совпадающий с субъектом самой деятельности... Глагол поведения дает вторичную номинацию наблюдателем той деятельности, которую ее субъект, скорее всего, назвал бы иначе» [Падучева 1996: 149–150].

К типичным примерам ГП относят такие русские глаголы, как *баловаться, безобразничать, беситься, важничать, глумиться, донимать, дурачиться, ершиться, жульничать, задаваться, заигрывать, заискивать, издеваться, кичиться, кривляться, лицемерить, подражать, потворствовать, пресмыкаться, придираться, разглагольствовать, сплетничать, философствовать* и др. Постулируется, что для этих глаголов не характерно употребление в первом лице. Задачей статьи является исследование особенностей лично-числового поведения данной группы глаголов. Актуальность исследуемой темы состоит в том, что условия лично-числового распределения не получили достаточного освещения, неясны контексты, которые блокируют или, наоборот, допускают формы первого, второго или третьего лица.

РАЗДЕЛ 1: ГЛАГОЛЫ ПОВЕДЕНИЯ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТИП ПРЕДИКАТОВ

Среди лингвистов не существует единого мнения о том, какую нишу занимают ГП в семантической классификации предикатов. Впервые данная группа глаголов упоминается в работе Т.В. Булыгиной [Булыгина 1982: 53]. В ее концепции ГП, тождественные предикатам-ситуациям, относятся к статическим явлениям, т. е. к предикатам, локализованным в определенном промежутке времени и не обладающим динамичностью. Е.В. Падучева [Падучева 1996: 149] рассматривает ГП как малую таксономическую категорию¹. Малыми, по Е.В. Падучевой, называются таксономические категории, являющиеся «отпочкованиями» от других таксономических категорий: они разделяют с ними часть особенностей, но обладают своей спецификой. ГП, как и еще одна «малая таксономическая категория» – занятия, примыкают к деятельности, «поскольку имеют субъект, контролирующей ситуацию» [Падучева 1996: 129]. Отличие ГП от деятельностей, согласно Е.В. Падучевой, состоит в том, что они предполагают субъект оценки, что «имеет многочисленные сочетаемостные последствия» [Падучева 1996: 129]. Е.Ю. Иванова, рассматривая данную группу на материале болгарского языка, вслед за Т.В. Булыгиной, относит ГП к контролируемым гомогенным «бесперспективным» процессам [Иванова 2012]. А.М. Айдарова и Т.В. Мазаева располагают ГП на пересечении трех полей: «Действие», «Состояние» и «Отношение» [Айдарова, Мазаева 2015].

В лингвистической литературе выдвигается несколько признаков, дифференцирующих ГП от других типов предикатов. Далее сгруппируем эти признаки на основании семантических, грамматических и контекстных факторов.

1) Семантические характеристики ГП:

– в семантическую структуру ГП «входит субъект сознания (а именно, субъект оценки – почти всегда отрицательной), не совпадающий с субъектом самой деятельности [Падучева 1996: 149–150];

– ситуация, передаваемая ГП, контролируется субъектом деятельности [Матханова 2012: 393];

– компаративность, т. е. определение типа наблюдаемого поведения, часто происходит посредством сравнения с поведением, типичным для какого-то класса людей. «Поэтому многие такие глаголы являются формальными производными от названий людей, поведение которых имеет явные характерные черты: *буянить, паясничать, ребячиться, скоморошничать, сумасбродить, фиглярствовать, хулиганить*» [Апресян 2004: 13].

¹ Термином «таксономические категории» Е.В. Падучева называет семантические типы предикатов (процессы, свойства, действия и т. д.). Подробнее см.: [Падучева 1996: 103].

2) Грамматические характеристики ГП:

– от ГП невозможно или затруднено образование форм СВ [Апресян 2004: 14];
– согласно Е.В. Падучевой [Падучева 1996: 150], НСВ у ГП не может иметь актуально-длительного значения. Ю.Д. Апресян, наоборот, считает, что ГП свободно употребляются в актуально-длительном значении НСВ, так как о поведении можно говорить тогда, когда станет известно о ряде однотипных актов объекта на протяжении какого-либо времени [Апресян 2004: 14];

– ГП неспособны мотивировать ингрессивы и делимитативы (исключения составляют *побаловаться* и *пококетничать*) [Падучева 1996: 151];

– для ГП характерна процессуальность, т. е. немгновенность, определенная длительность [Матханова 2012: 393];

– высказывания, содержащие глагол поведения, принципиально не могут содержать единичного действия [Матханова 2012: 396];

– настоящее время ГП является расширенным настоящим: «по типу соотносительности с осью времени поведения подобны устойчивым состояниям» [Падучева 1996: 150];

– употребление ГП в прошедшем времени затруднено по причине обязательно присутствия в семантике синхронного наблюдателя [Падучева 1996: 151];

– в зависимости от того, насколько удалены друг от друга момент совершения действия субъектом деятельности и оценка / обобщение его субъектом оценки, ГП употребляется в разных временных формах: в прошедшем, если временной «зазор» большой, и в настоящем, если временной «зазор» маленький [Матханова 2012: 394–395]:

<...> пока мы *суетились* да ахали, смотрим – а по улице скачут драгуны в таких касках и с лошадиным хвостом сзади (А.И. Герцен) [Матханова 2012: 396].

<...> он, кажется, нянчит ребенка, болтает с женой, охотится за сернами, – словом сказать, *бездельничает* <...> (Н.Г. Чернышевский) [Матханова 2012: 395].

3) Сочетаемостьные характеристики ГП:

– прототипические формы ГП свободно употребляются с начинательными глаголами (*Он стал / принялся / баловаться / безобразничать, буйнить, дурачиться, шалить*) [Апресян 2004: 15];

– ГП хорошо сочетаются с финитивными глаголами *перестать* и *бросить* в форме повелительного наклонения (*Брось / перестань дурачиться!*) [Апресян 2004: 15];

– для ГП характерна затрудненная сочетаемость с обстоятельствами цели, так как, «давая отрицательную оценку поведению субъекта, наблюдатель тем самым отрицает его целесообразность» [Падучева 1996: 151];

– для ГП характерна сочетаемость с обстоятельствами кратности, в то время как с обстоятельствами цикличности они почти не употребляются по причине их отрицательной окраски [Матханова 2012: 399]:

<...> садовник два раза в неделю напивается, *буйнит*, как бешеный бык (С. Черный);

– ГП непереходны [Матханова 2012: 393].

4) Контекстные признаки ГП:

– основные контексты употребления ГП – речевой акт упрека и предупреждение [Падучева 1996: 150].

К ГП ситуационно могут быть отнесены и глаголы других семантических классов [Иванова 2009: 254], [Матханова 2012: 393], [Айдарова 2015: 29], но в ядро ГП они не входят, оставаясь на периферии, например: *назълъндисвам се* ‘упираться, противиться’, *флиртувам* ‘флиртовать’.

РАЗДЕЛ 2: ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНО-ЧИСЛОВОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ БОЛГАРСКИХ ГП

В лингвистической литературе, посвященной ГП, отмечается, что употребление в первом лице в целом для них не характерно [Падучева 2006: 406], поскольку субъект оценки и субъект деятельности, как правило, не совпадают, следовательно, сам деятель оценил бы совершаемое действие по-другому. Кроме того, коммуникативная цель ГП «состоит в квалификации говорящим частного события как проявления определенного типа поведения» [Падучева 1996: 150]. Таким образом, для реализации коммуникативной функции необходимы как минимум два участника ситуации общения, что подтверждается примерами, приведенными Е.В. Падучевой для иллюстрации контекстов речевого акта упрека и предупреждения (*Зачем ты афишируешь, дурачишься*) [Падучева 1996: 150].

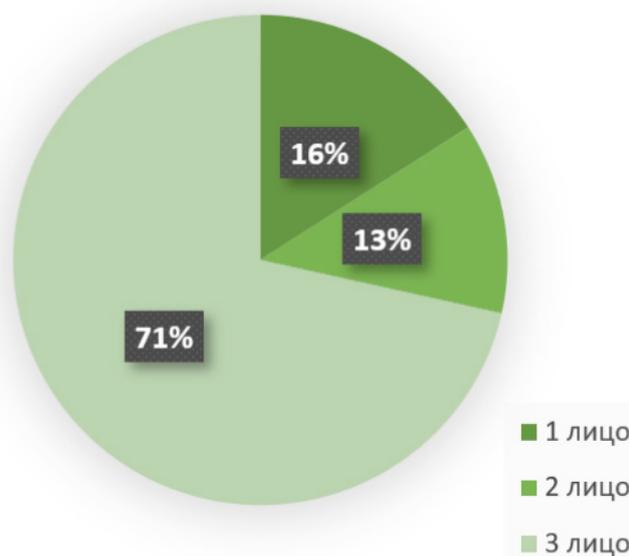
Статистические данные для проверки предпочтительности лично-числовых форм для разных ГП болгарского языка были получены поиском всех форм настоящего времени изъявительного наклонения семи глаголов (*важничка* ‘важничать’, *доносничка* ‘доносничать’, *любезничка* ‘любезничать’, *маниерничка* ‘манерничать’, *нахалничка* ‘нахалничать’, *подлизурствам* ‘подлизываться, подхалимничать’, *подмазвам се* ‘подмазываться’) в Болгарском национальном корпусе (далее – БНК). Так, например, для глагола *важничка* последовательно задавались формы *важничка*, *важничим*, *важничииш*, *важничите*, *важничичи*, *важничат*. Результаты отражены в таблице 1.

Таблица 1

	1 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. ед. ч.	2 л. мн. ч.	3 л. ед. ч.	3 л. мн. ч.
Важничка	7	2	7	6	48	11
Доносничка	8	-	3	2	30	26
Любезничка	11	2	8	3	55	10
Маниерничка	1	–	–	–	3	1
Нахалничка	3	–	–	4	4	2
Подлизурствам	2	–	–	–	5	1
Подмазвам се	31	11	31	13	74	6

Полученные данные представлены в диаграмме, отражающей процентное соотношение ГП для каждой из личных форм.

**Процентное соотношение
употребления ГП в 1, 2 и 3 лицах**

Очевидно, что приведенные в таблице данные нашей выборки противоречат предположению о редком употреблении ГП в первом лице (см. *Раздел 1*). Несмотря на то что глаголы различаются по употребительности (частотности в корпусе), формы первого лица, как правило, не уступают по активности формам второго лица, а по усредненным данным превосходят их. Неожиданно частотным оказалось употребление рассматриваемых ГП в третьем лице; этот вопрос нуждается в особом изучении и может стать темой отдельного исследования.

2.1. ГП В ФОРМЕ ПЕРВОГО ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Задачей нашего исследования, как было сказано, является установление контекстов, при которых становится возможным употребление ГП в первом лице, которое, казалось бы, не должно быть для этих глаголов характерным, поскольку в их структуру входит субъект оценки, не совпадающий с говорящим. Наша выборка из 105 контекстов выявила следующие факторы, провоцирующие употребление ГП в форме первого лица:

а) первое лицо ГП часто употребляется в контексте отрицания. Такой контекст обусловлен негативно-оценочной семантикой предикатов со значением поведения, что дает говорящему возможность описать свои качества и поступки от противного, как это проиллюстрировано примерами (1) и (2). Говорящий также пытается оправдаться, опровергнуть чье-либо предположение о его неприемлемом поведении, см. (3). Контекст отрицания в рассмотренных примерах создается при помощи отрицательной частицы «не». Например:

1. *Не доноснича, не съм го правил и никога няма да го направя. Честна дума.* (Красномир Крачунов);

2. *Откакто се отказах от всичко излишно – аз не лъжа, **не се подмазвам, не подлизурствам**, понеже нямам нищо, което да могат да ми отнемат.* (Леонид Соловьев, пер. Атанаса Далчева)

3. – *Серина не успя да се присламчи до Даяна и най-нахално да изкопчи проблема от нея – забеляза Джъстин.*

– *Аз не нахалнича – отвърна жена му и се усмихна.* (Нора Робертс, пер. Елены Мариной)

Вариантом опровержения являются реплики переспроса, в которых говорящий пользуется цитацией, употребляя ГП:

4. – *И какво толкова важничите?*

– *Защо да важнича?*

– *Защото важничите.* (Богомил Райнов)

б) ГП в форме первого лица употребляются при выражении нежелания говорящего выполнять данное действие. Чаще всего такой контекст сопровождается лексическими средствами, выражающими неготовность субъекта осуществлять действие, далее они подчеркнуты. Частица будущего времени *няма да* в примере (5) выражает отказ от предлагаемого поведения. В той же функции выступает лексическое средство *нямам намерение* в примерах (9) и (10). При помощи лексем *по необходимост* в примере (6) и *принуден* в примере (7) оправдывается неприемлемое для говорящего поведение, выраженное ГП. Нежелание исполнять действие обозначено и с помощью предиката *не желая*, как показано в примере (8).

5. *И няма повече да подлизурствам на влечугото! Няма повече да бъда негов лакей!* (Ричард Кнаак, пер. Светослава Коначева)

6. *След савойските издевателства Анхиало, Несебър, Скафида, Созопол са доста немощни и несигурни, разколебани. Ако на Добротица се обещае такава плячка, той навярно ще се поблазни. А савойци и карвунци от север, византийци от юг, без да смятаме неотстъпния Мурат, с когото по необходимост любезнича, ние сме в клеци.* (Боян Болгар)

7. *И аз отново се виждах принуден да любезнича с него и почти да му се извинявам за своята неблагодарност.* (Роберт Грейвс, пер. Жени Божиловой)

8. *Искаш ли да го видиш? – Не желая да нахалнича. Но ако ти по своя воля си решил да ми покажеш нещо...* (Богомил Райнов)

9. – *Нямам намерение да се подмазвам пред него!* – каза Тентетников обиден. – *Пък и вас не мога да упълномоция за това.* (Николай Гоголь, пер. Д. Подварзахова)

10. *Нямах намерение да се подмазвам на властта.* (Курт Вонегут, пер. Христо Канева)

в) первое лицо ГП употребляется в контексте, указывающем на внутреннюю невозможность говорящего выполнять действие. Такой контекст задается модальными средствами, а именно предикатами со значением невозможности, неспособности производить действие: *не мога* (11) и (12), *не умея* (13), *не съм способен* (14).

11. *О, аз още не мога да любезнича с мъж.* (Вадим Кожевников, пер. Любена Велчева)

12. *Какво? Да отида при шефа и да му предложа услугите си, за да ме отърве от другарски съд и самокритика? Или да му кажам открито: – Не мога да доноснича!* (Блага Димитрова)

13. *Гледам да не ползвам градския транспорт преди десет часа сутринта и, както навярно си забелязала вече, не умея да любезнича.* (Харуки Мураками, пер. Людмила Люцканова)

14. – *Не съм способен да се подмазвам* – каза Чичиков, като се обиди и той. – Като човек мога да се провиня в друг грях, но да *се подмазвам* – никога... (Николай Гоголь, пер. Д. Подварзахова)

д) ГП в форме первого лица употребляются в гипотаксическом контексте, т.к. «гипотаксический контекст отменяет запрет на 1 лицо» [Падучева 2006: 406]. Наша выборка показала гипотаксический контекст при глаголах речи и мыслительной деятельности *смятам, наругая, мисля, помисля* (далее подчеркнуты). Таким образом передается мнение другого лица о поведении говорящего.

15. *Смята, че маниернича, че се придържам към образа, който съм си изградила.* (Брайан Галлахер, пер. Веселы Прошковой)

16. *Като излезе на навеса, пхна глава в прозореца да ме наругае, че важнича и се опитвам да стана нещо повече от него...* (Сельма Лагерлёф, пер. Стояна Кайранова)

17. *Не е хубаво това, Юрий, ще помислят хората, че ви се подмазвам.* (Милчо Касаров)

18. *Впрочем вие имате право да мислите, че ви се подмазвам с някаква цел, още повече че ме занимава сестричката ви, сам ви заявих.* (Федор Достоевский, пер. Георги Константинова)

е) ГП в форме первого лица употребляются также в контекстах, предполагающих самобичевание, самоосуждение.

19. – *Много добре знаеш, че смъртта не ме плаши, Хоремхеб – опитах се аз напразно да важнича, защото, макар че бях говорил много за смъртта и я бях призовавал, тя си оставаше противен, неприветлив гост в мрачна нощ и нямах никакво желание да ми прерязват гърлото с изтъпен нож.* (Мика Валтари, пер. Бориса Парашкевова)

2.2. ГП В ФОРМЕ ПЕРВОГО ЛИЦА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Частотность употребления ГП в форме первого лица множественного числа намного ниже в сравнении с единственным числом, но для него все же можно выявить несколько благоприятных контекстов:

а) контекст возмущения, неудовлетворенности текущим положением вещей. Для него характерно признание неприемлемого для группы лиц или общества в целом поведения как проблемы.

20. *Питам се с горчицина дали склонността ни да каним и любезничим прекалено с чуждите думи не е още едно доказателство за жалкото ни национално самочувствие и бързичкото ни нагаждане към влиятелния и надут чужденец.* (Георги Данаилов)

21. *Не че ни е кеф да го правим, но пък не се налага да водим борби. Имаше тема в «Сблъсък», за това подмазваме ли се излишно на Запада. За първи път видях тема, с резултат от гласуване над 90% за «Да» - подмазваме се и то много.* (журналистский текст)

22. *От къде на къде трябва да се подмазваме на старата вещица, защото ни била роднина, след като единственото смислено нещо е да я изгорим на клада?* (Джеральд Даррелл, пер. Огняны Ивановой)

б) как и для единственного числа, для множественного числа характерен контекст отрицания, описанный выше на примерах, содержащих ГП в форме единственного числа:

23. *Ние не въртим игрички с хонорарните сметки, не увъртаме, не се подмазваме на клиентите, нито пък се борим за тях и което е най-печално – не получаваме чекове с тлъсти премии за Коледа.* (Брайна Хейг, пер. Любомира Николова)

в) *отмечен также контекст*, обязывающий субъектов совершать действия, трактуемые ими как негативные. Так, в примерах (24, (25), (26) *представлены ситуации, в которых говорящие оправдывают свое неприглядное поведение различными причинами. Более того, примеры (24) и (26) содержат при ГП модальные средства, выражающие долженствование:*

24. Едмон не понасяше началниците, нито впрочем каквато и да било форма на йерархия. Винаги е презирал шефовете, които „ръководят заради самото ръководене, без да произвеждат нищо“, както той самият се изразяваше. И така, всички сме **длъжни да се подмазваме** на висшестоящите. В това няма нищо лошо. Самата система го изисква. (Бернар Вербер, пер. Красимира Петрова)

25. Чудех се защо трябва да живеем в Лондон и да **се подмазваме** на разни там графини, баронеси и херцогини. Сега вече знам отговора. Юджиния се опитва да ми издейства благородническа титла. (*Джим Тайфуна, пер. Веселы Поршковой*)

26. – *Другарю Колев, другаря Найденов е по-голям шеф от мен. На него трябва да се подмазваме.* (*Николай Орешаров*)

Итак, при анализе контекстов употреблений глаголов поведения из БНК было выявлено, что представители этого класса предикатов достаточно часто употребляются в первом лице при условии наличия благоприятных контекстов, таких как отрицание, нежелание выполнять действие, внутренняя невозможность выполнить действие, самоосуждение, возмущение, долженствование, а также гипотаксический контекст.

Дальнейшая перспектива работы предполагает уточнения контекстов, при которых допускается использование ГП в форме третьего лица. Как мы показали, третьеличная форма составляет наиболее значительную часть употреблений рассмотренных ГП, что нуждается в отдельном исследовании.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГП – глагол поведения

НСВ – несовершенный вид

СВ – совершенный вид

ЛИТЕРАТУРА

Айдарова, Мазаева 2015 – *Айдарова А.М., Мазаева Т.В.* Глаголы поведения как объект изучения в разноструктурных языках // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XLV междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК (Сибирская академическая книга), 2015. № 2(45). С. 29–34.

Апресян 2004 – *Апресян Ю.Д.* Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1. С. 5–22.

Булыгина 1997 – *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. С. 45–113.

Иванова 2012 – *Иванова Е.Ю.* Глаголы семантического подкласса «поведения» (болгарско-русские параллели) // Езикът на времето. Сборник доклади по случай 70-годишния юбилей на проф. д.ф.н. Иван Куцаров». Пловдив, 2012. С. 239–248.

Матханова 2012 – *Матханова И.П.* Аспектуально-темпоральная характеристика русских высказываний с семантикой поведения // От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей к 80-летию члена-корреспондента РАН А.В. Бондарко / Под ред. М.Д. Воейкова. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 393–401.

Падучева 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.

Падучева 2006 – Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2006. № 5(12). С. 403–413.

ИСТОЧНИКИ

БНК – Болгарский Национальный Корпус (Български национален корпус) (BNC): search.dcl.bas.bg

REFERENCES

Aidarova A.M., Mazaeva T.V. Verbs of Behaviour as the Object of Study in Structurally Different Languages. In: In the World of Science and Art: Questions of Philology, Art History and Culturology. 2015. No 2(45), pp. 29–34.

Apresyan Yu.D. Interpretative Verbs: Semantic Structure and Properties. *Russky Yazyk v Nauchnom Osveshchenii*. 2004. No 1, pp. 5–22.

Bulygina T.V. Towards Building a Typology of Predicates in Russian. In: Language Conceptualization of the World (based on Russian grammar). Moscow. Yazyki Russkoy Kultury Publ. 1997, pp. 45–113.

Ivanova E.Y. The Verbs of the Semantic Subclass of Behaviour (Bulgarian-Russian Parallels). In: *Ezikyt na vremeto. Sbornik dokladi po sluchaj 70-godishnija jubilej na prof. d.f.n. Ivan Kutsarov*. Plovdiv. 2012, pp. 239–248.

Matkhanova I.P. Aspectual and Temporal Characteristic of the Russian Statements with the Meaning of Behaviour. In: *From Meaning to Form, from Form to Meaning: The Collected Articles to the 80th Anniversary of A.V. Bondarko*. Moscow. Yazyki slavyanskikh Kultur. 2012, pp. 393–401.

Paducheva E.V. (1996) *Semantic Research: Semantics of Tense and Aspect; Semantics of Narrative*. Moscow. Yazyki Slavyanskoy kultury Publ. 480 p.

Paducheva E.V. The Observer: Typology and Possible Interpretations. *Kompyuternaya Lingvistika i Intellektualnye Tekhnologii*. 2006. No 5(12), pp 403–413.

SOURCES

Bulgarian National Corpus: search.dcl.bas.bg

Сведения об авторе:

Александра Владимировна Еремченко,
студент
филологический факультет
СПбГУ

Aleksandra V. Eremchenko,
Student
Philological Faculty
Saint-Petersburg State University
erema.sas@mail.ru

Научная жизнь

Academic Life

М.В. Лескинен (Москва, Россия)

Конференция «Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе»

Аннотация: Обзор научной конференции «Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе», состоявшейся 24 сентября 2019 г. в Институте славяноведения РАН (Москва).

Ключевые слова: имагология, славянская культура, национальная идентичность, визуальные этнокультурные стереотипы, антропоморфные репрезентации наций, зооморфные репрезентации наций

М. Leskinen (Moscow, Russia)

The Conference “Anthropomorphic and Zoomorphic Representations of Nations and States in the Slavic Cultural Discourse”

Abstract: Review of the conference “Anthropomorphic and Zoomorphic Representations of Nations and States in the Slavic Cultural Discourse”, which took place on September 24th, 2019 in Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Key words: Imagology, Slavic culture, nation identity, visual ethnic and cultural stereotypes, anthropomorphic representations of nations, zoomorphic representations of nations

24 сентября 2019 г. в Институте славяноведения РАН прошла конференция «Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе»¹. Ее организаторы – доктор филологических наук Е.А. Яблоков, доктор исторических наук М.В. Лескинен и кандидат филологических наук А.Н. Красовец.

Материал конференции – антропоморфные и зооморфные этнорепрезентации в славянских культурах XVIII–XXI вв. Главная цель – реконструкция механизмов формирования и эволюции обобщенных образов народов («своих» и «других») на широком материале и методами различных дисциплин, детализация процес-

¹ Программа и тезисы докладов конференции опубликованы на сайте Института славяноведения РАН (<https://inslav.ru/conference/24-sentyabrya-2019-g-antropomorfnye-i-zoomorfnye-reprezentatsii-naciy-i-gosudarstv-v>). Предполагается издание сборника статей ее участников.

са формирования национальных «воображаемых сообществ». Известно, что аллегорические антропоморфные и зооморфные фигуры / персонификации народов / наций играют ключевую роль в формировании представлений и стереотипов народного / массового сознания, выполняют важную функцию сплочения этнокультурной общности, наделяя ее чертами легко узнаваемого типа, ассоциирующегося с идеей единства нации. В подобных воплощениях находят отражение национальная идея и национальная мифология.

Антропо- и зооморфные репрезентации представлены в вербальных описаниях и визуальных образах. Их ключевая культурная функция – в ясном и схематичном виде реализовать главные признаки и качества различных стран и народов, поэтому они являют собой авто- и гетеростереотипы в их концентрированном воплощении. Образы такого рода всегда используют обобщения и опираются на принципы этноцентризма, изоморфизма и метафоризации. Комплекс стереотипов и образов, определяющих представления о «своих» и «чужих» (свое, как правило, идеализируется, а чужое демонизируется), служит важнейшим элементом национальной идеологии и мифологии. Эти стереотипы и образы неотделимы друг от друга и в совокупности формируют поле культурных оппозиций, позволяющих создать устойчивый набор признаков, символов и ассоциаций, с помощью которых складывается национальная идентичность.

В конференции приняли непосредственное участие 12 ученых из России, Эстонии и Польши. Большинство докладов было посвящено визуальным репрезентациям, поэтому почти все выступления сопровождались показом многочисленных иллюстраций. Во вступительном докладе **М.В. Лескинен** (Институт славяноведения РАН) были рассмотрены истоки формирования зооморфных и антропоморфных метафор и аллегорий европейских государств и наций в различных вербальных и визуальных нарративах начиная с XVI–XVII вв. Это, во-первых, сочинения в восходящем к античности жанре «национальных характерологий», где, помимо стереотипных особенностей нрава, привычек, склонностей, традиций политического устройства, пороков и добродетелей европейских народов, указывались также узнаваемые внешние приметы, – в частности, народы отождествлялись с конкретными животными. Во-вторых, это формирующиеся в XVI–XVII вв. обобщенные феминные образы Дев-Государств (Британии, Германии, Полонии и др.), а также соотносившиеся с гербами зооморфные символы (британский лев, германский черный орел и др.). В-третьих, характерные маскулинные персонификации европейских народов XIX в. (например, немца Михеля или англичанина Джона Бул(л)я), которые, как было показано в докладе, восходят к довольно ранним (XVII–XVIII вв.) обобщенным сословным образам народов, хотя впоследствии, в период формирования наций, сословные характеристики и их внешние признаки видоизменяются.

Выступавшие обратились к рассмотрению длительной исторической эволюции таких зооморфных воплощений народов, как сокол, южнославянских и чешской культурах (**В.В. Котов**) и гриф / грифон – в процессе формирования кашубской этнокультурной идентичности (**А.В. Семенова**, Институт славяноведения РАН), а также к анализу трансформации феминного образа Руси-Матушки / Матушки-России в отечественном лингвистическом и художественном дискурсах XIX–XX вв.: эта тема рассматривалась в докладах **Е.Е. Левкиевской** (РГГУ) и **М.В. Лескинен**. Изменения в визуальных представлениях и стереотипизации этнических «своих» и «чужих» в журнальных карикатурах Словении на протяжении семи десятилетий (1869–1950 гг.) проанализировала **А.Н. Красовец** (Инсти-

тут славяноведения РАН). Другие участники сосредоточились на реконструкции тенденций визуализации в национальной имагологии и на материале плакатов, карикатур и рисунков конкретного периода. Так, изображения Медведя в качестве аллегии / символа России были рассмотрены **О.В. Рябовым** (СПбГУ) на примере сатирических российских журналов 1905 г. **Е.А. Яблоков** (Институт славяноведения РАН) проанализировал образы «своих» / союзников и «чужих» / врагов на страницах петроградского журнала «Сатирикон» в годы Первой мировой войны и революции (1914–1918), а **И. Ногавица** (Вроцлавский университет, Польша) обобщила основные тенденции визуализации украинца в сатирических рисунках российских интернет-публикаций последнего десятилетия. В докладе **А. Меймре** (Таллинский государственный университет, Эстония) образ России-медведя в качестве опасного и враждебного государства-соседа был реконструирован на материалах сатирической эстонской графики межвоенного периода (1918–1939); Медведь в качестве позитивного образа «чужого» представлен **Т.И. Чепелевской** (Институт славяноведения РАН) на примере «России-Медведии» в творчестве словенского писателя Я. Трдины.

В контексте истории формирования славянских национальных образов-автостереотипов были рассмотрены польская литературная традиция (белый орел Ягеллонов) – в докладе **Н.М. Филатовой** (Институт славяноведения РАН), посвященном польской патриотической поэзии конца XVIII – середины XIX в., и чешские национальные автопрезентации периода формирования нации (образы Пахаря и Музыки) – в докладе **Г.П. Мельникова** (Институт славяноведения РАН) о персонификациях чешской идентичности в искусстве Чехии второй половины XIX в. Выступление **Н.В. Злыдневой** (Институт славяноведения РАН) было посвящено зооморфной символике и зоотропной мотивике пара- и метагеральдических изображений в архитектурных памятниках XX в.

В тематическом отношении выступления участников можно разделить на две группы: доклады о национальных символах славян и доклады, посвященные репрезентациям и аллегориям России. Несомненным «лидером» среди ее зооморфных воплощений можно считать Медведя. Образ России-Медведя формируется в европейской культуре еще в раннем Новом времени и до сего дня остается главным негативным гетеростереотипом России. В общественном сознании западноевропейской элиты этот образ, как показал О.В. Рябов, воплощал черты враждебности, опасности, непредсказуемости, которыми наделялись Россия / Российская империя, а позже – РСФСР и СССР. Именно таким агрессивным, опасным и мощным потенциальным врагом независимой Эстонии и эстонцев предстает Советский Союз в карикатурах и сатирических изображениях, представленных в докладе А. Меймре. При этом автор подчеркнула, что для изображения России и русских использовались и другие зооморфные образы, впрочем, также наделяемые однозначно негативными коннотациями, например вши. Позитивные качества России-Медведя (как на примере произведений Я. Трдины показала Т.И. Чепелевская) возникают лишь спорадически, в определенных исторических обстоятельствах, например, в определенных кругах славянских интеллектуалов 1860–1880-х гг. «Россия-Медведь» наделялась положительными чертами как «братская» по крови или по конфессии страна.

Образ Медведя нередко соотносился с цивилизационной отсталостью, «дикостью» России. Лишь с начала XX в., как полагает О.В. Рябов, данный образ постепенно начал приниматься российским обществом в качестве символа-автостереотипа, а в наше время, согласно социологическим опросам, стал в российской

самоидентификации одной из наиболее распространенных аллегорий России. На материале политической сатирической графики 1905–1907 гг. О.В. Рябов показал, как образ Медведя начал включаться в аллегорический ряд олицетворений Отечества в пропагандистском дискурсе различных политических партий и течений, как лояльных, так и оппозиционных. Образ России-Медведя на этом этапе продемонстрировал семантическую двойственность: использовался как для легитимации, так и для делегитимизации имперской власти.

Десятилетие спустя, в период Первой мировой войны, в карикатурах журнала «Сатирикон» медведь (притом как бурый, так и белый) довольно часто олицетворял Россию, по сути, на равных с гротескным женским образом. Кроме того, в сатириконской графике, как показал Е.А. Яблоков, активно использовались все виды визуальных метафор: звериные (британский лев и русский медведь) и птичьи образы (германский и австрийский орлы), антропоморфные феминные (Германия, Франция, Россия, Британия, Болгария, Сербия и др.) и маскулинные (немец Михель, британец Джон Бул(л)ь). Интересны формы и способы воплощения визуальных стереотипов различных народов Российской империи, идентификация которых осуществлялась через национальные костюмы и характерные антропологические признаки. Докладчик представил типологию более ста карикатурных изображений, выявив ряд характерных для «Сатирикона» тенденций. Так, Германия имеет три типичных воплощения: «матушка», Михель и орел; Франция реализована в женских образах от фривольного до сакрального; Болгария представлена как женщина с «мужской» внешностью и т. п. Антропоморфные воплощения России имеют широкую амплитуду – от юной девушки до пожилой дамы, от простонародно-фольклорного до интеллигентного типа. При этом в революционный период образ России у сатириконцев обретает «страдательные» коннотации, она репрезентируется в морбидном виде, в карикатурах нередко мортальные сюжеты.

М.В. Лескинен представила эволюцию визуальных репрезентаций образа России-Матушки в российских изображениях второй половины XIX – начала XX в., сопоставив их динамику с процессом поиска и «выбора» русского этнического и национального идеального типа. Последний конструировался в вербальных нарративах различных жанров, а также в визуальных образах и метафорах русскости. Например, полемика 1880–1890-х гг. о том, какой региональный великорусский этнокультурный тип (центрально-великорусский, севернорусский или поволжский) следует считать наиболее адекватным воплощением антропологического и этнокультурного своеобразия русского типа / русской нации, нашла выражение в формах представления русскости «на экспорт», в частности, в концепциях оформления русских павильонов на Всемирных выставках или в моде на русский костюм. Если в обобщенных образах 1860–1870-х гг. Россия представала в девичьей ипостаси и в русском крестьянском костюме, то в визуальных репрезентациях 1890–1900-х гг. изображалась женщиной в боярских или царских одеждах Московской Руси XVII в. В периоды войн (начиная с русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) актуализировался образ «древнерусской» воительницы с мечом и щитом, в шлеме и кольчуге. По мнению М.В. Лескинен, перемена образа была обусловлена формированием в 1880-е гг. новой концепции русского национально-политического наследия, провозглашавшей эпоху правления царя Алексея Михайловича воплощением истинной русскости, народности и монархии, вследствие чего формы XVII в. (одежда, предметы быта, формы архитектуры и т. п.) трактовались как отражение «характерной русскости». По той же причине в последней четверти

XIX в. визуальные стереотипы русскости соотносились не с этнографическими крестьянскими атрибутами, а с историческими реконструкциями или имитациями образов допетровской Московской Руси. Поэтому в 1890–1910-е гг. Россия-матушка «облачается» в одежды русской боярыни, боярышни или царицы XVII в.

Е.Е. Левкиевская, рассматривая совершившуюся в культуре советского времени трансформацию традиционного концепта «Матушки-Руси» и «Матушки-России» в формулу «Родины-Матери», обратилась к историко-семантическому анализу этих образов-понятий, исследовав их происхождение (начиная с XIX в.) и значение в различных дискурсах и нарративах. Вербальные «формулы» патриотизма, актуализировавшие сакрализованные в русской культуре образы Руси-земли-Матери и Богородицы, восходят, в частности, к прецедентным для русской культуры «Голубиной книге» (XV–XVI вв.) и приписываемой Иоанну Златоусту «Повести Святых Отец о пользе душевной всем православным христианам». Но понятие «Мать-Россия», по мнению Е.Е. Левкиевской, стало активно распространяться в текстах различных жанрах только начиная с первой четверти XIX в. В советский период сочетание «Россия-мать» практически ушло из официального дискурса и вместо него стало функционировать сочетание «Родина-мать». При этом образ Матери-России обрел воплощение не только в официальных визуальных персонализациях, но также в карикатурных и сатирических изображениях. Современная трактовка образа Родины-матери двойственна, очевидны негативные коннотации данного автостереотипа в визуальных и вербальных текстах культуры (от мемов и иронических клише до вульгаризации образа в качестве символа агрессии и советского политического режима), которые противопоставляются патриотическому официальному пафосу, заимствованному из советского прошлого,

Как попыталась показать в своем выступлении И. Ногавица, современная российская сатирическая графика и карикатура, в которой находят отражение образы Украины и украинца, также прибегает к давно опробованным и далеко не новым этнокультурным стереотипам украинца, притом как в авто- (в украинской), так и в гетеро- (в русской) культуре. Стереотипы могут быть нейтральными, негативными и позитивными, но так или иначе эксплуатируют всего несколько типичных и главным образом антропоморфных изображений: украинки-красавицы в национальной одежде (вышиванке), с характерной прической (косы и ленты) и казака – также с известными элементами костюма (шаровары) и историческими атрибутами внешнего облика (усы, чуб, трубка и др.).

Как было показано в других докладах, антропоморфные и зооморфные воплощения собственной нации и иных государств и держав в славянских культурах XIX в. подвергались трансформациям в соответствии с формированием национальных идеологий, освободительных движений и идентичностей народов, не обретших либо утративших национальную независимость. Так, в польской патриотической поэзии, о которой шла речь в докладе Н.М. Филатовой, с конца XVIII в. (в произведениях участников Барской конфедерации), а затем в 1810–1830-х гг. олицетворением государства и народа Польши стал образ белого Орла, восходящий к символу первой польской династии Пястов и к геральдическому знаку («Сарматскому Орлу») династии Ягеллонов, правившей Речью Посполитой на протяжении двух столетий. Он стал главной метафорой «польскости» и на разных этапах освободительного движения и во время восстаний (вплоть до XX в.) обретал статус общепринятого знака и символа непокоренной Польши, часто выступая в качестве прямого синонима наименований «Польское государ-

ство» или «Речь Посполитая». При этом образ белого Орла сопутствовали образы враждебных государств-поработителей, также соотносимые с их гербовыми птицами – черными орлами (Австрии и России). Позитивная геральдическая символика черного и белого цветов переосмысливалась в разных парадигмах (божественное / демоническое, рай / ад, свет / тьма, свобода / неволя, молодость / старость): польская патриотическая риторика, активно используя образ белого орла, расширяла смысловое поле статичного геральдического изображения, наделяя его своеобразными (как декларировалось – исключительно польскими) чертами. В стихах 1830–1831 гг. противостояние Польши и России представлялось схваткой двух орлов – сюжет, восходящий к античному. Интересно, что и «ответная» русская поэзия прибегала к противопоставлению орлиных символов (разумеется, в другой ценностной системе).

Если образ белого орла соотносился с поляками еще в летописных легендах о первом государстве лехитов со столицей в Гнезно, то в исторической традиции соседнего западнославянского народа – кашубов – образ геральдического грифа / грифона в качестве символа нации явился не только поздним, но и не самым адекватным конструктом. В докладе А.В. Семеновой был рассмотрен процесс этого конструирования. На территории проживания кашубов существовали разные политические образования; между Вислой и Балтийским побережьем грифон был геральдическим знаком славянских и некоторых германских князей, правивших на кашубских землях между XI и XVII в.; гриф черного или красного цвета на золотом или серебряном фоне стал символом Западного Поморья после Торуньского мира (1466). В XIX–XX вв. гриф как символ кашубского / кашубско-поморского региона прочно вошел в сознание носителей кашубской и поморской культуры, активно пропагандировался в литературе и публицистике в качестве олицетворения кашубской идентичности. Название «Гриф» в XIX–XX вв. наряду с соответствующей символикой использовалось для наименования общественно-политических организаций, изданий и объединений. А.В. Семенова подчеркнула, что разработка этого репрезентативного образа нации осуществлялась посредством соотнесения мифологических свойств и качеств гибрида льва и орла с чертами кашубского народа (такими, как упрямство, целеустремленность, смелость и др.). Можно предположить, что существовало явное противоречие между рыцарско-дворянскими родовыми доблестями, ассоциируемыми с любыми геральдическими животными (особенно мифологическим гибридом), и этосом крестьянского кашубского народа. И вряд ли есть основания утверждать, что сегодня гриф / грифон сохраняет качества национального символа кашубов.

В европейской геральдике и символике Орел и Сокол имеют сходные значения и часто взаимозаменяемы. Однако, как показал В.В. Котов, образ Сокола в чешском национально-спортивном движении сокольства, возникшего на рубеже 1861–1862 гг. в Праге и соединившего, по образцу немецких «Турнферайнов», национализм и гимнастику, имел иные истоки. Он заимствован из южнославянского фольклора, где богатыри, храбрые воины-юнаки, отстаивавшие независимость Отчизны в борьбе с иноверцами и иноземцами, именовались соколами. Публикация в середине XIX в. эпических текстов (в частности, песен и баллад, изданных В. Караджичем) привела к тому, что образ сокола-молодца – национального героя (черногорца, серба или хорвата) – вошел в патриотическую историческую беллетристику южных славян. В связи с событиями на Балканах воин-сокол-молодец в чешской патриотической среде 1870–1880-х гг. воспринимался в качестве образ-

цового борца за национальную свободу, пропагандирующего идеалы славянского освободительного народного движения. В то же время зооморфными воплощениями Чехии в политическом дискурсе XIX в. выступали голубь и лев. Образ голубя был связан с представлениями о миролюбии как главной черте чешского национального характера; лев (который, как и другие богемские символы, в этот период стал восприниматься в качестве национально-чешского) олицетворял иные свойства: мощь, державность, величие и т. п. Создание чешской молодежной патриотической организации под названием «Пражский Сокол» в определенной мере мотивировалось стремлением обосновать образ Сокола как альтернативный символ. По мнению В.В. Котова, образу сокола не удалось вытеснить льва и голубя в качестве олицетворений чешской нации. Но как символ сокольного, и, шире, военно-спортивного и патриотического движения, вышедшего в начале XX в. за границы Чехии (и ставшего особенно популярным с развитием авиации), сокол вполне успешно конкурировал со львом и голубем в качестве спортивно-военного знака и не единожды «претендовал» на роль общенационального чешского символа.

Как показал Г.П. Мельников, в чешском общественном сознании XIX в. формировались и другие, антропоморфные воплощения нации и духа чешского народа. Это прежде всего образы Пахаря и Музыка, возникшие в различных скульптурных, живописных и литературных произведениях периода чешского Национального возрождения как гендерные ипостаси чешской идентичности. Пахарь выступал олицетворением историко-этатизационного предания о легендарном Пршемысле-пахаре, основателе первой княжеско-королевской династии, правившей страной более шести столетий. Музыка – душевный строй народа Чехии, связующая его с небесами. Если образ Пршемысла восходит еще к средневековым обоснованиям «народной» династии, то образ Музыка явно соотнесен с женой Пршемысла – княжной Либуше, подчас метафорически заменяя ее. Такая замена, по мнению Г.П. Мельникова, неслучайна. Женское начало в чешском автостереотипе Национального возрождения связано не с государственностью, а с музыкой, которая в эпоху отсутствия у чехов государственности (с 1620 г.) стала главным воплощением «чешского гения», выразителем континуитета существования «бессмертного народа» в условиях жесткого австрийского гнета, как считалось в XIX в. Кроме того, именно музыка в XVII–XIX вв. была признана в Европе высшим достижением чешской культуры: Чехию именовали «консерваторией Европы», а Прагу – «королевой музыки». Это особенно важно потому, что в чешской культуре второй половины XIX в. не сложилось определенного феминного воплощения нации в образах Девы или Матери.

А.Н. Красовец реконструировала динамику комплекса антропоморфных и зооморфных образов в словенской карикатуре на протяжении 70 лет, проанализировала константные автостереотипные образы словенцев, которые начиная с середины XIX в. пропагандировались в словенской художественной литературе и публицистике. В этот период сформировались два главных стереотипа, воплощенных в маскулинных образах «немчура» (немецкого мещанина во фраке и цилиндре) и типичного словенца – Краньского Янеза (в национальной крестьянской одежде), призванных обозначить конфликтные межэтнические отношения между основными этносословными группами в словенском обществе (население, определяющее себя как немецкое, жило преимущественно в городах). Позже появилась еще одна персонификация Словении – в виде девушки или женщины-кре-

стьянки (также в национальной одежде); этот образ сохранялся вплоть до конца XX в. Чужие / другие (немцы, итальянцы, сербы, хорваты) в словенских карикатурах изображались также в виде диких животных, хищников; изредка в этом ряду присутствовал образ змеи.

В докладе Н.В. Злыдневой был представлен несколько иной ракурс темы. На материале государственной и национальной зооморфной символики рассмотрена проблема специфической художественной коммуникации в XX в. – вопрос о расширении семантики при сохранении традиционного культурного кода. Описаны две модели функционирования зооморфной национальной / государственной геральдики в XX в., реализующие различные механизмы (замещения как утверждения и нейтрализации как отрицания). Первая из них была представлена на примере маскаронов 1900–1930-х гг. в декоративных рельефах над порталами домов в Кракове; их авторы, по мнению Н.В. Злыдневой, наследовали геральдическую традицию, широко используя зооморфный код и реализуя функцию идентификации (национальной / родовой / профессиональной). Вторая модель явлена на примере государственных символов и геральдических знаков и символов в живописи и скульптуре московского соцарта 1980–1990-х гг., представители которого также (но в иных целях) использовали зооморфный код. В обоих случаях, по мнению докладчика, имеет место ироническое снижение образа в условиях пограничной культурной ситуации (пространственной – в Польше эпохи сецессии, временной – в России на рубеже возникновения постсоветского общества).

Доклады участников конференции демонстрируют устойчивость, гибкость и «живучесть» этнорепрезентаций, фиксируют некоторые особенности процесса их бытования в период складывания национальной идентичности. Это, в частности, использование известных в европейской культуре моделей метафорических изображений (например, образов Дев и обобщенного образа народа), а также сложившиеся «внешние» символы своей нации (например, Медведя или Музыки). Кроме того, эволюция подобных образов убедительно доказывает, что на определенном (начальном) этапе успешность «выбора» или создания комплекса репрезентаций зависит от совокупности различных факторов – обусловлена политической конъюнктурой, а также менталитетом интеллектуальных кругов, намеренно формирующих антропо- и зооморфные репрезентации. Дальнейшее исследование этих процессов в славянской культуре позволит более полно выявить механизмы складывания и бытования визуальных автостереотипов и клише.

Сведения об авторе:

Мария Войттовна Лескинен,
доктор ист. наук
доцент, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН

Maria V. Leskinen,
Doctor of History
the Leader Research Fellow
Institute for Slavic Studies RAS

marles70@mail.ru

Н.И. Кикило (Москва, Россия)

Первая научно-практическая школа сербистики «Доминанты сербской культуры»

Natalia Kikilo (Moscow, Russia)

The First Serbian Studies Workshop “Dominants of Serbian Cultures”

С 8 по 13 ноября 2019 г. в доме отдыха МГУ имени М.В. Ломоносова «Красновидово» состоялась I научно-практическая школа сербистики «Доминанты сербской культуры», участие в которой приняли более 40 студентов и аспирантов из России, Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины. Организаторами мероприятия выступили филологический факультет Московского государственного университета, Институт лингвистических исследований и Институт Славяноведения РАН при финансовой поддержке главы группы компаний «Комита» Небойши Янковича.

Школа предназначалась студентам и аспирантам, которые изучают сербский язык и литературу, культуру и историю региона. В течение пяти дней участники имели возможность не только послушать лекции и поучаствовать в практических занятиях приглашенных ведущих специалистов-сербистов, но также представить результаты собственных исследовательских работ в рамках круглых столов по темам «Сербская книжность и история сербского языка», «Лингвокультурология и лексическая семантика», «Сербская диалектология и балканистика», «Сербская литература и история. Сербско-русские литературные и культурные связи».

В день открытия школы во вступительной речи главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН А.Н. Соболев и профессор кафедры сербского языка и южнославянских языков филологического факультета Белградского университета Р. Драгичевич подчеркнули важность организации первой школы сербистики для российской славистики в целом, поскольку она может стать регулярной междисциплинарной площадкой для обмена опытом между старшими и

молодыми коллегами. А.Н. Соболев обратил внимание на символичность названия мероприятия: вопрос, какие доминанты сербской культуры стоит выделить в первую очередь, будет обсуждаться на всех лекциях и семинарах школы.

Занятия содержали материал самой широкой тематики. Проф. А.Н. Соболев читал вводные лекции «Сербский язык среди европейских и балканских» и «История формирования сербского диалектного комплекса». Об особенностях языка Воеводины и его взаимодействии с венгерскими диалектами рассказал старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН Г.П. Пилипенко. Затем у участников была редкая возможность прослушать курс ведущего научного сотрудника отдела истории средних веков Института славяноведения РАН А.А. Турилова о сербско-русских культурных связях с XII по XVI в. Изучение данной темы было продолжено в курсе научного сотрудника Института славистики Кельнского университета Д. Грбич, которая рассказала о русско-сербских языковых, культурных и литературных связях в XVIII в. Увлекательную презентацию о первых исторических словарях сербского языка представила проф. Р. Драгичевич, описав возможные способы анализа информации для исследования национальной картины мира. Также проф. Драгичевич провела несколько практических занятий, посвященных лексическому анализу сербского языкового фонда.

Последний день школы был посвящен культуре и истории сербского народа. Профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ А.Г. Шешкен прочитала лекцию «Негош и Пушкин – творческий диалог», в которой были раскрыты новые связи в творчестве двух поэтов. Доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ Л.В. Кузьмичева описывала одну из доминант сербской культуры в лекции «Сербия между Востоком и Западом. Проблема выбора пути в период становления независимого государства в XIX – начале XX века». О русско-сербских связях в изобразительном искусстве Югославии рассказывал старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института Славяноведения РАН А.С. Аникеев.

Помимо активной учебной программы также была организована однодневная обзорная экскурсия в г. Можайск и военно-исторический музей-заповедник «Бородинское поле».

Мы надеемся, что первая научно-практическая школа сербистики станет началом долгой традиции, в которой примет участие не одно поколение будущих сербистов, славистов, искусствоведов и историков.

Сведения об авторе:

Наталья Игоревна Кикило,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia I. Kikilo,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kikilo.natalia@gmail.com

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

Slika 1.
Akademik Aleksandar Flaker.
Foto: A. Vlašić-Anić

Anica Vlašić-Anić (Zagreb, Hrvatska)

Alexavangardrida Flakerijada Kugla-okom Harmsice u trapericama

Аница Влашич-Анич (Загреб, Хорватия)

Алексавангардрида Флакерияда через Kugla-глаз Хармсицы в джинсах

Anica Vlašić-Anić (Zagreb, Croatia)

Alexavangardrida Flakerijada with an Kugla-eye of Harmsica in jeans

SLUČAJ I. KAKVA AROGANCIJA, ALI ČIJA! ILI: ALEKSANDAR FLAKER, ALEKSANDAR SERGEJEVIČ PUŠKIN, SERGEJ ALEKSANDROVIČ JESENJIN I BRUCOŠICA-JA NA ZAGREBAČKOM FILOZOFSKOM FAKULTETU

Prvi moj susret s legendarnim profesorom ruske književnosti na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu dr. sc. Aleksandrom Flakerom, odvijao se 1975. g. u znaku Aleksandra Sergejeviča Puškina (26.05.1799.–29.01.1837.) i Sergeja Aleksandroviča Jesenjina (03.10.1895.–28.12.1925.). Organizatori književne tribine posvećene 80. obljetnici rođenja i 50. obljetnici Jesenjine smrti u Gradskoj knjižnici Zagreb, zamolili su ga da izabere studenta, koji bi mogao Jesenjine stihove izvesti na ruskom jeziku. Profesoru me preporučila studentica Irena: moja prijateljica iz gimnazije, zajedno sa mnom su/organizatorica ‘post-koncilski-avangardnih’, hrvatsko-englesko-francusko-ruskih večeri ljubavne poezije u atriju varaždinskog kapucinskog samostana¹ na kojima smo i nastupale. Kad me pozvala na njegovo predavanje da me upozna s njime, jer ga, kao brusošica na I. godini studija još nisam slušala, odabrala sam Puškina. Već u I. razredu gimnazije, zanosno odrecitiravši napamet cijelog *Jevgenija Onjegin* (*Евгений Онегин*, 1823.–1830.), do suza sam ganula moju profesoricu. *Письмо Татьяны к Онегину* (*Tatjanino pismo Onjeginu*) odabrala sam i 1974. g. za audiciju *Studentskog satiričnog glumišta* (SSG-a) u zagrebačkom Teatru&td. No, tek što sam prof. Flakeru ispričala ovaj ‘slučaj Puškin i ja’, doživjela sam – ledeno hladan tuš: «Ко-

¹ Jedinoga, koji se otvarao mladim laicima i njihovu kreativnom angažmanu – zahvaljujući fra B.Z. Šagiju, zaslužnomu kasnije i za moja prva otkrića «*pergamena iz traperica*» (Vlašić-Anić 2013, 2018, 2019) – koje sam ovom novom metaforičko-pojmovnom značenjskom sintagmom označila, dakako, u znaku naglašenog intertekstualnog suodnosa s Flakerovom *Prozom u trapericama* (Flaker 1976), a potom i *Nomadima ljepote* (Flaker 1988; Vlašić-Anić 2014).

legice, znadete li da **Puškin** i **Jesenjin** nisu isto? Jeste li ikada recitirali **Jesenjina**?» Bez riječi, pomislila sam buntovno ogorčeno: «Kakva arogancija! Kako ovaj profesor uopće može i pomisliti da ne razlikujem Puškina i Jesenjina? Ako mogu recitirati Puškina, zašto ne bih i Jesenjina?!?!». [Danas shvaćam: AROGANCIJA – DA, ALI ČIJA?!?!] Ipak, dogovorili smo se, da za «jesenjinsku audiciju» priprelim *Письмо матери* (*Pismo majci*, 1924.) i izaberem još jednu njegovu pjesmu. U ‘kafkijanski’ uzanoj sobici Uredništva časopisa *Umjetnost riječi* idući sam put «prošla»: uz strogu znanstveno-kritičku, neproničnu i zagonetnu mi (tada!) Flakerovu suzdržanost, ali i ...suzama orošeno blistavilo ganuća u očima prof. Dubravke Oraić Tolić – buduće (u najboljem smislu riječi!) ‘prve dame’ zagrebačko-pojmovničke *Teorije citatnosti* (Oraić Tolić 1990): u apsolutnoj tišini nakon što sam izgovorila posljednji stih pjesme po vlastitu izboru *Шаганэ ты моя, Шаганэ* (*Šaganè ti moja, Šaganè!*). I tako sam, ‘s profesorskim blagoslovom’ Aleksandra Flakera – prvi put javno nastupila s Jesenjinskom poezijom na ruskom, zajedno s popularnim kazališnim, filmskim i TV-glumcem Milom Rupčićem, interpretatorom Jesenjina na hrvatskom. Danas, 24. srpnja 2019. g., na samu 95. obljetnicu rođenja Aleksandra Flakera – ne mogu odoljeti, a da ovaj Jesenjinsko očaravajući stihotvor ne prevedem na hrvatski...

**SLUČAJ II. KAKO JE ANUŠKA ‘DOLILA ULJE NA VATRU’,
ILI: ALEKSANDAR FLAKER, DANIIL IVANOVIČ HARMS I – HARMSICA-JA
NA SEMINARU IZ SOVJETSKE KNJIŽEVNOSTI**

U proljeće 1977. g., na seminaru prof. Aleksandra Flakera iz sovjetske književnosti prijavila sam se da održim referat o Harmsu čije sam ime čula prvi puta u životu. Informacija o zbirci *Случаи* (*Slučajevi*, 1933.–1939.) i jednočinki *Елизавета Бам* (*Elizaveta Bam*, 1928.) za mene je odjeknula kao senzacija: nakon moje nenadmašne ‘literarne ljubavi’ Dostojevskog – nekakav takav, posve neočekivani, dadaističko-nadrealistički Harms! Od uzbuđenja prečula sam najbitnije – da se za Harmsove tekstove na vrijeme javim profesoru Flakeru! Euforija povezana s Harmsom savršeno se uklapala u moju studentsku svakodnevicu na potezu Filozofski fakultet – Studentski centar – Teatar&td. Inspirativne poput Flakerov(sk)ih, intelektualne ‘gozbe’ na studiju komparativne književnosti stapale su se s premijerama ‘zlatnog doba’ Teatra&td: od *Caspara P. Handkea*, *Umjetnika u gladovanju* F. Kafke do *Majstora i Margarite* M. Bulgakova. U autorskom kolektivu *Kugla-glumišta* intenzivno sam živjela i stvarala – ne/smisleno burne ‘slučajeve’ kazališno-NE/umjetničkih pro/vokacija života teatrom i teatra životom (Vlašić-Anić 2012). Moj ‘prvi slučaj Harms’ započeo je stoga burno: samo 10-ak dana prije termina referata počela sam ga tražiti u svim knjižnicama, uključivši Nacionalnu i sveučilišnu, a potom ga htjela kupiti u ruskoj knjižari u Preradovićevoj. Bezuspješno, s rezultatom: NULA, NIŠTICA, NULTOST (jaaako daleko još od Harmsove CISFINITNE NULE i NULTOSTI; a tako im blizu)! Nakon seminara u srijedu prije ‘Harmsove srijede’ – ‘napetog’ zbog oštre kritike prof. Flakera besprimjernu nemaru nespremnice referentice prema ruskoj avangardi (!) – kao da sam ‘dolila ulje na vatru’! [Ovdje mi je nemoguće ‘proći’ bez aluzija na *komsomolku Anušku* koja je baš **u srijedu** romaneskno *prolila suncokretovo ulje* u *Majstoru i Margariti!*] Pitala sam prof. Flakera što da radim u *tom* slučaju, kad Harmsove *Slučajeve* danima već nikako ne mogu naći u cijelom Zagrebu! Razmjere njegove zgranutosti danas mogu samo zamišljati jer, doista sam uspjela, blago rečeno na još četiri jezika – rus. *сжечь масло до огня*; lat. *oleum addere camino*; engl. *pour oil on the fire*; njem. *Öl ins Feuer brennen*... No, nepogrešivo autoritativnom *ex-cathedra*-uljudnošću, prof. Flaker podsjetio me kako me odmah upozorio da se za Harmsa javim njemu osobno, kao i to, da mi je ostalo jako, jaaaako malo vremena za pisanje referata! Već idućeg dana, presretna što konačno imam nekoliko *Slučajeva* tog famoznog Harmsa – gutala sam ga do samozaborava; otkrivala ga u povišenoj refleksivnoj senzibiliziranosti za susret

s najvišim razinama umjetničkog mišljenja. Dan prije ‘*dana D(aniila)*’, u podnevnoj pauzi između dvaju predavanja, sjedeći na osunčanim stepenicama točno nasuprot ulazu u zgradu Filozofskoga fakulteta, u jednom dahu sintetizirala sam svoj esejističko-poetski ‘zaključak’ o *Slučaju Harms* – na ruskom jeziku u *als-ob* maniri Harmsove fascinantne *Plave bilježnice br. 10 / Голубая тетрадь №10* (Хармс 1974: 47). I dok je komsomolka Anuška, prolivši ulje, postala *spiritus movens* skandalozne smrti predsjednika MASSOLIT-a Berlioza, dekapitirana poskliznućem pod tramvaj (*giljotinozni moskovski tramvaj-glavosijek*) ...ja, zagrebačka studentica, nerijetko zvana Anuška – seminarski ‘*doliveno ulje na vatru*’ preobražavala sam u stihove koji su započeli gorjeti u meni vatrom neugasivom, sve do danas. Stihove, zbog kojih sam, već tada u biti, neizlječivo i zauvijek postala HARMŠICA – iako sam ovim predivnim Sašinim nadimkom formalno nagrađena tek mnogo, mnogo godina kasnije... Pod naslovom *Вывод № 2 – Записка о Хармсе глаголицей / № 1*, ispisane ruskom ćirilicom i glagoljicom, uvrstila sam ih i u moju doktorsku disertaciju *Harms i Kafka* obranjenu 2006. g. pod mentorstvom prof. dr. sc. Aleksandra Flakera.

*Slika 2. Nakon obrane doktorata. Harms i Kafka.
A. Vlašić-Anić i A. Flaker. 8.11.2006. Foto: Josip Užarević*

**SLUČAJ III. PARADOKSI NE/SLUČAJNIH «ODSUTNOSTI»
I «PRISUTNOSTI» ILI: ALEKSANDAR FLAKER, KUGLA-GLUMIŠTE
I HARMŠICA U TRAPERICAMA – OD «PLAVE JHAČICE»
DO «DJEVOJKE SA ZLATNIM RIBICAMA»**

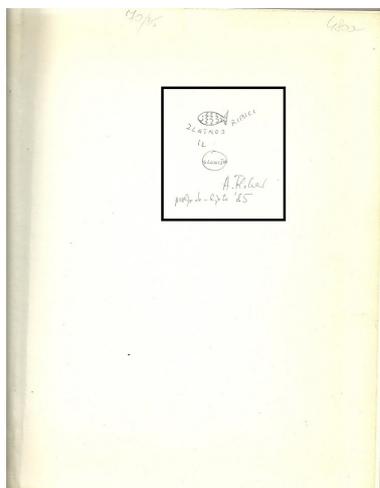
*«Postoji samo jedna vrsta pravih traperica. (...)
Mislim time reći da su traperice stav, a ne hlače».*

Ulrich Plenzdorf, *Nove patnje mladoga W.*, 1978.

Zahvaljujući ovim stihovima o Harmsu, prof. Flaker želio me predstaviti nekome od sudionika međunarodnog Slavističkog kongresa koji se 1978. g. održavao na Filozofskom fakultetu u Zagrebu, no baš te srijede izostala sam sa seminara. Slučajevi «odsutnosti» s Flakerovih seminara o avangardi (na kojima je ‘začeta’ njegova nenadmašna *Ruska avangarda!*) bili su rijetki – ali ova moja bila je NE/SLUČAJNA zbog nastupa Kugla-glumišta u

Beogradu na BITEF-u s predstavom *Mekani brodovi*. Da sam ga kojim slučajem informirala o Specijalnoj nagradi BITEF-a koju je Kugla glumištu dodijelio festivalski žiri ili o medijskom prostoru posvećenome *Mekanim brodovima* u *Theater heute* (Klunker 1978) – zasigurno bih ga više nego obradovala; no tada, zaokupljena već Kugla-kolektivnom proizvodnjom nove predstave, toga uopće nisam bila svjesna. Na zagrebačku premijeru *Mekanih brodova* koja se u prosincu 1977. g. događala u dvorištima, na ulicama i livadama siromašnog urbaniziranog predgrađa u neposrednoj blizini Filozofskoga fakulteta – s iznimnom sam ga radošću pozvala – no zbog NE/SLUČAJNE «odsutnosti» izvan zemlje, prof. Flaker nije se mogao odazvati. No, s *Mekanim brodovima* najuže je povezan slučaj NE/SLUČAJNIH «prisutnosti» estetike i po/etike Kugla glumišta u mojim književno-znanstvenim promišljanjima u izdanjima posvećenima životu i djelu prof. Aleksandra Flakera – *Oko književnosti* (Vlašić-Anić 2004) i *Nomadizam* (Vlašić-Anić 2014). Riječ je napose o prizorima iz Kugla-cirkusa koji sam igrala kao ‘plava jahačica’ (zagrebačka ‘Die blaue KUGLA-Reiterin’ u plavom artistskom trikou): zabilježeni lucidnim umjetničkim KUGLA-foto-OKOM Mladena Babića, transferirani su mojim KUGLA-komparativno-književno-rusističko-slavističko-esejističkim-OKOM «ne za novac rođene» (Flaker 1984: 20) ‘Harmsice u plavim trapericama’ (Vlašić-Anić 2012).

U kompleksu svih mojih *Ljubavi i pamćenja* (Marjanić 2016) povezanih s Kuglaglumišnim «žudnjama za plemenitim kazalištem» (Vlašić-Anić 2009, 2013.a, 2018.a), u dragocjene *nezaboravne trenutke* upisuje se i ushit kojim me prof. Flaker – uz jedinstveni osmijeh koji ću zauvijek pamtititi kao *osmijeh «nomada nad nomadima ljepote»* (Vlašić-Anić 2014) – silno obradovao jednom na Filozofskom fakultetu, pozdravivši me kao «zlatnu ribicu Kugla-glumišta» koje je «estetiziralo ulicu» (Marjanić 2006). Odmah sam shvatila da je riječ o njegovoj «prisutnosti» u publici na našoj urbano-ambijentalnoj uličnoj predstavi *Priča o djevojci sa zlatnim ribicama i cirkusu Plava zvijezda* 18. svibnja 1979. g. na 12. Zagrebačkom biennaleu ispred Glavnog kolodvora (*Kuglaglumišni ‘slučaj na željezničkoj stanici’!*). Oduševljeno je ispričao kako je ‘otkrio’ Kugla-glumište – zahvaljujući svojim prijateljima iz Beograda koji su na *Biennale* doputovali prvenstveno zbog naše predstave i povel i njega sa sobom. Što mu se sve moglo svidjeti možemo zaključiti po opisu njezine izvedbe na *Dubrovačkim ljetnim igrama* 1980. g. (Foretić 1980). Uz neizostavan detalj njegove priče: efekt ugodna iznenađenja, kad se na pozornici pojavila upravo *njegova* studentica, Anica Vlašić! Nekoliko godina kasnije, kad sam ga zamolila za autogram na mom

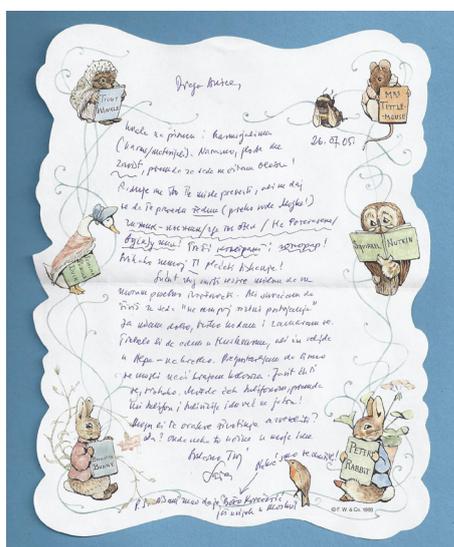
Slika 3. A. Flaker. 1985. Zlatnoj ribici Kugla glumišta.
Foto: A. Vlašić-Anić

primjerku *Ruske avangarde* (1984.), nacrtao mi je ‘zlatnu ribicu’ – zauvijek samo njegovu i zauvijek samo moju – koja ovaj primjerak za mene svakako čini jedinstvenim, raritetom hrvatske i svjetske rusistike i slavistike.

Šarmantnu čarobnost Sašinih duhovitih crteža otkrila nam je njegova kćerka Gorana Flaker, iznenadivši nas njihovom izložbom na ovogodišnjoj zagrebačkoj promociji njegovih dnevničkih zapisa o dvama putovanjima iz Nizozemske u Sjevernu Ameriku 1950. i 1951. godine *Bez linije – Volendamom* (Flaker 2018) koje je otkrila u njegovoj ostavštini. Na zagrebačkom Filozofskom fakultetu ova se promocija dogodila 6. ožujka 2019. g., ‘prekrivši’ za mene tu pretproljetno osunčanu, ponovo *Flaker/ovski-sveučilišnu srijedu* – ‘dopunskim oblikom’ (Matjušin!) ponosna prisjećanja na moju zlatnu ribicu Flaker/ovski-zaigrana, avangardno-portretnoga sjaja...

SLUČAJ IV. O ZNANSTVENIM
I PRAVIM BEBAMA & HARMS-I-DADA TEMAMA,
ILI: ALEKSANDAR FLAKER,
HARMS I DADAIZAM & POSLIJEDIPLOMANDICA-JA

Proces oblikovanja završnih sinteza mog magistarskog rada *Harms i dadaizam* koji se od samog početka odvijao «u nastavcima», odužio se dodatno tijekom *Domovinskog rata*: mom strpljivom mentoru prof. Flakeru donosila sam poglavlje po poglavlje, s optimističnim najavama da ću uskoro «*biti pri kraju*». Razglednice s biranim avangardno-dadaističkim motivima kojima me ohrabrivao da ustrajem, sve do danas sačuvale su profinjenu, neuništivu energiju dubinskih odsjaja istinske, zanosne radosti, one iste, gotovo netaknute, kakvu sam osjetila uzevši ih u ruke prvi put. Na razglednici s motivom «Wien – Vienna – Vienne “HUNDERTWASSER-HAUS”. 3. Bez. Löwengasse / Kegelgasse erbaut 1983–85» napisao mi je: «*Veljača '91 / Palimpsest? Draga Anice, Pročitao Vaš “nastavak”. Imate i ЧИНАРИ i cisfinitum (o tome v. opširno u Jaccarda!) Dobro napredujete, pa Vam želim da sretno i završite! – Ovdje se, nažalost, moram baviti drugim stvarima. Hoćete li do Uskrsa završiti ili “biti pri kraju”? Srdačan pozdrav, A. Flaker*».

Slika 4. Pismo A. Flakera. 26.7.2005.
na plavoj pozadini. Foto: A. Vlašić-Anić

A kada je «rađanje» ove moje «znanstvene bebe» još ne/izvjesnijim učinio i ubrzao najčudesniji *spiritus movens* – ushit iščekivanja rođenja moje treće bebe – Sašina razglednica ohrabrenja s motivom «WASSILY KANDINSKY, Sur Blanc – 1923 – On White», podarila mi je duhovno nepotrošive pokretačke impulse. Toliko jake i sigurne, tako trajno nedodirljivo IZNAD svih ratnih zamračenja i bljeskova prijetjećih eksplozija bombi... da su još uvijek ostali svježiji, i – u meni i tada i sada – nerazorivi. S jasno vidljivim poštanskim žigom koji čuva njihovo vrijeme 10.11.91. i poštanskom markom STIFT ST. PAUL IM LAVANTTAL REPUBLIK ÖSTERREICH, ispisani njegovom rukom – kao da su se dogodili zauvijek, čim sam ih pročitala prvi put: «*Draga Anice, 09.11.91 Ovo je pismeni pozdrav – neposredno poslije telefonskog. Nadam se da će se Vaše znanstvene bebe poroditi (bolje rečeno: ići na krstitke!) prije one prave, a također da ćete jednom osvanuti u Beču. Radnja je premašila moja očekivanja! Hvala Vam za ustrajnost i... drž'te se! Srdačno Vaš A. Flaker*».

Život moje «znanstvene bebe», obranjen 1992. g. ubrzo nakon rođenja *prave*, plodonošno je okrunjen izdanjem *Harms i dadaizam* 1997. g. (Vlašić-Anić 1997). No, znatno prije toga počeli su stizati Sašini dragocjeni DADA-pokloni kojima mi je iskazao iznimnu čast. Već 1993. g. obradovao me izdanjem *DADA SIEGT!* (Huelsenbeck – Tzara 1985). Potom me spojio s profesorom Raimundom Meyerom koji je pripremao veliku izložbu Dade u Kunsthausu u Zürichu, za čiji sam mu katalog poslala fotokopije «*Dada Jazza*» (moga poslijediplomanskog dada-otkrića u Nacionalnoj i sveučilišnoj knjižnici u Zagrebu). Moju skromnu dadaističku biblioteku R. Meyer obogatio je s dva kapitalna poklon-izdanja: *Dada* (Meyer – Bolliger 1993) i *Dada global* (Meyer et al. 1994).

A Saša me nije prestajao više nego ugodno iznenađivati: 10. studenoga 1994. g. iz Bazela je stigla još jedna njegova razglednica s motivom «MAX ERNST (1891–1976), Sans titre. 1920 (Ohne Titel). Gouache. Feder. Tusche und Bleistift. Übermalung eines

Druckes, auf Karton aufgezoogen, 30/25 cm. Privatsammlung»: «Zürich – Basel 06.11.94. “Жаль, что вас не было с нами”... Na Vaš račun, predajući u *Kusnthalli* pobrao sam aplauz na otvorenoj sceni čitajući D. Aleksića! Opravdam se, čitao sam i Krležu i Kosovela! Uzvracam ujedno Bohinj (za res!) i Dubrovnik i štujući Vas htio bih da ljubnem (cf. S.S. Kranjčević, *Radniku!*). Pozdrav a *tutti quanti bambini*. Herzliches Gruß S.» Na razglednici poštanski žig: 7.11.94. 4003 Basel i poštanska marka: GEORGES SIMENON.

SLUČAJ V. OD «POZIVA NA PLOVIDBU U PODRUM»
DO STIHOTVORA «ANITI KONTREC»
ILI: ALEKSANDAR FLAKER, ANITA KONTREC I JA RATNE 1993.
NA IZLOŽBI «RECALL BYBLOS» U ZAGREBU

«Zaista me uzbuđuje knjiga kod koje, kad je pročitate do kraja, zaželite da vam autor koji ju je napisao bude strašan prijatelj tako da biste ga mogli nazvati telefonom kad god to zaželite».

J.D. Salinger. *Lovac u žitu*, 1951. (Salinger 2007)

Kad sam čula od Anite da Saša nije prihvatio poziv na svečanu večeru poslije otvorena izložbe «Recall Byblos» na kojem će održati svoj govor – jednostavno sam odlučila da ga pokušam nagovoriti da ipak pristane. Nazvala sam ga i – uspjela. Te je večeri, još uvijek ratne 1993., održao i svoj govor *Pozivam vas na plovidbu u podrum* (Kontrec 2016: 98) i ovo obećanje. Stvorio je posebnu atmosferu, iznenadivši nas sve: pročitao je naglas duhovitu odu *Aniti Kontrec*, a ja sam je sačuvala: potpisanu s ALEXANDAR Flaker (odatile i X u našem naslovu ALEXAavaNgarDRIDA)! I opet nisam mogla odoljeti, a da ove duhovite stihove ne prevedem na ruski...

ALEXANDAR FLAKER: ANITI KONTREC

Prije ne mnogo godina
Rodila nam se Anita
Kao nemirno dijete
Još se uvijek skita.
At IUC once she has been,
Kad na Dubrovnik misli,
Hvata je sada spleen.
Istarske htjela okušati škole:
Dodji Anita, djeca je mole!
Ali Anita tvrda srca bila,
Samo je jednu suzicu pustila.
Pak je prevodila japanske romane²,
Gospodjama da prikrate dane,
Ali i starijoj gospodi:
Neka saznaju kamo eros vodi!
Blizak joj je postao otok Krk,
Kao prostor kipova njenih,
I tamo je ugleda moj sijedi brk,
U Puntu usred turista snenih.
Und endlich u Kölnu se skrasi,
Družbu okupi ideja puna,
I veli: **Kunst das ist**,

² Usp. Shōnagon 1987 – Anitin prijevod s engleskoga *The Pillow Book* (枕草子 *Makura no Sōshi*) Sei Shōnagon (清少納言, 966–1017 ili 1025); en.wikipedia.org/wiki/Sei_Shonagon [posjet: 15.9.2019.]; en.wikipedia.org/wiki/The_Pillow_Book [15.9.2019.].

Kada nema zlatnoga runa,
 Ni Argonauti kada ne plove,
 A mecene ne daju love.

Byblosa Anita tada se sjeti,
 I u Zagreb na krilima doleti,
 Sa Švabama ravno u podrum pane,
 Pomažuć hrvatske vidati rane.

Byblos, naime, bješe grad bez granica,
 I tako je okrenuta povijesti stranica.

U Zagrebu Anita mnoge prijatelje ima,
 I prijateljice su sada medju njima.
 Jedna je vještak od zelja i trava,
 Posjetite je kad vas zaboli glava.
 Druga je ona od sporta i zdrave hrane,
 Sojom vas kljuka da vam pamet stane.
 Treća pak prevodi kao i ona,
 Žedna preko vode prevest će i slona.

Medju nama je i vještica prava,
 Kada gata treba joj kava,
 Kada ne gata, glagoljicom se bavi,
 A **dadaizmom** meni srce travi.

I tako Anita vještičje kolo skuplja,
Altroche Mašakarate ispod kuplja³.

Prije ne mnogo godina Anita se porodi,
 Ali sve uspješnije svoje kolo vodi.

Stoga iz kola glas se javlja
 I Aniti pjesmicom nazdravlja:
 Za rimu se sveudilj pita,
 I ponavlja: skita se Anita!

Po kölnskoj lotrici gor in dol
Anita does always Zagreb recall!

**SLUČAJ VI.: DJEČAK KOJI «KIŠOM PUNI DŽEPOVE»
 U OSMIJEHU MAJAKOVSKOG
 ILI: ALEKSANDAR FLAKER, POJMOVNIK RUSKE AVANGARDE,
 PETIKAT I – FLAKER/OVKA-JA**

Jedan od neprocjenjivo trajnih Sašinih DADA-poklona bio je i – poziv na sudjelovanje s izlaganjem na Međunarodnoj znanstvenoj konferenciji «*Zagrebskij ponjatijnik kul'tury XX stoletija: LUDIZM*» koja se, još uvijek ratne 1994. g., održala na Filozofskom fakultetu u Zagrebu od 1.–3. svibnja. Temu sam odabrala s lakoćom: *Aracional'nyj, cisfinitnyj ludizm «literaturnogo huligana» D.I. Harmsa* (Vlašić-Anić 1994, 1995). Iskustva zagrebačko-pojmovničkoga – slobodno možemo reći, Flaker/ovski višesmileno pionirski-avangardnoga – znanstveno-istraživačkoga kritičkog promišljanja u slobodi stvaranja i druženja s legendarnim krugom svjetski uglednih rusista, slavista, kroatologa, teoretičara i povjesničara književnosti i umjetnosti, teologa, muzikologa, teatrologa, umjetnika... neprocjenjivo je za apsolutno SVAKOG sudionika. Ne samo u njihovu kreativnu znanstveno-istraživačkom opusu, već i u brojnim osobnim kontak-

³ O drami Iva Vojnovića *Maškarate ispod kuplja*, objavljenoj 1922. g., a premijerno izvedenoj u Pragu 1923. g., usp. npr.: Čale Feldman 1993.

tima, profinjeno prožetima neiscrpnim duhovnim nadahnućem u beskrajnosti slobode i topline okrilja Flakerovske pojmovničke ‘kabanice’ – fascinantnu djelu i osobnosti «nomada nad nomadima ljepote» (Vlašić-Anić 2014), profesora Aleksandra Saše Flakera.

Još prije multimedijalnog predstavljanja *Osmijeha Majakovskog* kao ‘priče u slika-ma uz živi orkestar’ (Žeželj, Greiner, Kropilak 2001) na pojmovničkoj «Karikaturi» u Lovranu 2001. g., PETIKAT je Sašu, zajedno s Josipom Severom, počastio umjetničkim prepoznavanjem kao – «dječaka» koji «kišom puni džepove»:

«I Flaker i Sever izgubili glave
pune kišom džepove –
dječaci»

(Žeželj, Greiner, Kropilak 2001)

Ne znam tko se sve – osim već istinski impresioniranog rusista i slavista svjetskoga ugleda, akademika Aleksandra Flakera koji ih je zbog toga i pozvao – mogao tada ‘zaljubiti’ u PETIKATov *Povratak Majakovskog*, uz ‘pristajanje na njegovu identifikaciju s Razapetim’ (FLAKER 2001). No, sasvim sigurno, ja sam se zaljubila odmah, na prvi pogled, trajno i neprolazno. Kartolinom «PETIKAT: Želja» Saša me obdario na Štefanje 2003 – doista kao ZA ZAUVIJEK: «**Štefanje 2003. Draga Anice, Nadam se da dizajn prepoznaješ – dečke koji su izdali strip Osmijeh Majakovskog (bili su u Lovranu). A što još da dodam njihovim željama koje sam našao u svom kastliću na Badnjak? Jedan sniježni, srdačni novogodišnji pozdrav, Saša**». Pa kako bi bilo moguće ikada ‘odljubiti se’ od PETIKATA? Meni sasvim sigurno ne. Bio je to tek početak međusobna prepoznavanja u ozračju Flaker/ovskih zagrebačko-pojmovničkih kodova.

Jedanaest godina kasnije, 28. listopada 2014. g., na promociji PETIKATOVA izdanja «*Daniil Harms: Pucanj ispred*. Izbor, prijevod i komentar: Anica Vlašić-Anić. Grafike: Danijel Žeželj. Zagreb: Petikat, 2014.» (Harms 2014) – oduševljena Žeželjevim grafičkim pre/stvaranjem Harmsove poezije (Žeželj 2014), jednostavno sam mu **morala** reći: «Umrem li noćas – već samo zbog ove knjige s tvojim grafikama umrijet ću kao sretna žena!». Moja radost doista je bila neopisiva: u Galeriji Studentskog centra, jednom od poprišta Kuglaglumišnih akcija, Harmsa je u mom prijevodu svojom interpretacijom u *trenutke nezaborava* upričao protagonist Kuglaglumišno-Dali/jevske *Ljubavi i pamćenja* Naco Oster (Vlašić-Anić 2018.a); na ruskom sam ih izgovarala ja-Harmsica; knjigu je predstavio PETIKAT-dizajner Boris Greiner; dok je slikanjem uživo uz DJ-glazbu D-Greea – Danijel Žeželj bez daha ostavljao publiku, u kojoj je zapažena i «prisutnost» prof. Josipa Užarevića... Uz neizreciv ponos, neiskaziva je bila naša tuga i «*Жаль, что САШИ не было с нами*» na ovom *povratku D.I. Harmsa* – zabilježenom i u *Vijestima iz kulture* HRT-a 29. listopada 2014. g. u 22.32h⁴. Baš kao i 2015. g. kada se moji optimistični planovi da slično predstavljanje sa svim sudionicima izvedemo i na IX ICCEESSU u Makuhariju u Japanu nisu ostvarili – no dah je pojmovničkog ozračja na predstavljanju ove knjige ipak zatitrao, zahvaljujući «prisutnosti» prof. Andree Meyer-Fraatz (vidi sliku 5 u: Vlašić-Anić 2019).

⁴ Usp.: www.hrt.hr/enz/vijesti-iz-kulture/260645/; vijesti.hrt.hr/performansom-predstavljena-harmsova-zbirka-poezije-29.10.2014 i radio.hrt.hr/clanak/performansom-predstavljena-harmsova-zbirka-poezije/73689/

SLUČAJ VII: SVOJOJ HARMSICI – OD FRANZA KAFKE
I PRIČE O GOSPOĐI TIGGY-WINKLE BEATRIX PORTER
DO SUVENIRNE LUTKICE ILI: ALEKSANDAR FLAKER,
PETI HARMS-FESTIVAL, HARMS I KAFKA – I DOKTORANDICA-JA

A onda, kao odgovor na moje pismo o Petom Harms-festivalu u Sankt-Peterburgu 2005. g. – stiglo je Sašino: s grafičkom minijaturom Zagreb, Vidikovac u Maksimiru i poštanskom markom izdanom 2004. g. Republika Hrvatska Jerolim Miše, datirano 18.07.05.: «Draga Anice, jako si me obradovala svojim “petrogradskim” pismom i uspješnim nastupom na Harmsovom kolokviju! Na taj lijepi i reprezentativan skup nitko me nije zvao, a jamačno ne bih ni išao premda bih rado vidio Petrograd (ne Moskvu, хватим с меня!). Naravno, svojedobno nisam baš lijepo primio Mejlaha (sjećaš se “Pionirskog grada?”) ... A znam da si Ti danas glavni harmsolog ove “sesije” i šire! Raduje me, ali Ti ipak dugujem “disertaciju”. Preobilna je, a moje radne sposobnosti su u naglom opadanju. Pa ipak, možda će za vrijeme ovih ferija biti nešto više vremena za čitanje Tebe! Premda imam cijeli popis neobjavljenih stvari! Hvala ti za poslanu Roseaninu karticu. Javio sam se njoj odmah, također kratkom karticom. A Ti ne možeš tek onako proći: ipak si zavrijedila bar pismo – i puno više! Telefon? Ne, sve me više ometa taj aparat. Radim, odmaram se i telefonski razgovori prekidaju taj polagani životni ritam! Zašto navodiš u pismu svoju “poslovnu” adresu?* / *Čak ni privatni telefon ne navodiš! Zašto ne ponavljaš Vinička 6? Pridržavam se Tvog adresiranja... Dobro znaš da je s Pojmovnikom sada bio застой. Ali Jasmina već marljivo radi na pripremi idućeg skupa u svibnju 06. Već je rezervirala “Bristol” u Lovranu. Želiš mi, Anice, sunčano i radosno ljeto. Na drugo pristajem, Ali su me već ove sunčane žege počele moriti. Radujem se, prema tome, kišama! Valjda ću i ove godine ići u kolovozu u gorje, Gorski kotar ili Sloveniju. Telka stalno upozorava starije osobe da ne izlaze na sunce. A uostalom, znam i sâm! Pišeš o 5. Harms-festivalu. Hoćeš li mi pričati kako je to izgledalo? A s jednim prilogom o Tebi bez veze s Harmsom mislim te iznenaditi. Bit će kratak, ali vidiš ni to ne stignem! Uostalom, već sam Ti posredno najavio – svojoj Harmsici! Eto, Anice, toliko za danas. Nadam se viđenju valjda u rujnu, možda ću se nekih stvari ras-teretiti, pa ćemo se raz-pričati. Bit će bolje, kažem ja sebi! I Tebi! A za sada srdačno, как всегда, Твоѝ Саša».

Potom me obradovao još jednim pismom – s nenadmašno ljupkim crtežima likova iz dječje knjige *Priča o gospođi Tiggy-Winkle* koju je napisala i ilustrirala Beatrix Potter, a izdao Frederick Warne & Co. u listopadu 1905. g. (slika 4); s poštanskom markom izdanom 1994. g. Republika Hrvatska Marino Tartaglia 1894.–1984.: «26.07.2005. *Draga Anice, Hvala na pismu i harmsojalima (Harms / materijali). Naravno, glode me zavist, premda za sada ne čitam Olešu! Raduje me što te misle prevesti, ali ne daj da te prevedu žednu (preko vode Можке!) чижик-пыжик / где ты был / На Фонтанке / вод(к)у пил! Traži контракт i гонорар!*

Sučut zbog smrti sestre mislim da ne moram posebno izražavati. Ali shvaćam da živiš za sada “na drugoj razini postojanja”. Ja nisam dobro, teško hodam i zamaram se. Trebalo bi da odem u Huskvarnu, ali ću valjda u Alpe – na kratko. Pretpostavljam da bismo se mogli naći krajem kolovoza. Javit ću ti se, svakako. Možda čak telefonom, premda mi telefon i televizija idu već na jetra!

Mogu li te ovakve životinje razveseliti? Da? Onda neka to učine u moje ime. Srdačno Tvoj Saša P.S. Nisam znao da je Božo Kovačević još uvijek u Moskvi! Nekoć smo se družili».

Razglednicu s motivom «FRANZ KAFKA, Franz Kafka ve studentských letech, Франц Кафка в студенческие годы», adresiranu na: «Draga Anica Vlašić» poslao mi je iz Zagreba 15.8.2006.: «Zagreb, Mala Gospa 2006. Ovo je, draga Anice, samo mali dokaz da svesrdno/usrdno radim na tekstu zvanom Mamut-Harmsada, te da će moj sićušni tekstić biti gotov kad škola počne! Ne mičem se od Anice i Daniila i Boga molim da vrijeme radu pogoduje, a o ostalom pogledaj zoc u šalici kave! Saša».

Slika 5. Dar A. Flakera Anici Vlašić-Anić. Foto: A. Vlašić-Anić

Epizoda ove *Flakeravangardride* u znaku Mamut-Harmsade Harms i Kafka završila je sretno, kao što smo već vidjeli na fotografiji tog sretnog trenutka (slika 3). A na naše paralelne susrete uz kavu, prilikom kojih sam Saši demonstrirala i svoje skromno umijeće iščitavanja oblika vremena i života u šalici popijene kave... podsjeća još jedan njegov, najludističkiji poklon: suvenirna lutkica šarmantne jahačice na metli/ci; mislim da je iz Poljske. Dakako: optimistično nasmiješene, kao da upravo, svaki put kad je pogledam, zajedno sa mnom odgovara na «osmijeh nomada nad nomadima ljepote», Aleksandra Saše Flakera (slika 5).

IZVORI

Друскин Яков Семенович. 1985. Чинари. Глава из книги Якова Семеновича Друскина (1902/1980) *Сон и явь*, 1968. *Wiener Slawistischer Almanach 15*, 381–403.

Flaker Aleksandar. 2018. *Bez linije – Volendamom*. Gorana Flaker, Jandranka Brnčić, Maša Kolanović (ur.). Zagreb: Durieux.

Хармс Данил Иванович. 1974. Избранное. Edited and introduced by George GIBIAN (Würzburg: Jal-Verlag).

Harms Daniil Ivanovič. 2014. *Daniil Harms: Pucanj ispred*. Izbor, prijevod i komentar: Anica Vlašić-Anić. Grafike: Danijel Žeželj. Zagreb: Petikat.

Huelsenbeck Richard, Tzara Tristan. 1985. *Dada siegt! Bilanz und Erinnerung*. (= *Kleine Bücherei für Hand und Kopf*. Verlag: Nautilus / Nemo Press. Edition Moder. 1. Auflage.

Plenzdorf Ulrich. 1978. *Nove patnje mladoga W*. Zagreb: Znanje.

Salinger Jerome David. 2007. *Lovac u žitu*. Koprivnica: Šareni dućan.

Shōnagon Sei. 1987. *Zapisci pod uzglavljem*. S engleskoga prevela Anita Kontrec. Tekst redigirao Nikica Petrak. Zagreb: SNL.

Žeželj Danijel. 2014. *Calendar. Pucanj ispred / Gunshot ahead*. dzezelj.com/calendar/25/18/pucanj-ispred-gunshot-ahead

Žeželj Danijel, Greiner Boris, Kropilak (= Habjan Stanislav). 2001. *Osmijeh Majakovskog 'priča u slikama uz živi orkestar'*. Katalog. ZAGREB: PETIKAT.

LITERATURA

- Čale Feldman Lada. 1993. Kazališno u pokladama, poklade u drami: *Maškarate ispod kuplja* Iva Vojnovića. *Croatica XXIII/XXIV (1992/1993)* – 37/38/39, 77–91.
- Meyer Raimund, Hossli Judith, Magnaguagno Guido, Steiner Juri, Bolliger Hans. 1994. *Dada global. Kunsthaus Zürich Sammlungsheft 18*. Zürich: Kunsthaus Zürich und Limmat Verlag.
- Flaker Aleksandar. 1976. *Proza u trapericama*. Zagreb: Biblioteka Razlog.
- Flaker Aleksandar. 1984. *Ruska avangarda*. Zagreb: SNL/GLOBUS.
- Flaker Aleksandar. 1988. *Nomadi ljepote*. Zagreb: GZH.
- Foretić Dalibor. 1998. *Hrid za slobodu. Dubrovačke ljetne kronike 1971.–1996*. Dubrovnik: Matica Hrvatska.
- www.hrt.hr/enz/vijesti-iz-kulture/260645/
- vijesti.hrt.hr/performansom-predstavljena-harmsova-zbirka-poezije 29.10.2014.
- radio.hrt.hr/clanak/performansom-predstavljena-harmsova-zbirka-poezije/73689/
- Klunker Heinz. 1978. Wunder gibt es nie genug. Eindrücke vom Belgrader BITEF-Festival. *Theater heute* 12, 19–22.
- Кобринский Александр. 2005. *Столетие Даниила Хармса. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Даниила Хармса / Кобринский Александр (ред.)*. Санкт-Петербург: ИПЦ СПбГУТД.
- Kontrec Anita. 2016. *Kreisverkehr / Kružni tok / Roundabout*. Zagreb: Hrvatsko društvo likovnih umjetnika.
- Marjanić Suzana. 2006. Razgovor s Anicom Vlašić-Anić. Urbani rituali Kugla-glumišta ili estetizacija uličnoga svagdana *Zarez, dvotjednik za društvena i kulturna zbivanja*. www.zarez.hr/clanci/razgovor-s-anicom-vlasic-anic. Dostupno od: 2.11.2006.
- Marjanić Suzana. 2016. Re-enactment ljubavi i socijalne situacije. Teatar &TD, Zagreb: Kugla glumište: Salvador Dalí – Ljubav i pamćenje – Evokacija, autori: Autorski kolektiv. *Plesna scena.hr*, 8. listopada 2016 (www.plesnascena.hr/index.php?p=article&id=1960).
- Meyer Raimund, Bolliger Hans. 1993. *Dada. Eine internationale Bewegung 1916–1925*. Zürich: Kunsthaus Zürich und Limmat Verlag.
- Oraić-Tolić, Dubravka. 1990. *Teorija citatnosti*, GZH, Zagreb.
- Shonagon Sei. en.wikipedia.org/wiki/Sei_Shonagon [posjet: 15.9.2019.]
- The Pillow Book. https://en.wikipedia.org/wiki/The_Pillow_Book [posjet: 15.9.2019.]
- Vlašić-Anić Anica. 1994. Aracionalni, cisfinitni ludizam literarnog huligana« D. I. Harmsa. *Ludizam. Zagrebački pojmovnik kulture 20. stoljeća*. uredili: Benčić Živa i Aleksandar Flaker. Zagreb: Zavod za znanost o književnosti Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu, 201–227.
- Vlašić-Anić Anica. 1995. Aracionalni, cisfinitni ludizam literarnog huligana« D. I. Harmsa. *Književna smotra XXVII/98 (4)*, 30–40.
- Vlašić-Anić Anica. 1997. *Harms i dadaizam*. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo.
- Vlašić-Anić Anica. 2004. Kafka, Kugla, Harms: mimikrija lijepog na poprištu estetike mučnine. *Oko književnosti: osamdeset godina Aleksandra Flakera*. Užarević Josp (ur.). Zagreb: Disput d.o.o. za izdavačku djelatnost.
- Влашич-Анич, Аница. 2005. Нарративный супрематизм ленинградской «звезды дада» («Star of Dada» Д.И. Хармса). *VI славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова. Материалы международной научной конференции, 9–11. сентября 2004 г.* (Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ), 213–217.

Влашич-Анич, Аница. 2005. Хармсады и Превращение (Die Verwandlung) Ф. Кафки. *Столетие Даниила Хармса. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Даниила Хармса* / Кобринский Александр (ред.). Санкт-Петербург: ИПЦ СПГУТД, 27–38.

Vlašić-Anić Anica. 2006. *Harms i Kafka*. Doktorska disertacija, mentor: A. FLAKER. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu.

Vlašić-Anić Anica. 2009. Žudnja za plemenitim kazalištem: Dunja Koproščec-Burić (1954.–2008.). *Zarez*, 11 (2009), 250; 15–16.

Vlašić-Anić Anica. 2012. Kolektivno autorstvo: neslučajna 'savršenost' Kuglinih 'kao-da' ne/znatnih 'nesavršenosti'. *Kazalište: časopis za kazališnu umjetnost*, Vol. XV, No. 51/52, 82–101.

Vlašić-Anić Anica. 2013. Fragments of parchment codices on the covers of old books. U *Summer School in the Study of Historical Manuscripts: Proceedings*, ed. by Mirna Willer and Marijana Tomić, 145–172. Zadar: University in Zadar.

Vlašić-Anić Anica. 2013.a. Željko Zorica Šiš. In memoriam. *Kazalište: časopis za kazališnu umjetnost*, Vol. XVI, No. 55/56, 190–193.

Vlašić-Anić Anica. 2014. Flaker/izam ljepote: pergamene iz traperica. *Nomadizam*. Vojvođić, Jasmina (ur.). Zagreb: Disput, 471–490.

Vlašić-Anić Anica. 2018. Aracionalno, interdisciplinarno – do otkrića glagoljskih, latinskih i hebrejskih 'pergamena iz traperica' FgCapVla. U: *Hrvatski prilozi 16. međunarodnom slavističkom kongresu* / Botica, Stipe; Malnar Jurišić Marija; Nikolić, Davor; Tomašić, Josipa; Vidović Bolt, Ivana (ur.). Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 151–161.

Vlašić-Anić Anica. 2018.a. Trenuci nezaborava. Sjećanje: Naco Oster (Gazije, 20. studenoga 1950. – Zagreb, 7. svibnja 2017.). *Plesna scena.hr*, 2.svibnja 2018 (www.plesnascena.hr/index.php?p=article&id=2190).

Vlašić-Anić Anica. 2019. Izložba *Varaždinske glagoljske pergamene i «knjige glagoljaške – kapucinske, karlobaške»* (Gradski muzej Varaždin, Palača Herzer, 24. siječnja – 11. ožujka 2018. godine) // *STEPHANOS / ΣΤΕΦΑΝΟΣ / СТЕΦАНОС*, 34 (2019), 2, 126–132.

Сведения об авторе:

Anica Vlašić-Anić,
Dr. sc.
Viša znanstvena suradnica
Stzaroslavenski institut

Anica Vlašić-Anić,
PhD
Senior Research Associate
Old Church Slavonic Institute

vlasican@stin.hr

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

D. Krasovec (Moscou, Russie)

Perspectives ouvertes par “Images polémiques, images dissidentes. Art et Réforme à Strasbourg (1520 – vers 1550)” de Frank Muller (2017)

Résumé: Nous faisons ici la recension du livre de Frank Muller, ‘*Images polémiques, images dissidentes. Art et Réforme à Strasbourg (1520 – vers 1550)*’, Baden-Baden / Bouxwiller 2017. Dans le même temps nous élargissons nos réflexions au-delà des thèmes de ce livre, en évoquant d’autres régions du Saint-Empire romain germanique (surtout l’Autriche intérieure), les visions des prophétesses, le rapport entre l’image et la linguistique, et le rapport entre le tactile et l’iconoclasme.

Mots clés : Frank Muller, Strasbourg, Réforme protestante, polémiques religieuses, gravures, XVIe siècle

Д. Красовец (Москва, Россия)

**Книга Франка Мюллера
«Полемические изображения, диссидентские изображения.
Искусство и Реформация в Страсбурге (1520 – ок. 1550)» (2017)
и открытые ей перспективы**

Аннотация: Рецензия на книгу Франка Мюллера «Полемические изображения, диссидентские изображения. Искусство и Реформация в Страсбурге (1520 – ок. 1550)» (Баден-Баден: Буксвиллер, 2017) представляет также более широкий взгляд на представленную в книге проблему с упоминанием других регионов Священной Римской империи германской нации (прежде всего Внутренней Австрии), видений прорицательниц, отношений между изображением и языкознанием и между хаптическим и иконоклазмом.

Ключевые слова: Франк Мюллер, Страсбург, Реформация, религиозная полемика, гравюры, XVI в.

Perspectives Opened by “Controversial Pictures, Dissenting Pictures. Art and Reform in Strasbourg (1520 – circa 1550)” by Frank Muller (2017)

Abstract: Here we review Frank Muller’s book, ‘*Images polémiques, images dissidentes. Art et Réforme à Strasbourg (1520 – vers 1550)*’, Baden-Baden / Bouxwiller 2017 / ‘*Controversial Pictures, Dissenting Pictures. Art and Reform in Strasbourg (1520 – circa 1550)*’. At the same time we broaden our reflections beyond the themes of this book, evoking other regions of the Holy Roman Empire (especially the Inner Austria), the visions of the prophetesses, the relationship between images and linguistics, and the relationship between touch and iconoclasm.

Key words: Frank Muller, Strasbourg, Protestant Reformation, religious polemics, engravings, 16th century

Nous intitulos cette courte contribution « Perspectives ouvertes par... » plutôt que « Recension de livre » car nous n’avons pas pour but de résumer un ouvrage, avec les remarques critiques qu’il est d’usage de faire, mais d’insérer certains aspects de cette recherche dans un contexte qui débord largement le thème abordé, la Réforme et l’art à Strasbourg pendant trois décennies. L’ouvrage qui mérite toute notre attention, que ce soit pour son contenu (quantité d’informations, sérieux des analyses), ou pour sa mise en page (typographie, appareil critique, richesse des illustrations), c’est le livre de Frank Muller, *Images polémiques, images dissidentes. Art et Réforme à Strasbourg (1520 – vers 1550)*, vol. 366 de la collection “*Studien zur deutschen Kunstgeschichte*”, Verlag Valentin Koerner, Baden-Baden / Bouxwiller 2017 (368 pages, 126 illustrations, ISBN 978-3-87320-366-2). Outre la présentation de l’éditeur lui-même¹, il en existe au moins une recension par Paul-Alexis Mellet (Université de Genève) dans la revue *Church History and Religious Culture* (2019)².

Frank Muller est professeur émérite d’Histoire moderne de l’Université de Strasbourg, mais auparavant il avait aussi occupé une chaire universitaire en histoire de l’art, c’est précisément ce va-et-vient entre deux champs des sciences historiques qui lui permet de naviguer entre différentes méthodologies et d’échapper à des cadres consensuels parfois inadaptés. Son approche en histoire de l’art nous fait entrer dans des analyses iconographiques et stylistiques pertinentes, qui tiennent autant compte du fond que de la forme, de façon équilibrée et avec une grande rigueur ; l’approche purement historique confère un souffle, un sens du récit où détails et grands événements se complètent, comme si nous en étions les témoins dans ces ruelles médiévales dominées par la cathédrale de Strasbourg.

Le seul défaut qu’on peut regretter est l’absence d’index des noms propres qui aurait couronné ce travail. Pour ce qui est du travail de recherches lui-même, il est difficile de faire la fine bouche, car si l’on aurait aimé que figurent encore telles ou telles précisions, ou que l’on s’aventure dans d’autres territoires de la recherche, c’est justement

¹ <http://koernerverlag.de/nichtbibliographische/artistes.html>

² Paul-Alexis Mellet, « Images polémiques, images dissidentes. Art et Réforme à Strasbourg (1520-vers 1550), by Frank Muller », *Church History and Religious Culture* 99/1, 2019, p. 83–85 ; DOI : <https://doi.org/10.1163/18712428-09901025>.

parce que Frank Muller nous ouvre de nouveaux horizons et nous invite à explorer ce passionnant début du XVIe siècle. L'auteur lui-même est bien conscient que nous ne sommes qu'au début d'études prometteuses, s'il nous a ouvert la porte sur de nombreux documents encore confidentiels dans le monde des spécialistes, il nous invite à continuer ce qui devrait être un travail collectif : « *J'ai donc renoncé à toute tentative de catalogue, qui serait pourtant d'un intérêt majeur, mais qui dépasse les possibilités d'un seul chercheur* » (p. 8–9). Pour autant, il est allé aussi loin que possible dans ses recherches en utilisant tout ce qui est déjà disponible.

IMAGES DISSIDENTES, UNE EXPRESSION JUSTIFIÉE ?

Strasbourg est indéniablement un centre essentiel au XVIe siècle, mais est-ce vraiment un nid d'opinions polémiques et dissidentes ? Si certains peuvent s'étonner du titre¹, remarquons que l'ouvrage est publié chez un éditeur qui dirige également la collection *Bibliotheca Dissidentium*, à laquelle Frank Muller a contribué en 2001 avec l'ouvrage *Artistes dissidents dans l'Allemagne du seizième siècle : Lautensack – Vogtherr – Weiditz*. Si, de plus, on considère qu'un dissident est celui qui ne reconnaît plus une autorité, ou la remet en cause, le choix de Frank Muller est tout à fait justifié pour retracer les parcours de dissidents religieux de la Réforme, de partisans d'une Réforme plus radicale que celle des réformateurs plus proches des positions défendues à Wittenberg.

Une certaine tradition critique était déjà bien ancrée à Strasbourg, ne citons que le succès de la *Nef des fous* (*Das Narrenschiff*, imprimé en 1494) de Sebastian Brant, qui est pourtant l'antithèse de nos dissidents, conservateur à tous points de vue. Alors, lorsque les premiers textes de Luther paraissent dès 1518 à Wittenberg (mais aussi dans les autres grands centres d'imprimerie germaniques, Bâle, Augsbourg, Nuremberg), et que la vague de la Réforme atteint rapidement Strasbourg, il est peu surprenant que les esprits s'embrasent. Tous n'épousent pas les thèses de Luther, Thomas Murner illustre au mieux la réaction strasbourgeoise et, à la différence d'autres cités rhénanes, « *les clercs y étaient très nombreux et constituaient une caste puissante et privilégiée* » (p. 77). C'est donc dans un milieu où chacun acère sa plume que l'utilisation de l'image comme moyen de propagande se met en place à partir de 1520, et c'est à ce moment précis que le livre commence.

La période qui suit est d'une extrême richesse, tant sur les plans politiques, qu'économiques et militaires, pratiquement toute l'Europe s'en trouve chamboulée, cela dépasse largement la Réforme, l'or des Amériques arrive d'un côté, les armées ottomanes de l'autre. Strasbourg semble encore loin de tout cela, néanmoins les divers événements qui secouent le Saint-Empire romain germanique résonnent presque aussitôt en Alsace. On comprend donc mieux que Frank Muller s'intéresse à une courte période, d'un peu moins de trois décennies, prendre le temps de saisir des changements rapides et subtils est essentiel, on trouve tout au long du livre un grand souci de l'exactitude de la chronologie.

Et s'en tenir à la gravure (et accessoirement au dessin), et uniquement du point de vue des réformateurs, est tout aussi justifié, élargir le cadre aurait risqué de dissoudre des observations dans des généralités, ou même de passer à côté en n'y voyant que des variations de l'esprit de l'époque plutôt que des nouveautés – parfois uniques dans l'histoire des idées.

¹ Par exemple Paul-Alexis Mellet dans sa recension.

THÉOLOGIES DES VILLES, CROYANCES DES CAMPAGNES, LES HORIZONS DU XVIe SIÈCLE

Saluons ensuite l'apparition d'un ouvrage consacré à la Réforme et l'art qui ne se concentre pas sur un thème, ou sur une technique, mais sur une ville. Cela peut sembler trivial, pourtant l'initiative est rare, Frank Muller le note dès le premier paragraphe (« à ma connaissance il n'existe pas d'étude monographique sur ce sujet dans le cadre d'une ville », p. 7), car cela nous place d'emblée dans l'horizon du XVIe siècle, celui de la cité et des alentours. L'histoire de l'art a été trop souvent contaminée par les approches nationales de l'art (ne citons que les sempiternelles oppositions entre Nord et Sud de l'Europe, dans les ouvrages sur le style au XIXe siècle et au début du XXe siècle), à tel point qu'en France un chercheur comme Eric Michaud a jugé bon de publier *Les Invasions barbares : Une généalogie de l'histoire de l'art*¹, pour montrer combien nous sommes toujours les héritiers de ces approches. Vers 1500, dans la riche mosaïque des territoires qui constituent le tissu de l'Europe, il ne faut pas y voir chaos et legs incongrus de siècle d'héritages divers (familiaux, politiques, ecclésiastiques, juridiques, économiques) mais l'expression de la richesse de relations qui se fondent sur une multiplicité de facteurs. Notre vision nationale et centralisée du passé nous empêche souvent de percevoir les possibilités qu'il y avait de passer d'un territoire intellectuel à un autre en s'affranchissant des barrières dressées par quelques princes vite impuissants face aux conseils d'une région, d'une province, ou d'une ville. Que Strasbourg ait fait partie d'un ensemble de villes reliées entre elles le long du Rhin supérieur, cela tout le monde le sait, mais nous faire sentir le pouls de cette cité, sa spécificité, sa richesse, nous y faire entrer par la porte principale pour écouter les groupes s'agiter, ou nous faire sortir des murs d'enceinte pour entendre le maraîcher Clemens Ziegler prêcher dans les campagnes d'Alsace, Frank Muller y parvient très bien, grandement aidé par son style.

Remettre Strasbourg au centre des préoccupations n'en fait pas pour autant un sujet « local » ou « régional », au contraire cela ouvre la possibilité de retracer des parcours et des tensions qui traversent toute l'Europe. Des références géographiques à d'autres contrées apparaissent régulièrement, qu'il s'agisse de la Bohême, de la Moravie ou de Riga. Un personnage comme Ludwig Hätzer (p. 150–162) est aussi très révélateur des pérégrinations qui sont liées tant à l'état des routes qu'au besoin de fuir ses détracteurs ou de suivre l'instabilité de son caractère. Le cheminement de Hätzer trouve son épilogue, tragique, à Constance, mais ce qui nous frappe le plus chez lui c'est qu'il semble être le miroir d'un autre milieu, celui d'humanistes, diplomates et réformateurs très actifs dans les provinces autrichiennes à la même période (et peu avant), et parfois reliés à Constance, comme si cette ville était au point de rencontre de deux zones distinctes du monde germanique. Primož Simoniti décrit très bien ce milieu², on pense souvent à cet auteur en lisant *Images polémiques, images dissidentes*, il est certain qu'une confrontation attentive des deux ouvrages permettrait d'avoir une vision d'ensemble qui s'étendrait jusqu'à l'autre extrémité de l'arc alpin (Autriche, Autriche intérieure, Styrie, Carinole, Carinthie, Istrie). Bien que l'ouvrage de Simoniti soit déjà ancien, embrasse un cadre plus large, et bien qu'il ne traite pas d'iconographie, la récurrence d'un Johannes

¹ Ouvrage important, bien que pour le domaine que nous maîtrisons le mieux, l'école de Vienne en histoire de l'art, l'auteur aille trop loin dans ses conclusions quant à Alois Riegl (1858–1905) ; Eric Michaud, *Les invasions barbares : Une généalogie de l'histoire de l'art*, Gallimard, Paris 2015.

² Dans un ouvrage qui n'est malheureusement accessible qu'à ceux qui lisent le slovène : Primož Simoniti, *Humanizem na Slovenskem in slovenski humanisti do srede XVI. stoletja*, Slovenska matica, Ljubljana 1979. Il s'agit d'un ouvrage qui porte sur la littérature et l'histoire, non sur l'art, il est pourtant incompréhensible que les historiens de l'art qui traitent de cette zone géographique n'y fassent pas plus souvent référence.

Reuchlin dans les deux livres dévoile des affinités bien plus révélatrices que l'omniprésence d'un Luther ou d'un Mélanchthon.

Il semblerait même que parmi les premiers protestants à publier des livres en langue vernaculaire en Carniole (donc en slovène), certains ont pu avoir des rapports avec Strasbourg, dont Primus Trubar ; l'œuvre de ce dernier est si étudiée que tout semble avoir été dit, pourtant il est encore extrêmement difficile de comprendre ce qui le rattache vraiment à l'Alsace. Il n'est pas à douter qu'*Images polémiques, images dissidentes* permettra enfin d'en éclairer de nouveaux aspects¹, en explorant la biographie des acteurs cités, car si de nombreux spécialistes d'Europe centrale ont accès à une riche bibliographie sur des centres comme Bâle, Augsbourg ou Venise, il y avait un vide criant pour Strasbourg. Cette lacune est enfin comblée, cet ouvrage de référence évitera au spécialiste de se perdre dans une multitude d'articles pas assez accessibles.

Frank Muller s'attarde aussi sur Karsthans, le « paysan évangélique » (p. 19–26), avec des renvois bibliographiques très riches. Ces quelques pages sont précieuses pour mieux cerner tout ce qui a trait aux révoltes de paysans, presque toujours considérées d'un point de vue économique et social, souvent sous l'angle de l'oppression et de la lutte², plus rarement du point de vue de la représentation. Plutôt que de faire des rapprochements généraux (et sans consistance) des révoltes en Autriche en 1515 et en Alsace en 1525, on gagnerait à thésauriser toutes les images artistiques et littéraires de ces phénomènes au début du XVIe siècle pour en renouveler notre perception. Propos qui seraient enrichis par le pendant urbain de Karsthans, Hans von Schore, pseudonyme d'un auteur non identifié (p. 167–169).

Enfin, Frank Muller accorde aussi de l'importance aux femmes, Katharina Zell, Katharina Seid, ou Ursula Jost. En évoquant cette dernière, il est plus historien d'art qu'historien car « *en effet, nous tenons là un témoignage assez exceptionnel de l'impact visuel des images de l'époque* » (p. 228). Cela devrait encourager d'autres chercheurs à se pencher à nouveau sur ces femmes prophétesses du XVIe siècle, nous pensons par exemple à Ursula Ferligojnica qui a des visions à partir de 1539 près de Gorizia, elle est décrite par Primus Trubar lorsqu'il s'offusque du crédit qui lui est porté et de la production artistique qui entoure ces élans de ferveur collective. Trubar évoque également une Margeta Hudakončevka qui a des visions de la Vierge, en Carniole vers 1530, et qui s'en va ensuite à Aix-la-Chapelle – ce qui nous rapproche de Strasbourg. Cela pourrait être rattaché aux phénomènes de quelques décennies ultérieures, mais spectaculaires, des mouvements populaires des *skakači* et *štiftarji* (les sauteurs et les fondateurs) en Autriche intérieure, ou des *benandanti* dans le Frioul. Carlo Ginzburg est célèbre pour son travail sur les *benandanti*, il analyse longuement les images de leurs vision ; en revanche on ne sait presque rien des images des *sauteurs* et *fondateurs*, ce qui est très frustrant lorsque l'on sait que de nombreux documents dorment dans les archives de Graz mais que personne ne s'est encore penché sur ces procès-verbaux.

¹ Le parcours de certains protestants reste peu clair, bien qu'il soit bien connu dans leurs grandes lignes comme c'est le cas pour Primus Trubar (1508–1586), et l'évocation d'un lien avec Strasbourg n'apparaît que furtivement dans quelques articles. La seule certitude, mais cela dépasse notre cadre chronologique, est que Matija Vlačić (1520–1575), « *plus connu sous son nom latin de Flacius Illyricus (...) enseigna à Ratisbonne et à Strasbourg, où il publia son ouvrage Clavis scripturae sacrae (1567)* », p. 16 in Antonia Bernard, « La Réforme et le livre slovène », *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français* 141, Librairie Droz, Paris 1995, p. 5–26.

² C'est le cas des études dans les ex-pays socialistes de l'Europe de l'Est. Si les Tchèques ont pu aborder ces thèmes différemment dans leur histoire récente, l'imaginaire des Slovènes ou des Croates s'en tient encore aux interprétations du temps de la Yougoslavie.

UNE ICONOGRAPHIE DU XVIe SIÈCLE À RÉÉVALUER

Pour ce qui est des œuvres d'art elles-mêmes, il a fallu opérer des choix douloureux, se limiter à quelques auteurs et quelques thématiques – le lecteur est donc impatient de pouvoir découvrir un jour le matériel iconographique confié aux recherches futures. Parmi les artistes les plus célèbres, il y a Hans Baldung Grien, Heinrich Vogtherr l'ancien et Hans Weiditz, bien connus, et pourtant si méconnus. Cela peut paraître surprenant, mais un artiste de la qualité de Hans Baldung Grien a dû attendre une monographie en français jusqu'en 2019 ! Et c'est au même auteur que nous la devons¹. Si on y ajoute les noms de Erhart Schlitzohr, Hans Weiditz, ou Heinrich Vogtherr, ou les illustrations des ouvrages de Ulrich von Hutten ou Hans Denck, on n'est plus dans « l'anecdote » (p. 245), on entre dans l'épaisseur de l'histoire et de la culture, on recueille des étincelles de ce que le temps n'a pas conservé, que ce soient des œuvres, des idées, des récits soupesés ou des histoires décousues.

Que ce soit clair, la matière du livre est bel et bien d'éclairer les débats théologiques à Strasbourg avec l'avènement du protestantisme et de montrer comment une nouvelle production d'images émerge. La Réforme est alors une mosaïque complexe, il y a Luther et son cercle, Zwingli non loin de là, mais il y a aussi les anabaptistes, les antitrinitaires, et les spiritualistes qui émergent parmi une foule de groupes – généralement campagnards – aux nuances indistinctes faute de témoignages précis et sans nom resté dans l'histoire. On croise également de temps en temps une allusion aux hutterites, mennonites, ou melchiorites. Sans compter, c'est une spécificité alsacienne, les communautés juives villageoises qui ajoutent au coloris.

Les images alors produites illustrent parfois les débats ou les nouvelles conceptions, parfois détournent des modèles connus pour leur redonner un sens, parfois semblent exister par la grâce de l'acte créateur indépendamment d'une thèse à défendre, et parfois s'inscrivent dans le champ plus classique de l'iconologie comme si une image prolongeait certains codes iconographiques en ne faisant que peu de cas du contexte rattaché aux variantes précédentes. Avec ce livre on entre dans les discussions de ceux qui ne créaient pas, dans les créations de ceux qui maniaient mieux la gravure que les arguments, dans les hésitations, dans les fluctuations d'opinions, dans les imprécisions ou inexactitudes du passage du discours à l'image, on passe de l'univers intellectuel à l'univers visuel sans toujours savoir à qui il faut porter plus de crédit. Qu'importe, le fait est que l'image imprimée qui voyage acquiert une existence autonome aux yeux de celui qui la regarde loin de Strasbourg. Et, comme le souligne Paul-Alexis Mellet, dans ce livre abondamment illustré, avec certaines gravures à exemplaire unique, « *le lecteur est ébloui par certaines d'entre elles* »².

Plus que la qualité des œuvres (des meilleures aux plus sommaires), plus qu'une nouvelle approche, c'est la découverte d'œuvres inconnues qui renouvelle la perception de l'époque. De nombreuses études sont malheureusement vaines car elles ne s'attachent qu'à proposer de nouvelles interprétations sur des œuvres déjà connues : nous ne remettons pas en cause la nécessité de revivifier régulièrement la réflexion intellectuelle, mais seule des documents nouveaux nous donnent la possibilité d'échapper aux cadres construits avec trop d'astuce, convaincants certes, mais loin d'une réalité qui est toujours plus riche et étonnante, donc plus attrayante.

Parmi les images les plus étonnantes de ce livre, on peut même parler de révélation, celles de Clemens Ziegler (p. 237–244), qui émerveillent au sens propre, on approche du monde des fables. Dans des personnages transparents, on aperçoit le Christ enfant lové dans un cœur surmonté du Père, face à une serpente que Frank Muller rattache

¹ Frank Muller, *Hans Baldung Grien, entre christianisme et paganisme, éditions du Signe*, Strasbourg 2019.

² Paul-Alexis Mellet, *opus cité*, p. 84.

avec raison, entre autres, aux réminiscences de Mélusine¹. Il est évident que le sens nous échappe encore, qu'il y a encore beaucoup de recherches à faire pour retrouver d'autres images et textes qui se rapprocheraient de ces iconographies inhabituelles. L'auteur prend peu de risques pour mener une exégèse poussée de ces iconographies (ill. 47 à 49 dans son livre), et nous ne nous hasarderons pas plus à proposer des hypothèses invérifiables. Nous ne pouvons cependant nous empêcher de songer au récit de voyage de Jean de Mandeville, *Le Livre des merveilles du monde* (1355/57), qui évoque des femmes avec un serpent dans l'utérus – et sur le dessin aquarellé intitulé *Le Combat intérieur de l'Homme* (1532), un homme barbu se tient étrangement le ventre comme s'il était... gravide. Ce rapprochement aurait pu paraître saugrenu si la traduction allemande d'Otto von Diemeringen n'avait été imprimée trois fois chez Johann Prüss en 1483, 1484 et 1488, puis en 1499 chez Bartholomäus Kistler, toujours à Strasbourg². Plus généralement, on ne peut exclure que Ziegler ait été inspiré par divers récits fantastiques, connus et imprimés, mais aussi populaires véhiculés par la tradition orale³.

CONSTRUIRE ET DÉTRUIRE LES IMAGES

Une autre question que nous voudrions poser, c'est celle de la construction des idées et des formes qui les expriment. C'est à la fois une question linguistique et artistique. Sur le deuxième niveau, la problématique est claire et c'est un classique de l'histoire de l'art que de passer du discours à l'image et vice-versa, mais l'approche linguistique est plus rare, plus confidentielle, elle fait appelle à d'autres méthodologies.

Frank Muller est sensible à la dimension lexicale ou à la force du signe, il le prouve dans son analyse du Tétragramme (p. 174–201). Mais l'évocation fréquente de pamphlets nous amène à faire une digression, nous rappelle les propos de Jean Schillinger (Université de Lorraine) sur la grande quantité de pamphlets très peu étudiés aujourd'hui, des feuillets anonymes et isolés, en allemand, mais truffés de jeux de mots sur le latin et le grec ancien – ce qui les rend difficiles à lire et rebutent les chercheurs⁴. Les jeux de mots y sont à la fois des créations linguistiques et visuelles, on combine des lexèmes phonétiques qui évoquent un fait visuel pour composer de nouveaux mots, d'autres fois on joue sur une double homonymie, celle des sons et celle des signifiants et des signifiés qui s'y rattachent – ce phénomène devra un jour être sérieusement mis en parallèle avec l'apparition de nouvelles images. Pour l'instant, de nombreux auteurs relèvent quelques belles trouvailles, mais aucune étude sérieuse n'a encore essayé d'en faire un champ de recherches exigeant et systématique.

A l'inverse, qui dit construire dit aussi déconstruire, les idées ou les modèles, ou simplement détruire, et c'est l'iconoclasme. Un long chapitre y est consacré (« L'iconoclasme, pratique, théorie et images », p. 73–148). L'iconoclasme strasbourgeois se distingue de celui des villes suisses en s'étendant dans le temps, sur six années environ (dans les années 1520). Si les principaux arguments de Luther, Karlstadt et Capito sont

¹ Claude Lecouteux, « Zur Entstehung der Melusinen-sage », *Zeitschrift für deutsche Philologie* 98, 1979, p. 73–84.

² Johannes de Mandeville, *Itinerarium*, trad. Otto von Diemeringen, éd. Johann Prüss, Strassburg 1483, 2° ; rééd. Johann Prüss, Strassburg 1484, 1488, 2° ; rééd. Bartholomäus Kistler, Strassburg 2.IX.1499, 2° (cf. Ernst Bremer, « Jean de Mandeville in Europa. Neue Perspektiven in der Reiseliteraturforschung », Paderborn 2007, URL : <https://gesamtkatalogderwiegendrucke.de/docs/MANDJOH.htm>, consulté le 15.11.2019).

³ Pour d'autres sources de langue allemande, cf. Claude Lecouteux, *Les Monstres dans la littérature allemande du Moyen Âge : Contribution à l'étude du merveilleux médiéval*, Editions la Völva, Besançon 2016, p. 635 (édition complétée de celle de 1982).

⁴ Communication orale à Nancy, en 2007 ; Jean Schillinger est l'auteur de nombreuses études sur les pamphlets, notamment autrichiens.

exposés pour montrer qu'il s'agit d'un phénomène complexe, même pour les tenants d'une lutte contre les images, Frank Muller ne s'arrête pas à ce constat. Il relève que « *Luther avait bien compris comme étant un élément constitutif de l'esprit humain, le besoin de penser par images* » (p. 215) et il cherche donc à aborder « *la question de la vision comme activité psychique compensatoire* » (p. 222). Cela aboutit à un paradoxe intéressant, celui de la vision d'une destruction d'images, antinomie parfaitement résumée par cette citation (à propos d'Ursula Jost) : « *ces visions apparaissent souvent comme des succédanés de tableaux dont la rêveuse souhaitait consciemment la destruction* » (p. 229). Comme si, au final, l'image était impossible à détruire.

On perçoit parfois qu'on peut aller encore plus loin dans l'analyse de l'iconoclasme, sortir du cadre classique de la triangulaire du visuel / de l'intellectuel / et de la représentation, et s'interroger sur la signification plus profonde des sens, de la perception. Du lien qui existe entre contact corporel et connaissance révélée, des modes symptomatiques qui poussent notre esprit à moduler toute une gamme de représentations du monde pour que nous parvenions à y trouver notre place. Pour vraiment comprendre tout ce qu'implique cette phrase de Sebastian Franck sur Ludwig Hätzer, en 1531, « *Il a beaucoup écrit contre les images qu'il considérait comme la pire des idolâtries et qu'il qualifiait de fornication scandaleuse* » (p. 162–163), il faudrait utiliser les travaux les plus récents de la psychanalyse qui se rapportent au tactile (nous pensons en particulier à Mladen Dolar et à l'école de Ljubljana¹, mais aussi à des textes plus anciens d'Emmanuel Levinas), et éventuellement revenir sur le débat *optisch/haptisch* si prisé des historiens de l'art de l'école de Vienne vers 1900 (et qui ont eu une influence déterminante sur Freud). Non pour parler de corporalité, mais uniquement de tactilité² comme mode d'existence autonome avec ses implicites dans la création de représentations – ou son incompatibilité avec un système hérité de la perception visuelle.

Enfin, une fois que les racines et les mécanismes de l'iconoclasme seront mieux compris, il faudra aussi sérieusement se pencher sur l'iconoclasme catholique dont on parle trop peu, ou qu'on associe à une réaction qui ne ferait que réparer les maux subis auparavant, on le considère rarement comme une continuité logique et un aboutissement.

Plutôt que conclure, émettons un désir : celui d'organiser un colloque international sur cette période, où on ne demanderait pas aux participants de faire le point sur les recherches, mais de venir avec ces milliers de pages scannées ou photographiées produites par les premières imprimeries et par les esprits de leurs lecteurs (textes d'auteur, témoignages, procès-verbaux). Il y a encore vingt ans il était difficile d'avoir accès à de nombreux documents originaux, avec les technologies actuelles rien n'est plus facile. Ne serait-ce que par les facilités aujourd'hui offertes, ce travail de thésaurisation s'impose, et il ne fait aucun doute que les recherches actuelles en seraient radicalement transformées.

¹ L'approche de cette école n'est pas la psychothérapie, mais la volonté d'expliquer le fonctionnement des idéologies ; c'est pourquoi ses conclusions sont parfois très loin des analyses freudiennes, et trouvent plutôt leur application dans le champ politique.

² L'ancien étudiant de Mladen Dolar, Mirt Komel, à l'Université des sciences sociales de Ljubljana, s'attache à explorer ce champ de recherches encore pratiquement vierge, ses travaux sont en cours.

Сведения об авторе:

Давид Красовец,
доктор искусствоведения
ИГСУ РАНХиГС

David Krasovec,
Doctor of Art History
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration under the
President of the Russian Federation

David Krasovec,
Docteur en Histoire de l'art
Académie russe d'Economie nationale et
d'Administration publique auprès du Président de
la Fédération de Russie

davidkrasovec@yahoo.fr

А.В. Злочевская (Москва, Россия)

**А.С. Пушкин в восприятии
современных словацких русистов: подведение итогов**

A.V. Zlochevskaya (Moscow, Russia)

**Pushkin in Perception of Contemporary Slovak Researchers
of Russian Literature: Summarizing**

Интерес к А.С. Пушкину – к его жизни и творчеству – в словацкой русистике устойчив, имеет давние традиции и значительные достижения¹. Новая коллективная монография, созданная усилиями ведущих русистов современной Словакии с философского факультета университета им. Каменского в Братиславе «А.С. Пушкин в Словакии (1988–2015)»² продуктивно продолжает эту традицию, привнося новые изыскания, взгляды и подходы.

В современной словацкой русистике, как подчеркивает профессор А. Элиаш, в культуре и литературоведческой славистике назрела потребность «суммировать, упорядочить, систематизировать накопленные частные познания» (стр. 5). Ответом на этот запрос стал рецензируемый труд. Период с 1988 по 2015 г. авторы монографии считают переломным в истории рецепции А.С. Пушкина словацким культурным контекстом, так как именно в эти годы, во многом благодаря переменам идеологического и общественного климата, произошли качественные изменения в самом «образе» великого русского писателя на культурно-литературном пространстве Словакии.

Свое внимание словацкие русисты сосредоточили на базовом пласте рецепции – вопросах художественного перевода, как общих, так и более частных: переводы «Евгения Онегина» (глава профессора А. Элиаша) и повести «Метель» (глава профессора М. Кусы). Художественный перевод как самостоятельная литературная деятельность, подчеркивают словацкие ученые, выполняет целый комплекс важнейших культурологических функций: информативную, онтологическую, креативную, развивающую, дополняющую, социокультурную, эстетическую и др.

¹ Červeňák A. A.S. Puškin – človek a básnik. Nitra: Matica slovenská, 1989. 183 s.; Naš Puškin. Nitra: Filologická fakulta Univerzita Konštantína Filozófa, 1998. 223 s.; Puškinovské interpretačné variácie. Bratislava: Univerzita Komenského, 2000. 127 s.; Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015 / Ed. M. Kusá. Bratislava: Veda, 2015. 264 s.; Slovník slovenských prekladateľov umeleckej literatúry. 20. storočie / Eds.: O. Kovačičová, M. Kusá. Bratislava: VEDA a ÚSvl. SAV, 2015. 464 s. и др.

² Eliáš A., Kusá M., Lukačová A., Šimková L. A.S. Puškin na Slovensku (1988–2015) / Ed. a ved. red.: A. Eliáš, M. Kusá. Bratislava: Univerzita Komenského, 2018. 190 s.

Издательско-переводческая деятельность действительно является основой всех рецептивных процессов. В этом смысле сужение проблематики выглядит вполне оправданным: оно повышает конкретность изысканий, а тем самым способствует убедительности. Сокращение количественное повышает интенсивность. Однако вне сферы интереса словацких славистов оказались такие важные аспекты рецепции, как собственно анализ оригинальных пушкинских текстов, а также влияние творчества Пушкина на словацкую литературу. Сужение исследовательского диапазона следовало отразить в названии книги.

У истоков современной словацкой компаративистики стоят классические труды Д. Дюришина¹, доказавшего, что доминантой рецептивных процессов всегда являются национальные особенности и потребности воспринимающего контекста. Основополагающий постулат концепции словацких славистов – признание того, что характер и особенности восприятия художественных ценностей инонациональным контекстом определяются его культурно-историческими потребностями в каждый исторический период.

Аналитическому рассказу о рефлексии личности и творчества нашего великого поэта посвящена глава «Функционирование переводов А.С. Пушкина в словацком культурном контексте». Свою главную задачу профессор М. Куса видит в том, чтобы проследить, как менялся сам «образ Пушкина» в читательском восприятии начиная со второй половины XIX в. и что привнес в контексте заявленной проблематики исследуемый период.

Автор подчеркивает антиисторичность утверждения о ведущей роли Пушкина в переводах из русской поэзии. Словацкие русисты Д. Дюришин, А. Попович, Э. Панова² в своих классических работах убедительно показали «сложность положения Пушкина в переводах из русской литературы» (стр. 18).

Так, в XIX в., когда русская литература воспринималась по преимуществу в контексте идей панславизма и межславянского единства, безусловным лидером читательского интереса, а соответственно, и печатной продукции была поэзия славянофила А. Хомякова, в то время как творчество Пушкина оказалось в тени.

В межвоенный период, после распада Австро-Венгрии и возникновения самостоятельного государства Чехословакия, художественный перевод обрел и еще одну очень важную функцию: он стал «неотъемлемой составляющей культуры эмансипированной нации и показателем уровня развития его культуры по отношению внешнему миру» (стр. 25). В эти годы пушкинское литературное наследие становится одним из средств национального самоопределения новой, чехо-словацкой межнациональной общности.

В послевоенный, т.е. советский, период обращение к классическим, в том числе пушкинским, текстам было связано с потребностью вернуться к «проверенным ценностям», а в то же время с тем, что русская классика давала возможность критически анализировать и осмысливать общественное устройство – на примере царской России делать выводы относительно современного общества.

На фоне вполне понятного резкого спада в 1990-е гг. читательского, а соответственно, и издательского интереса к русской литературе наблюдалась парадоксальная «рецептивная ревитализация» интереса к русской поэзии со стороны

¹ *Ďurišin D.* Problémy literárnej komparatistiky. Bratislava: SAV, 1967. 198 s. и др.

² *Popovič A.* Ruská literatúra na Slovensku v rokoch 1836–1875. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1961. 153 s.; *Ďurišin D.* Slovenská realistická poviedka a N.V. Gogol'. Bratislava: ÚSVL SAV, 1966. 241 s.; *Panovová E.* Puškin v slovenskej poézii do r. 1918. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1966. 257 s.; *Panovová E.* Ruská a sovietská poézia na Slovensku (1918–1938). Bratislava: Veda, 1983. 121 s. и др.

ученых русистов – к Пушкину прежде всего в связи с празднованием 200-летия со дня рождения поэта. В исследуемый период вышли в свет 295 научных публикаций по пушкинской теме: монографии, сборники статей, отдельные исследования и др., – а также концептуальные работы, посвященные собственно проблемам перевода и содержащие критику переводов художественных текстов Пушкина Я. Замбора, А. Валцеровой¹ и др.

Значительными событиями в словацкой пушкиниане явились четыре перевода на словацкий язык полного текста одного из вершинных произведений русской художественной словесности – «Евгения Онегина»: С. Родицкого – в 1900 г., Я. Есенского – в 1942 г., И. Купца – в 1973 г. и Я. Штрассера – в 2002 г. (глава А. Элиаша «Четыре словацких перевода «Евгения Онегина»»). Каждый из переводов стал знаковым событием в истории рецепции Пушкина в Словакии, отразив не только потребности воспринимающего контекста и отвечая на его запрос, но и уровень переводческой культуры своего времени, а также различные этапы постижения творческой личности нашего национального гения.

Главное достоинство проведенного глубокого и вдумчивого и сравнительно-сопоставительного анализа – его концептуальность. А. Элиаш не ограничивается размышлениями над отдельными промахами, даже ошибками или, напротив, блестящими находками переводчика, но четко формулирует те основополагающие характеристики пушкинского текста, которые структурируют его внутреннюю и внешнюю формы, а потому должны найти свое адекватное решение в стратегии перевода.

Таковыми важнейшими константами пушкинского текста автор считает:

- ироничность как доминантную характеристику авторского нарратива;
- ироническое «остранение» Автора от повествовательного пласта;
- специфику образа Автора: он герой и повествователь одновременно;
- «стереоскопичность», много- и разноплановость изображения мира: переплетение и взаимодействие различных точек зрения, сюжетных линий, повествовательных пластов, литературных жанров, школ и стилей;
- уникальную стихотворную систему: ритмика, рифмовка, строфика.

В основе перевода всегда лежит динамическое взаимодействие категорий актуализации – архаизации. Это относится и к проанализированным словацкими ученым переводам «Евгения Онегина». Оптимальное сочетание обоих векторов – приближение к современному читателю и близость к стилю и смыслу оригинала – А. Элиаш находит в версии Я. Штрассера.

Главы, посвященные проблемам перевода, дополняют содержательный рассказ ведущего научного сотрудника «Словацкой национальной библиотеки» А. Лукачовой о музее А.С. Пушкина в Бродзянах (глава «Словацкий музей А.С. Пушкина в Бродзянах»), а также составленная Л. Шимковой весьма презентативная персональная библиография (всего около 400 позиций) «А.С. Пушкин в словацкой печати. Выборочная библиография (1988–2015)», которая является продолжением библиографии А. Матёвчика «Александр Сергеевич Пушкин в словацкой печати (1826–1987)» (1998) и составлена по материалам «Словацкая национальная библиотека» (с дополнением материалами из периодики).

Несмотря на радикальное изменение общественно-политической ситуации в стране, Пушкин, пишет А. Элиаш, остается «живым и продуктивным импульсом как для словацкого читательского и переводческого сообщества, так и для

¹ *Zambor J. Preklad ako umenie. Bratislava: Univerzita Komenského, 2000. 239 s.; Valcerová A. Hľadanie súvislostí v básnickom preklade. Prešov: Prešovská univerzita, 2006. 220 s.*

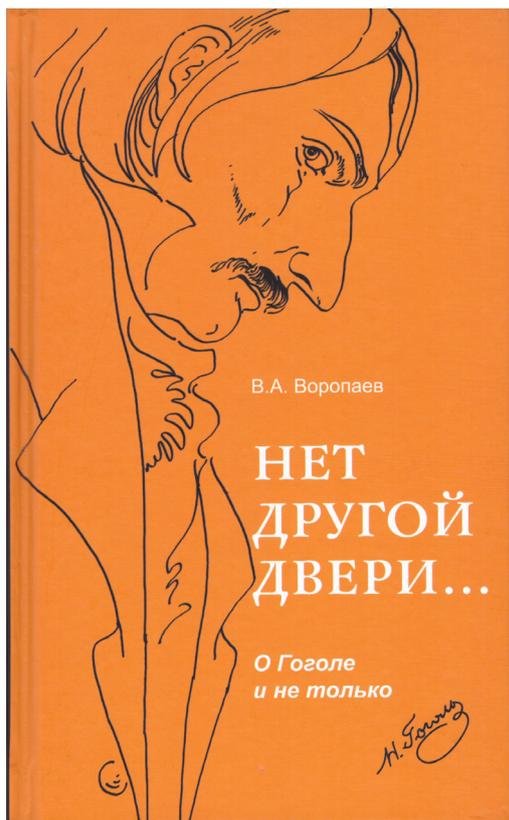
словацкого литературоведения и истории» (стр. 15). Современным словацким читателем, развивает эту мысль М. Куса, пушкинские художественные тексты воспринимаются не как архаичная «классика», но как нечто новаторское, а порой и шокирующее (стр. 32).

Рецензируемый труд словацких ученых позволяет увидеть, что литературное наследие А.С. Пушкина, «несмотря на бесспорный и давно признанный статус литературной классики, в своем словацком варианте не перестает будоражить наше культурное сообщество сознанием чего-то недоговоренного или по крайней мере не вполне выраженного» (стр. 34). Эти слова А. Элиаша о «Евгении Онегине» вполне оправданно можно отнести и к рецепции всей русской литературы. Ощущение неполноты постижения оказывается весьма продуктивным, ибо стимулирует дальнейшее движение и развитие современной русистики в Словакии.

Сведения об авторе:

Алла Владимировна Злочевская,
доктор филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla V. Zlochevskaya,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
zlocevskaya@mail.ru

Вяч. Умнягин, иерей (Москва, Россия)

**Воропаев В.А. Нет другой двери... :
О Гоголе и не только.
М.: Белый город, 2019. 448 с., ил.**

V. Umnyagin, priest (Moscow, Russia)

**Voropaev V.A. No Other Door... :
About Gogol and not Only. Moscow.
Bely Gorod, 2019. 448 p., ill.**

Книга В.А. Воропаева – замечательный научный труд, который приоткрывает дверь в мир одного из наиболее известных и, одновременно, загадочных русских писателей, Николая Васильевича Гоголя. Загадочного, т. е. не познанного, не раскрытого во всей своей творческой полноте. В том числе из-за идеологических влияний, вследствие которых в минувшем столетии из художественного и публицистического наследия отечественных классиков изымалось практически все, что было связано с их религиозными представлениями.

Между тем именно через произведения этих людей, вне зависимости от их отношения к Церкви и издержек собственного духовного пути, в то же самое время происходило возвращение в общественное сознание традиционных ценностей, которые на протяжении веков формируют национальную идентичность и имеют определяющее влияние на жизнь российского социума. В частности, на это указывает один из свидетелей эпохи, бывший заключенный Соловецкого лагеря особого назначения Б.Н. Ширяев, который в начале 1940-х гг. служил учителем русского языка и литературы: «За год до войны в программу выпускного класса десятилетки и педагогического училища включили “Войну и мир”. Не подлежавшая оглашению инструкция, требовала “заострить внимание учащихся на проявлениях героизма и патриотизма офицеров и солдат”... Читали ночами, собираясь в кружки. Рвали книгу друг у друга на час, на полчаса. Синее, беспредельное небо над Аустерлицким полем открылось тем, кто видел в нем до того лишь советскую муть и копоть пятилеток. Нежным цветением отнятой у весны черемухи дохнул первый поцелуй Наташи... Непонятное, еще не осознанное, но влекущее, торжественное таинство духовного преображения призывало к себе со смертного одра князя Андрея...

– В начале всего – Слово, и в Слове – Бог»¹.

Именно духовно-нравственная подоплека творчества, а не только особенности поэтики или социальная направленность сочинений составляет основу русской словесности, а говоря шире – отечественной культуры, которая, вслед за ее лучшими представителями, не может быть до конца понята вне евангельского контекста. В этой связи название книги «О Гоголе и не только...» прекрасно передает как глубинный, так и высший смысл ее содержания, которое не ограничивается анализом творчества конкретного автора, но посвящено непреходящим вопросам внутренней жизни любого человека. Иными словами, книга В.А. Воропаева не только об отдельном классике, но и о каждом из нас, и о той двери, войдя в которую мы обретаем собственную целостность и полноту.

Таким входом, отвергающим усеченное восприятие культурного наследия и восприятие личности наиболее воцерковленного, ведущего едва ли не монашеский образ жизни сочинителя, является присущее ему религиозное мировоззрение. Мимо него чаще всего проходили как его современники, так и проживающие в более поздние времена историки литературы, выставившие автора сатирических и духовных произведений то бунтовщиком, то реакционером, но только не христоцентричным мыслителем, каковым он на самом деле являлся. Тем отраднее, что современный исследователь изучает различные аспекты литературной деятельности и биографии Н.В. Гоголя через призму Православия, влияние которого на развитие взглядов писателя ни с чем не соизмеримо.

Делу раскрытия его истинного образа посвящены переработанные статьи и очерки разных лет, которые для нужд настоящего издания дополнены с учетом новых, в том числе архивных материалов. Книгу можно разделить на несколько условных частей, которые имеют тематическую направленность и позволяют проследить жизнь Гоголя в хронологическом ключе.

Первая часть посвящена хрестоматийным сочинениям («Дело, взятое из души...: О Гоголе и его главной книге», «Над чем смеялся Гоголь: О духовном смысле комедии “Ревизор”», «Почему царю понравился “Ревизор”», «Гражданин Земли Русской: “Тарас Бульба” как героический эпос»), где лейтмотивом выступает «познание России через русский национальный характер, человеческую душу вообще и свою собственную в частности» (стр. 58)².

Призванием отдельной личности в этом взаимосвязанном процессе становится возрождение собственной души, которое представляет собой «одну из высших способностей, дарованных человеку» и может «послужить примером не только для соотечественников, но и для всего человечества», в чем, по мнению В.А. Воропаева, «заклучалась одна из сверхзадач “Мертвых душ”» (стр. 66).

Со страниц этого и других произведений Гоголь призывает читателя не ограничиваться ролью безучастного статиста или бездушного наблюдателя, но быть активным участником социальных изменений. Подобное отношение к происходящему определяет замысел «Ревизора», драматургия которого нацелена на то, чтобы «вовлечь зрителя в спектакль, дать почувствовать, что город, обозначенный в комедии, существует не где-то, но в той или иной мере в любом месте России, а страсти и пороки чиновников есть в душе каждого из нас» (стр. 105). Средством для выхода из духовного плена является страх, но не перед государевыми ревизио-

¹ Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. Соловецкий монастырь, 2012. С. 414–415.

² Воропаев В.А. Нет другой двери...: О Гоголе и не только. М., 2019. Здесь и далее номера страниц на цитаты из книги даются по указанному изданию.

рами, а перед высшей инстанцией, осознавая которую писатель взывал «к страху Божию, к очищению совести, которой не страшен будет никакой ревизор, и даже Страшный суд» (стр. 112).

Примером людей с очищенной совестью, готовых умереть за Русскую землю и Православную веру, предстают герои наиболее эпического произведения Гоголя – повести «Тарас Бульба», которая и в наши дни «пробуждает в сердцах читателей добрые чувства, в том числе мужество и патриотизм» (стр. 134).

Разбору полемики с современниками, в глазах которых «истолкование уездного города как “душевного города”, а его чиновников как воплощения бесчинствующих в нем страстей, сделанное в духе святоотеческой традиции, явилось неожиданностью <...> и вызвало неприятие» (стр. 115), посвящены статьи о духовной публицистике Гоголя. Эта часть книги рассказывает о произведениях, посредством которых автор «во всеуслышание высказал свои взгляды на веру, Церковь, царскую власть, Россию и слово писателя» (стр. 143–144).

Приведенные слова в первую очередь относятся к «Выбранным местам из переписки с друзьями». Указанное сочинение примечательно тем, что, сменив жанровую направленность творчества, но не меняя собственных взглядов по существу, писатель вынес «на поверхность немало духовных вопросов и таких тонкостей общественной и частной жизни, о которых интеллигенция того времени почти или вовсе не задумывалась» (стр. 139).

Непонимание авторского замысла вызвало заметную критику как со стороны светского, так и церковного сообщества, представители которого осуждали Гоголя за неопределенность религиозных понятий, преобладание душевного над духовным началом, тогда как коллеги-литераторы пеняли ему за отказ «от художественного творчества и самонадеянные попытки проповедничества» (стр. 149–150).

Как убедительно показывает В.А. Воропаева, речь шла не об отказе от художественного творчества или от творчества вообще. Используя новые для себя формы самовыражения, писатель стремился возвысить земное бытие России, вернуть ему высшее религиозное предназначение и полноту. «Гоголевская апология России, утверждение ее мессианской роли в мире в конечном итоге опираются не на внешние благоустройства и международный авторитет страны, не на военную мощь (хотя и они важны), а главным образом на духовные устои национального характера. Взгляд Гоголя на Россию – это прежде всего взгляд православного христианина, сознающего, что все материальные богатства должны быть подчинены высшей цели и направлены к ней» (стр. 153).

Вопросам духовных поисков писателя посвящены две отдельно стоящие статьи, в которых рассматриваются «Последняя книга Гоголя: К истории создания и публикации “Размышлений о Божественной Литургии”» и «“Спаси меня моя Отрада...”: Молитва Гоголя к пресвятой Богородице в славянском фольклоре и литературном предании». По оценке ученого-литературоведа и книга, и молитва представляют собой «продукт не столько ума, сколько сердечной веры» (стр. 175). Упомянутые произведения являются следствием личного религиозного опыта, связанного с ежедневным участием в Божественной литургии, а также интересом Гоголя к устному народному творчеству, что «проясняет некоторые существенные особенности его поэтики» (стр. 179).

Следующая часть книги посвящена еще одной не менее важной по сравнению с литургическим творчеством составляющей церковной жизни писателя. Речь идет о его паломнических поездках и мистической связи со святыми местами («Пу-

тешестве ко Гробу Господню», «Благословение Святой Горы: русский Афон в судьбе Гоголя», «“Благодать видимо там присутствует”: Оптина пустынь в судьбе Гоголя», «У мощей преподобного Сергия: Гоголь в Свято-Троицкой Сергиевой лавре», «У Богозданных пещер: На родине Гоголя»), приобщение к которым для Гоголя было насущной необходимостью «как в литературном, так и в духовном отношении» (стр. 193).

Специальное место в исследовании В.А. Воропаева занимают статьи, посвященные предсмертной болезни и причинам кончины писателя («“Да будет воля Твоя”: О причинах смерти Гоголя», «“Ей, гряди, Господи Иисусе!”: Кончина Гоголя как его завещание потомкам»), которые еще в свое время породили множество слухов и сегодня остаются предметом научной дискуссии. При разрешении существующих вопросов повышенный интерес представляют, во-первых, размышления Гоголя о значении страданий в жизни христианина, в чем, по мнению автора исследования, литератору «помогали творения святых отцов и учителей Церкви» (стр. 284), а во-вторых, свидетельства близких людей, с которыми писатель находился в переписке или в непосредственном общении.

Одним из таких собеседников был его духовник – протоиерей Матфей Константиновский, рассказу о котором посвящена отдельная глава («Духовник Гоголя»). В ней автор рассматривает этапы духовной эволюции Гоголя и затрагивает вопрос, связанный с обвинениями священника в том, что «он возлагал на Гоголя непосильные аскетические подвиги, требовал оставить литературное поприще и идти в монастырь и что, наконец, подвигнул его на сожжение второго тома “Мертвых душ”» (стр. 357).

Далее, в качестве приложения к основному материалу, следуют несколько очерков, которые дополняют сведения читателя об общественно-политической атмосфере гоголевской эпохи и проясняют некоторые особенности писательского умозрения. Статья «Вас развратило самовластье» представляет собой опыт прочтения стихотворения Ф.И. Тютчева на события 14 декабря 1925 г., которое при жизни поэта не публиковалось, но стало живой реакцией на целый ряд насущных вопросов. Один из них – вопрос о духовных причинах революции. Автор книги разбирает его на примере поэзии Ф.И. Тютчева и А.С. Пушкина и приходит к выводам, которые не потеряли свой актуальность и в наши дни.

Очерк «Церковь одна» повествует об отношении Гоголя к известному богословскому произведению А.С. Хомякова, чей православный катехизис писатель высоко ценил и даже собственноручно переписал в отдельную тетрадь для того, чтобы иметь возможность обращаться к нему в своей повседневной жизни.

Публикация «Поэт и царь: об адресате стихотворения А.С. Пушкина “С Гомером долго ты беседовал один...”» раскрывает некоторые аспекты восприятия Гоголем наследия Пушкина в свете отношения поэтов к Самодержавию и значению монархической власти для России.

Завершает книгу статья «Гоголь как мыслитель». В отличие от вступления «“Нет другой двери”: Гоголь и Евангелие», где автор сборника подводит итоги многолетних исследований, в эпилоге высказываются предварительные замечания, связанные с идеями и пророчествами писателя, благодаря которым он «вплотную подошел к основным темам русской религиозной философии» (стр. 446). Постановку проблемы можно считать своеобразной эстафетой, которую маститый ученый передает новому поколению филологов, призывая их к дальнейшим научным поискам и изучению места Гоголя в литературном процессе, в светской и

церковной истории России. В частности, это касается анализа стиля и языка «Выбранных мест...», для чего, по мнению В.А. Воропаева, в академической среде должны «появиться исследователи, способные соотнести книгу Гоголя с традицией святоотеческой литературы и высоким стилем русской философской поэзии XVIII–XIX веков (образцы которой отчасти указаны самим Гоголем в статьях “О лиризме наших поэтов”, “В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность” и неоконченном трактате “Учебная книга словесности для русского юношества”» (стр. 160–161).

На протяжении всего повествования мы видим, как шаг за шагом, штрих за штрихом автор издания создает малоизвестный портрет одного из наиболее известных русских писателей. И одновременно, подобно реставратору, убирает мешающие восприятию наслоения с образа Гоголя-драматурга, Гоголя-мыслителя, Гоголя-богослова, представляя истинный образ этого литератора и человека.

В заключение хотелось бы сказать, что книга Владимира Алексеевича Воропаева не только выдающийся научный, но также гражданский и духовный труд, результаты которого в реалиях российской жизни и русской культуры неразрывно связаны друг с другом и друг без друга существовать не могут.

Сведения об авторе:

Иерей Вячеслав Умнягин,
канд. филол. наук
ответственный редактор книжной серии
«Воспоминания соловецких узников»
(1923–1939)

priest Vyacheslav Umnyagin,
PhD
Executive editor of the book series
Memories of Solovki prisoners»
(1923–1939)
solovki-news@yandex.ru

Т.Н. Белова (Москва, Россия)

Барнс Дж. Одна история. М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2018. 320 с.

Аннотация: Роман английского писателя-интеллектуала Дж. Барнса «Одна история» («The Only Story», 2018) представляет собой глубокий художественный анализ эмоциональных переживаний девятнадцатилетнего студента Пола Робертса. Детально прослеживая развитие и перипетии этой любви, ее болевые точки и разочарование инфантильного юного героя, автор затрагивает и социальные проблемы современности, волновавшие англичан в 1960–1970-е гг., а также демонстрирует читателю иронический срез британской общественной морали на примере жителей лондонского предместья – Деревни, где начинается действие романа. Книга тематически связана с предшествующим романом Дж. Барнса «Предчувствие конца», где история подобной любви заключена в его подтексте и только намечена, а также с мемуарно-философским эссе «Нечего бояться», в котором поднимаются волнующие автора проблемы страха смерти, веры и неверия в Бога, а также рассматриваются трагическая сущность и апокалиптичность истинной любви.

Ключевые слова: история любви, эмоциональные переживания, тургеневская традиция, общественные нравы, трагедия любви

T.N. Belova (Moscow, Russia)

Barnes J. The Only Story. M.: Inostranka, Azbuka-Atticus, 2018. 320 p.

Abstract: The latest novel by English writer J. Barnes “The Only Story” presents a profound artistic analysis of thoughts, sincere emotions and feelings of its main hero Paul Roberts being in love with a middle-aged married woman. Describing the maturity of their love within its phases, its burns and final bitter disappointment, the author also takes into consideration the social problems the Englishmen were uneasy about in the 1960s–1970s, and artistically exposes the ironic cut of the British moral precepts of London suburbs’ residents. The novel is thematically connected with the preceding J. Barnes’ book “The Sense of an Ending”, where the similar theme of love is just outlined but enclosed in the subtext, and his essay “Nothing to be Frightened of”, where the problems of fear of death, belief and disbelief are raised as well as the tragical and apocalyptic essence of the true love is skillfully depicted.

Key words: love story, Turgenev’s tradition, manners and customs, tragedy of love

В 2018 г. в Москве в переводе на русский язык вышел новый роман одного из наиболее известных современных английских писателей Дж. Барнса «Одна история» (Julian Barnes «The Only Story», 2018). По словам автора, это произведение «выросло» из его предшествующего романа «Предчувствие конца» («The Sense of an Ending», 2011), который был удостоен престижной Букеровской премии. В этом произведении, размышляя в ранней юности о природе любви, которой сами подростки еще не испытали, герой-рассказчик Энтони Уэбстер пишет: «Из классической литературы мы знали, что любовь неотделима от страдания, и с готовностью научились бы страдать, будь у нас эфемерная, хоть гипотетическая перспектива любви»¹ (стр. 25). Однако на практике его первая любовь к девушке, как и любовь его талантливого друга Адриана Финна к ее матери, тесно связавшая эти четыре судьбы, заканчивается трагически, проецируя свой кровавый отсвет и на судьбы оставшихся в живых героев. Драматические коллизии любви Адриана тщательно скрыты автором в подтексте произведения: герой-повествователь, пытаясь восстановить причину самоубийства друга, прилагает немало сил и смекалки, собирая «по крохам» ускользающие детали, и в конце концов переживает сильнейшее потрясение и непреходящие угрызения совести, обнаружив в самоубийстве друга свою непосредственную вину.

Та же тема искренней взаимной любви девятнадцатилетнего студента к возрастной замужней женщине, оставшаяся в первом произведении «за кадром», получила свое детальное художественное развитие и всестороннее освещение в рецензируемом романе Дж. Барнса «Одна история» («The Only Story», 2018), при этом явно перекликаясь с повестью «Первая любовь» Тургенева, которого Дж. Барнс не без основания называет «одним из величайших прозаиков, писавших о любви»² (стр. 7), где драматическая юношеская любовь самого автора к девушке, полюбившей его отца, определила, по мнению английского писателя, всю его дальнейшую жизнь. Как и у самого Тургенева, неожиданная любовь Пола Робертса к сорокалетней замужней женщине, с которой они удивительно совпали по психотипу, по его мнению, «накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь... либо как пример, либо как контрпример» (стр. 8).

Да и сам перевод названия романа «The Only Story» на русский язык выглядит не совсем точным: его истинный смысл выражается титульной формулой «Единственная любовь», которую, как считает Барнс, каждый из нас пронесет через всю жизнь, и в старости она обогревает человека и хранит его, как талисман.

В конце романа уже состарившийся герой-рассказчик Пол Робертс, пересматривая свои записи, обнаруживает позабытую цитату о сущности любви: «По-моему, всякая любовь, счастливая равно как и несчастная, – настоящее бедствие, когда ей отдаешься весь» (стр. 308). Он не догадывается, что эта реплика персонажа пьесы Тургенева «Месяц в деревне» Ракитина, безнадежно влюбленного в ее главную героиню. Обдумывая это высказывание, герой Барнса приходит к грустному выводу, что самой любви «нельзя дать определение; можно только запечатлеть ее в рассказанной истории» (стр. 309).

Необходимо отметить, что рецензируемый роман наследует не только чисто тургеневскую традицию изображения любви, но вместе с тем ироническое изображение социальных нравов. В нем правдиво показаны некоторые аспекты и

¹ Здесь и далее страницы указаны в скобках.

² Здесь и далее цитируется по: Барнс Дж. Одна история. М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2018; страницы указаны в скобках.

реалии британской общественной жизни на примере двух поколений англичан. Одно – возвращенное Второй мировой войной – в романе характеризуется как «поколение из отработанного материала», представляющее собой «духовный балласт» (стр. 49). К нему принадлежат возрастные персонажи, пережившие войну: главная героиня романа Сьюзен Маклауд, ее пьющий муж и подруга Джоан, а также их погибшие на войне братья и прочие. Другое – это поколение Пола Робертса и его друзей, родившихся уже после окончания Второй мировой войны, крайне инфантильных и весьма далеких от понимания трагических жизненных коллизий.

Дж. Барнс подробно излагает историю искренней трогательной любви своих разновозрастных героев, которая гибнет, задавленная воинствующим мещанским лицемерием окружающих их жителей Деревни, устарелой семейной моралью, домашним насилием, алкоголизмом, откровенным снобизмом и двойными стандартами, принятыми в английском обществе, открыто отвергавшем в то время подобную модель поведения.

Читателю с большой долей иронии представлен социальный срез британской жизни лондонского предместья 1960–1970-х гг., затронуты политические проблемы, волновавшие англичан в те годы: распад Британской империи, «советская угроза», налоговое бремя, жилищный кризис, влияние профсоюзов и т. д. В романе представлены также некоторые культурологические аспекты, связанные с времяпрепровождением английских обывателей: их восторг от появления на телевидении «мыльных опер», поголовное увлечение разгадыванием кроссвордов как типично британская форма досуга, распространенная в предместье игра в теннис или гольф и т. д.

Главные герои Пол и Сьюзен, познакомившись на теннисном корте, впоследствии были изгнаны из местного теннисного клуба «ввиду известных... вопиющих обстоятельств» (стр. 105), как иронически замечает герой-рассказчик, подобно изгнанным из Рая Адаму и Еве. Однако они, в отличие от других обывателей, часто ездят в Лондон послушать симфоническую музыку, много читают, постоянно разговаривают друг с другом на самые животрепещущие темы. Их беспокоят и гнетут некоторые философские вопросы бытия, в том числе проблемы жизни и смерти, волнует тема эмоциональной раскрепощенности, на которую обществом того времени накладывалось табу, а также приметы назревающей сексуальной революции.

В подборке этих тем слышны явные отзвуки известного философско-мемуарного эссе Дж. Барнса «Нечего бояться» («Nothing to be Frightened of», 2008), в котором автор размышляет о столь свойственном людям страхе смерти, отношении к ней верующих и неверующих, строя свое повествование по канве мемуарного романа, одновременно широко привлекая для обсуждения и анализа высказывания, дневники, мемуары, письма и произведения выдающихся философов, писателей и композиторов (Монтеня, братьев Гонкур, Стендаля, Флобера, Россини, Шостаковича и др.). Неслучайно в критике эти три произведения – два его романа и эссе – рассматриваются как своеобразная трилогия о любви и смерти, Эросе и Танатосе: ведь для автора сама природа любви неотделима от трагедии – она «разрушительна, апокалиптична, иначе это не любовь» (стр. 118).

ЛИТЕРАТУРА

1. Барнс Дж. Нечего бояться. М.: Эксмо, 2012. 336 с.
2. Барнс Дж. Предчувствие конца. М.: ЭКСМО, 2013. 224 с.
3. Барнс Дж. Одна история. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. 320 с.

REFERENCES

1. Barnes J. (2012) Nothing to be Frightened of. Moscow. Eksmo Publ. 336 p.
2. Barnes J. (2013) The Sense of an Ending. Moscow. Eksmo Publ. 224 p.
3. Barnes J. (2018) The Only Story. Moscow. Inostranka; Azbuka-Atticus Publ. 320 p.

Сведения об авторе:

Татьяна Николаевна Белова,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana N. Belova,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
tnbelova@yandex.ru

А.Н. Красовец (Москва, Россия)

**Из языка в язык: Антология современной литературы национальных меньшинств и иммигрантов в Словении /
Iz jezika v jezik: antologija sodobne manjšinske
in priseljske književnosti v Sloveniji. Любляна, 2014. 816 с.**

Аннотация: В рецензии подробно рассматривается уникальное и первое в своем роде издание в Словении, в которое вошли тексты 34 авторов-иммигрантов и представителей национальных меньшинств, пишущих на своих родных языках, в частности на венгерском, итальянском, цыганском, словацком, македонском, боснийском, хорватском, сербском и английском. Составители антологии также подняли важную дискуссию о включенности этого маргинального пласта художественных текстов в общий ток словенской литературы.

Ключевые слова: современная словенская литература, иммигрантская литература, литература национальных меньшинств, двойная национальная и культурная идентичность

A.N. Krasovec (Moscow, Russia)

From Language to Language: Anthology of Contemporary Literature of National Minorities and Immigrants in Slovenia / Iz jezika v jezik: antologija sodobne manjšinske in priseljske književnosti v Sloveniji. Ljubljana, 2014. 816 p.

Abstract: The review of the book “Anthology of Contemporary Literature of National Minorities and Immigrants in Slovenia” (2014) examines in detail the unique and first of its kind edition in Slovenia, which includes the texts of 34 authors-immigrants and representatives of national minorities, writing in their native languages, in particular in Hungarian, Italian, Romani, Slovak, Macedonian, Bosnian, Croatian, Serbian and English. The authors of the anthology also raised important discussions about the inclusion of this marginal layer of literary texts in the general current of Slovenian literature.

Key words: contemporary Slovenian literature, immigrant literature, national minority literature, dual national and cultural identity

«Из языка в язык. Антология современной литературы национальных меньшинств и иммигрантов в Словении» вышла в издательстве «Društvo slovenskih pisateljev» («Общество словенских писателей») в 2014 г. и представляет собой первую такого рода антологию в Словении, которая предлагает читателю подборку литературных

текстов авторов, живущих в Словении и пишущих на своих родных языках, т. е. на *не словенском* языке. Из большого числа рассмотренных авторов (около 90) в книгу были включены произведения 34 литераторов, относящих себя как к автохтонным национальным меньшинствам, так и к группам иммигрантов, которые пишут в том числе или только на своих родных языках, в частности на венгерском, итальянском, цыганском, словацком, македонском, боснийском, хорватском, сербском и английском языках. Название антологии «Из языка в язык» призвано подчеркнуть замысел составителей антологии, а именно, переход литературных текстов из одного языка в другой посредством перевода, поскольку в антологии наравне с произведениями на оригинальных языках представлены их переводы на словенский, тем самым практически и символически ставится акцент на том, что все десять языков абсолютно равноправны и что наравне с литературой на словенском языке в Словении создаются качественные художественные тексты и на других языках. Главным редактором выступила Лидия Димковска (1971) – поэтесса, писательница, доктор филологических наук, родившаяся в Македонии и с 2001 г. проживающая в Любляне. Димковска – автор пяти поэтических сборников и романов «Скрытая камера» («Skrita kamera», 2004) и «Резервная жизнь» («Rezervno življenje», 2012), ее произведения переведены на многие иностранные языки и удостоены нескольких наград (в частности, премии Европейского союза за литературу в 2013 г.); писательница также переводит художественные тексты с словенского и румынского на македонский. Ее участие в исследовательском проекте «Литературный и культурный образ переселенцев в Словении» в Институте словенской эмиграции Словенской Академии наук и искусств под руководством доктора Яни Житник Серафин привело ее к идее создания данной антологии, появлению которой также поспособствовали руководители международного литературного фестиваля Vilenica, каждый год представляющие на суд публики антологию произведений мало известных авторов. Данное издание стало также возможно благодаря проекту Общества словенских писателей, получившему поддержку со стороны Министерства культуры Республики Словения в 2012 г. Лидии Димковске принадлежит и обширное введение к изданию, где она рассказывает о том, как проходила работа над антологией, о положении авторов-иммигрантов и литераторов – представителей национальных меньшинств в Словении, передает суть полемики внутри словенской интеллектуальной элиты о том, кто может считаться словенским писателем, а также приводит анализ мотивно-тематических и литературно-эстетических особенностей самих художественных текстов. В редакционной коллегии антологии наравне с главным редактором работали семь соредакторов, отвечавших за отдельные языки: Эрика Джонсон Дебельяк (английский язык), Иван Антич (сербский язык), Ядранка Матич Зупанчич (хорватский язык), Исмет Бекрич (боснийский язык), Соня Цекова Стояноска (македонский язык), Лайос Бенце (венгерский язык) и Марио Стеффе (итальянский язык).

Авторы и их произведения представлены в антологии по хронологическому принципу: начиная с самого старшего автора – писательницы Валерии Скриньяр Тврз (1928) до самого молодого – поэта Петера Пала (1998). Избранным текстам или отрывкам из их произведений предшествуют короткие библиографические справки. Задачей составителей книги было знакомство словенского читателя со своего рода невидимым, скрытым, маргинальным пластом литературы, которая создается на территории Словении по большей части ее гражданами, но которая оказывается не включенной в современный литературный процесс. Данное издание – попытка вывести эту литературу из состояния анонимности и непри-

сутствия в словенском культурном пространстве. Следует, однако, отметить, что среди включенных в нее авторов есть и такие, как обладатель множества наград, поэт, прозаик, литературный критик и эссеист Йосип Ости (1945, Сараево), с 1990 г. живущий в Словении и перешедший к написанию литературных текстов на словенском языке (в антологии приведены его стихотворения из сборника «Печать Соломона» («Salomonov pečat», 1995) – последняя его книга, написанная на боснийском языке; в целом из 33 поэтических сборников Ости 22 написаны по-словенски). В числе успешно функционирующих в словенском пространстве авторов, чьи произведения вошли в антологию, – писательница-драматург и преподаватель Академии театра, радио, кино и телевидения в Любляне Жанина Мирчевска (1967, Скопье), а также американская писательница и переводчица Эрика Джонсон Дебельяк (1961, Сан Франциско), которая пишет свои романы по-английски, но с преимущественной ориентацией на словенского читателя и даже является членом Общества словенских писателей.

Наибольшее число авторов антологии составляют переселенцы из республик бывшей Югославии, оказавшиеся в Словении во времена существования общего государства; значительный процент составляют и те, кто прибыл сюда после его распада. Среди них Валерия Скриньяр Тврз (1928, Загорье на Саве), которая является по рождению словенкой, но с 1954 по 1992 г. жила в Сараево в Боснии и Герцеговине, а затем вернулась в Словению. Писательница провела свои лучшие творческие годы в Сараево, перейдя к написанию прозы на сербо-хорватско-боснийском языке, и сегодня она продолжает писать на нем. Антологию открывает отрывок из ее романа «На своей благородной земле», повествующего о средневековой Боснии в 1392 г. и событиях, произошедших спустя 600 – в 1992 г., в центре ее внимания наиболее острые экзистенциальные вопросы: вера, война, семья, роль женщины, дети. Именно выходцам из Боснии и Герцеговины принадлежит наибольшее число публикаций в антологии, всего таких авторов девять: поэт, драматург, один из самых крупных детских писателей в Боснии и Герцеговине – Исмет Бекрич (1943, Баня-Лука), уже названный Йосип Ости (1945, Сараево), поэтесса Сенада Смайич (1957, Витез), поэт Желько Перович (1961, Високо), прозаик Миомира Шегина (1962, Сребреница), поэт Душан Шабиц (1963, Любляна), поэт Раде Вучковац (1967, Верича), писатель Бежим Сейранович (1972, Брчко), получивший в 2008 г. за свой роман «Нигде, неоткуда» награду Меша Селимовича, которая присуждается за лучший роман в Черногории, Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговине. Среди литераторов, пишущих по-сербски, в антологии приняли участие писатель Йордан Ставров (1936, Борово при Димитровграде), поэт, прозаик Бранко Бачович (1965, Белград), успешная писательница, драматург, сценаристка, обладательница многочисленных наград за свою работу, доцент Академии театра, радио, кино и телевидения в Любляне Ана Ласич (1972, Белград) и писатель Иван Антич (1981, Ягодина). В числе хорватских литераторов также фигурируют четыре имени: поэтесса, переводчица Ядранка Матич Зупанчич (1950, Коньшчина), поэт Юре Дрльепан (1953, Комлетинцы), поэт и прозаик Златко Кральич (1962, Св. Мартин на Муре) и поэтесса и писательница Наташа Купльеник (1982, Кутина). Среди авторов художественных текстов на македонском языке уже упомянутая нами писатель-драматург Жанина Мирчевска (1967, Скопье), а также поэтессы Соня Цекова Стояноска (1977, Крањ, Словения) и Бистра Кумбароска (1984, Струга).

Национальные меньшинства в Словении в антологии представляют четыре венгерских и четыре итальянских автора. Так, в издание вошли стихотворные тексты венгерских поэтов Лайоса Бенце (1956, Гентеровцы, Словения), Юдит Чука Загорец (1967, Гентеровцы, Словения; известна также как переводчик), доктора этнологии Альберта Халаса (1969, Горњи Лакош, Словения) и самого молодого автора в книге – Петера Пала (1998, Мурска Собота, Словения). Среди литераторов, пишущих по-итальянски, в издании выступили писатель Франко Юри (1956, Копер, Словения), писатель и поэт Алёша Цуравич (1960, Копер, Словения), прозаик Марко Аполлонио (1964, Копер, Словения), прозаик и драматург Мартина Гамбоз (1977, Копер, Словения). Представлять литературу национальных меньшинств должны были также отрывки из цыганских сказок Райко Шайновича (1948, Кочевье, Словения), но автор отказался принять участие в антологии.

Вошедшие в антологию тексты литераторов, пишущих по-английски, принадлежат трем литераторам из США: поэтессе Сьюзанн Кирали-Мосс (1937, Чикаго), писателю, автору романов Рiku Харшу (1959), писательнице Эрике Джонсон Дебельяк (1961, Сан Франциско) и автору из Нигерии прозаику Кингсли Аназор Мадуже (1971, Умудим). На словацком языке в Словении пишет поэтесса, писательница, переводчица, исследовательница Станислава Репар (1960, Братислава), в антологию вошел отрывок из ее романа «Словенка в квадрате» («Slovenka na kvadrat», 2009), пользующегося большой популярностью и послужившего основой для одноименной театральной постановки.

Обширный материал антологии демонстрирует многообразие литературного ландшафта, представляющего творчество национальных меньшинств и иммигрантов в Словении различных поколений, которые работают в разных жанрах (поэзия, проза, драма). Наибольшее число авторов принадлежит к поколению, родившемуся в 1960-е гг., чем обусловлена особая стилистика их творчества, испытавшего влияние постмодернизма с присущими ему фрагментарностью мира, интертекстуальностью, переоценкой литературной традиции и специфической имагологией дома и чужести¹. В целом, проблема идентичности, двойной / гибридной идентичности и существования между несколькими мирами и культурами, сопряженная с темами другого / чужого, бездомности, занимает преобладающее место в творчестве писателей-иммигрантов. Особенно проникновенно эти темы звучат у литераторов молодого и среднего поколения, в частности, в прозаическом тексте «Солнце под плащом темноты» Кингсли Аназора Мануже, в драме «Пока нигде» Аны Ласич, в центре которой жизнь 28-летней представительницы «потерянного поколения», покинувшей свою родину и оказавшейся в другом мире, олицетворяющей собой процесс феминизации миграций. Эту же тематику, тесно связанную с проблемой личного кризиса как следствия кризиса глобального, продолжают тексты Мартины Гамбоз, Сони Цековы Стояноски, Наташи Купльеник и др. Отрывок из романа Бекима Сейрановича «Более красивое место» («Ljepši kraj», 2010) предлагает еще одно прочтение эмигрантской судьбы, рассказчик говорит: «Я чувствую себя как человек, который хотел когда-то написать историю, но у него не получилось, поскольку история взяла контроль над действительностью»².

¹ Dimkowska L. Iz jezika v jezik. Spremná beseda // Iz jezika v jezik: antologija sodobne manjšinske in priseljenke književnosti v Sloveniji. Ljubljana, 2014. S. 12.

² Serajnovič B. Lepši konec // Iz jezika v jezik: antologija... S. 412. Перевод со словенского здесь и далее наш. – А.К.

К сожалению, нам приходится согласиться с критическими замечаниями в адрес антологии тех рецензентов, которые упрекают составителей в неудачно выбранном принципе расположения материала – выстраивании его в хронологическом порядке по датам рождения авторов, что не дает представления о группах национальных меньшинств, особенностях их положения (например, о прекурских венграх), о связанной с этим специфической тематике, так же как и о различных группах иммигрантских литераторов, чья позиция в словенском культурном пространстве также обусловлена их особым социально-политическим и культурным бэкграундом. Так, в своей рецензии на антологию литературный критик Аня Радальяц справедливо отмечает относительно неравнозначную ситуацию, в которой существуют представленные авторы, указание на это является принципиально важным, а сведение всех авторов к категории дискриминированных выглядит как минимум некорректным: «Не поддаются никакому сравнению, скажем, пример автора, который восхищается словенскими природными богатствами, или того, кто в старости (после того, как он уже построил писательскую или профессорскую карьеру в родной стране) приехал в Словению по собственному желанию, и положение тех, кто в Словении оказался как военный беженец, был вынужден мигрировать по другим причинам, – и это не было их свободным решением, или же они прибыли в Словению во времена Югославии. Даже если мы берем иностранный язык в качестве отправной точки и связываем положение этих авторов лишь с вопросом их публикуемости, кажется, мы сделали бы гораздо больше, если бы хотя бы постарались прояснить различные ситуации и исходное положение иноязычных авторов»¹.

Издание антологии, однако, подняло важную проблему равноправия авторов, представляющих национальные меньшинства и иммиграцию и пишущих на иностранных языках, что признано пока только Обществом словенских писателей. Лидия Димковска подчеркивает, что Министерство культуры в последние годы изменило свою политику и перестало давать статус деятеля культуры авторам, которые не пишут по-словенски, предоставляя им лишь статус переводчика словенской литературы. Речь идет о правах всех лиц, которые проживают на территории Словении, платят те же налоги, делают отчисления в фонд пенсионного и инвалидного страхования и таким образом участвуют в финансировании всех секторов, существующих благодаря государственному бюджету. Писательские стипендии, средства на так называемую мобильность (возмещение путевых расходов), оплачиваемые резиденции для писателей выделяются из государственного бюджета, но на них имеют право лишь те авторы, которые пишут по-словенски. Такого же рода проблема возникает в отношении литературных наград, которые, в отличие от премий в области театра, все еще не присуждаются иноязычным авторам. Однако самой существенной преградой для рассматриваемой категории авторов все еще остается ограниченный доступ к публикациям: возможность издания текстов в крупных словенских литературных журналах лишь в рубриках «иностранные авторы», отсутствие каких-либо издательских серий для эмигрантской и иммигрантской литературы, а также литературы национальных меньшинств. Единственное исключение представляет собой журнал «Параллели» («Paralele»), который, наряду с фестивалем «Сосед твоего брата» («Sosed tvojega brata»), уже

¹ Radaljac A. Zgolj iz jezika v jezik? Iz jezika v jezik, Antologija sodobne manjšinske in priseljenke književnosti v Sloveniji. Ljubljana: Društvo slovenskih pisateljev, 2014 // LUD Literatura. 07.11.2014. www.ludliteratura.si/kritika-komentar/zgolj-iz-jezika-v-jezik/ (дата обращения: 15.11.2019).

более тридцати лет работает над развитием межкультурного диалога, но словенцы в отношении их деятельности зачастую проявляют лишь терпимость, в результате чего подобного рода деятельность порой оборачивается паракультурностью и представляет лишь элемент культурной толерантности¹.

Публикация антологии оживила чрезвычайно важную дискуссию о том, кто участвует в создании культурного пространства и не должен оставаться на его периферии, открывая перспективы для дальнейших исследований, способствующих интеграции сфер культурного и языкового пограничья. Благодаря этому изданию стали известны новые литературные имена, среди которых Марко Аполлонио, Ана Ласич, Петер Пал и Рик Харш.

Сведения об авторе:

Александра Николаевна Красовец,
канд. филол. наук
научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

Aleksandra N. Krasovec,
PhD
the Research Fellow
Institute for Slavic Studies RAS

aestas@yandex.ru

¹ Dimkovska L. Iz jezika v jezik. Spremná beseda // Iz jezika v jezik: antologija... S. 8.

In Memoriam

In Memoriam

А.Г. Шешкен (Россия, Москва)

**Сербский русист Бобан Чурич
(13.12.1968–13.09.2019)**

A.G. Sheshken (Moscow, Russia)

**Serbian Russian Boban Ćurić
(12.13.1968–09.13.2019)**

В Белграде в возрасте 51 года скоропостижно скончался известный сербский ученый, крупный специалист по истории русской литературы XX в. экстраординарный профессор филологического факультета Белградского университета Бобан Чурич. Признание в профессиональной среде ему принесли новаторские труды по изучению русско-сербских литературных и культурных связей, в первую очередь по литературе русской эмиграции в Сербии 1920–1930-х гг., ее вкладу в науку и культуру сербского народа.

Б. Чурич принадлежал к поколению ученых-русистов, которые вступили на научное поприще в середине 1990-х гг. Это время наполнено драматическими событиями и в Сербии, и в России. Распад Югославии и СССР, агрессия НАТО и бомбардировки городов непокорных сербов происходили на фоне смены социального строя и катастрофического недофинансирования науки и образования. Падение престижа России и русского языка в мире сказалось и на Сербии: русский язык стал меньше преподаваться в школе, что повлекло сокращение числа студентов, желающих его изучать. Ситуация усугублялась естественной сменой поколений: уходили из жизни ученые старшего возраста, с их огромным опытом, знаниями и международным авторитетом. Возникла реальная угроза потерять национальные научные школы, в том числе русистику. В преумножение достижений Белградской школы литературоведческой русистики и сохранение ее традиций внес свой личный весомый вклад профессор Б. Чурич.

Бобан Чурич родился в 1968 г. в небольшом сербском городе Чуприя, где он закончил школу, затем поступил на отделение славистики филологического факультета Белградского университета, избрав своей будущей специальностью русский язык и литературу. Он был одним из лучших студентов своего курса, стал интересоваться русской словесностью XX в. и успешно защитил дипломную работу под названием «Библейские мотивы в рассказах “В пустыне” и “Родина”»

Льва Лунца» (1993). Участь в магистратуре Б. Чурич приступил к исследованию темы, связанной с русской эмиграцией в Югославии, став одним из первых сербских ученых, кто занялся систематическим изучением места русской литературы в межвоенных периодических изданиях а также одним из самых авторитетных специалистов по изучению русской эмиграции в Сербии. Его диссертация на звание магистра филологии, защищенная в 2000 г., была посвящена анализу присутствия русской классической и современной литературы на страницах газеты левого направления: «Русская литература в белградской газете “Правда” 1917–1941». Докторская диссертация также была связана с литературой русского зарубежья («Романы Бориса Савинкова (В. Ропшина)», 2013). С 1995 г. Бобан Чурич стал работать на кафедре славистики филологического факультета Белградского университета, пройдя путь от преподавателя до экстраординарного профессора. Область его преподавательской деятельности была весьма широкой, охватывая лекции и семинарские занятия по истории русской литературы, истории России, русско-сербским литературным и культурным связям, в том числе о феномене русской эмиграции и русской эмиграции в Сербии.

За годы работы Б. Чурич проявил себя как один из самых активных популяризаторов русской культуры, что он делал творчески, не жалея ни сил, ни времени. Не только сербские, но и русские студенты вспоминают его интересные экскурсии по памятным местам Белграда, связанным с русскими эмигрантами. Неизменным успехом пользовались его публичные лекции в университете «Коларац». Неумолимо представлял он сербскую филологическую науку на международных конгрессах, конференциях и презентациях у себя в стране и за рубежом, прежде всего в России. В 2016 г. состоялась презентация его книги о «русском Белграде» в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в Москве, затем в Нижнем Новгороде, где он также выступал с лекцией в качестве приглашенного профессора. Кроме того Б. Чурич активно участвовал в работе Международного славистического центра филологического факультета и в разных международных проектах, популяризирующих русскую культуру («Коды русской культуры», «Литература и визуальное искусство: русско-сербский диалог»), сотрудничал с «Русским домом» – центром русской культуры в Белграде (круглый стол «Белградский съезд русских писателей и журналистов в истории русской и сербской культуры», 2003).

Научное наследие профессора Б. Чурича составляет монография «Из жизни русского Белграда», опубликованная в 2011 г. на сербском, а в 2015 г. на русском языке, и статьи, посвященные разным аспектам и авторам русской литературы XX в. Из них следует выделить статьи о творчестве А. Платонова, Л. Лунца, Д. Хармса, Б. Савинкова (Ропшина) и др. Монография Б. Чурича базируется на изучении периодики 1920–1930-х гг.: газет и журналов на сербском (центральная газета «Политика», литературный журнал «Српски књижевни гласник», Белград и др.) и русском языках (газеты русской эмиграции «Новое время» и др.). Свои многолетние наблюдения и выводы о культурной активности русских в Сербии, их усилиях по популяризации русской литературы, отношении к их деятельности сербской среды автор основывал на конкретном, подчас уже труднодоступном материале. В этом главная исследовательская ценность его работы. Богатство фактического материала и глубокий аналитический подход при его обобщении говорят о том, что национальная наука лишилась ученого, который обладал широкой эрудицией, незаурядным дарованием и работоспособностью и находился в расцвете творческих сил. Утрата поистине невосполнима.

Выражаем глубокие соболезнования семье, близким, друзьям и коллегам Бобана Чурича. Светлая ему память!

Профессор кафедры славянской филологии А.Г. Шешкен

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

МОНОГРАФИИ

Из живота руског Београда. Београд: Филолошки факултет, 2011, 172 с.

Из жизни русского Белграда. Белград: Филологический факультет, 2015, 231 с. (Библиотека Язык и литература. Серия Русская эмиграция в Белграде.)

СТАТЬИ

Библейские мотивы в рассказе Льва Лунца «В пустыне» // Русская литература. 1998. № 2. С. 131–136.

Крушение музея или о некоторых мотивах философии Н. Федорова в «Котловане» А. Платонова // Философия космизма и русская культура: Материалы международной научной конференции «Космизм и русская литература. К 100-летию со дня смерти Николая Федорова». 23–25 октября 2003 г. Београд, 2004. С. 245–249.

Гибель эпохи – гибель мира в «Комедии города Петербурга» Д. Хармса (The End of an Era – the End of the World in Daniil Kharm's Comedy of the City of Petersburg) // Russian Literature. 2006. № LX. III–IV, Special issue «Daniil Charms». С. 359–365 (коаутор: Ана Яковљевић).

Легенда о Светом Гралу и драма «Ружа и крст» Александра Блока // Зборник Матице српске за славистику. Нови Сад, 2006. Књ. 70. С. 57–71.

Борис Савинков (В. Ропшин) и стваралаштво Достојевског // Славистика. Београд, 2012. Књ. XVI. С. 585–598.

«Коњ блед» Савинкова-Ропшина и поетика нихилизма // Зборник Матице српске за славистику. Нови Сад, 2014. Књ. 85. С. 53–68.

Русская эмиграция в Белграде // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Нижний Новгород, 2014. Вып. 26. С. 141–168.

Библијски мотиви у роману «Коњ вран» Б. Савинкова (В. Ропшина) // Славистика. 2014. Књ. XVIII. С. 400–407.

«Коњ блед» Савинкова-Ропшина и поетика антинихилистичког романа // Зборник Матице српске за славистику. Нови Сад, 2014. Књ. 86. С. 99–108.

Тема Москве у роману «Коњ вран» Б. Савинкова (В. Ропшина) // Славистика. Београд, 2015. Књ. XIX. С. 418–424.

Марк Слоњим – сарадник Руског архива // Часопис Руски архив (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС. Београд, 2015. С. 267–285.

Хоповски конгрес (1925) и делатност Руског студентског хришћанског покрета // Зборник Матице српске за славистику. Нови Сад, 2016. Књ. 89. С. 203–222.

Русский дом в Белграде: история строительства и первоначальная структура Русского дома в Белграде // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII Международной научной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 108–113 (у коауторству с Ирином Антанасијевић).

Роман «Коњ блед» Б. Савинкова (В. Ропшина) и немачка субјективистичка филозофија // Славистика. 2016. Књ. XX. С. 498–509.

Белградская периодическая печать о Д.С. Мережковском в эмиграции (1921 – октябрь 1928) // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2016. Международный научный журнал. Ч. 2 / Факультет журналистики МГУ. М., 2017. С. 181–211.

«Конь бледный» Б. Савинкова (В. Ропшина) и идейное убийство: от события исторической реальности к событию в литературном произведении // Slavica Tergestina. Trieste, 2017. Књ. 18. С. 164–185.

Наличје револуције: роман «Конь вран» Бориса Савинкова (В. Ропшина) // Летопис Матице српске. Нови Сад, 2017. Књ. 500. Св. 4. С. 500–513.

Из истории духовной жизни русской эмиграции в Сербии: Хоповский съезд (1925) и деятельность РСХД // Мультикультурализм и многоезичие: Сборник с докладами от Тринадцатых международных славистических чтений. София, 21–23 апреля 2016 г. Т. II: Антропология, литературознание. Велико Търново: Фабер, 2017. С. 220–228.

Гостовања Игора Северјанина у Београду (1930, 1931. и 1933. године) // Славистика. Београд, 2017. Књ. XXI. С. 286–297.

Белградская периодическая печать о Д.С. Мережковском в эмиграции (1928–1939) // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2017. Международный научный журнал / Факультет журналистики МГУ. М., 2018. С. 273–285.

Писмо Бориса Савинкова краљу Александру Карађорђевићу (1921. г.) // Зборник Матице српске за славистику. Нови Сад, 2017. Књ. 91. С. 217–229.

Сведения об авторе:

Алла Геннадьевна Шешкен,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla Sheshken,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
asheshken@yandex.ru

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2019-38-6-1-171

STEPHANOS
2019
№6 (38)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2019
Ноябрь — November